

Константин КРУТСКИХ
ВИКТОРИЯ ЗНАЧИТ ПОБЕДА
(БЕЛОКУРАЯ МОЛНИЯ)

Аннотация

Вика живет жизнью обычной школьницы, если не считать того, что она - вожак всех мальчишек, прекрасная наездница и фехтовальщица. Как вдруг, однажды размеренной жизни приходит конец - Вика попадает в мир "Калевалы", пускай сильно изменившийся со временем, но все же узнаваемый. Оказывается, что здесь не просто ждали ее пришествия, а очень давно разыскивали ее! И Вика должна срочно включиться в беспощадную многовековую борьбу между наукой и магией. Непрерывный топот коней, ляг мечей, дружба и предательство - все это вихрем проносится на страницах книги, не отпуская читателя от начала до конца!

Глава 1
Ну и денек...

Темное, но совершенно безоблачное небо усеяно прихотливым узором незнакомых созвездий. Точнее, они вроде бы знакомы, но назвать их по имени никак не получается, что-то мешает, какая-то завеса в памяти.

В этот поздний час кругом нет ни души. Даже лесные птицы, и то надолго замолкли. Даже цикада не всплакнет в темноте. Даже ветерок не всколыхнет ветки далеких деревьев. И шепот ручья остался где-то далеко позади, вместе с непроглядной стеной черного леса. Под ногами коня простирается только безбрежное поле, в эту пору еще не успевшее зарости буйными травами. Мягкая почва скрадывает топот копыт. Тишина и покой как будто бы царят во всем обозримом мире. Тишина и покой. Только манящее звездное небо и простор впереди. Только мерно переступает копытами любимый конь, уютно покачивая седло. Только пятки, не знавшие шпор, произвольно и мягко стучаются о его бока. Только дремлет уздечка в руках, отдыхая после напряженного дня.

А день и впрямь выдался таким тяжелым – погони, стычки, грохот сбившихся в кучу повозок, треск ломающихся костей. Все это теперь позади. Можно спокойно проехать по полю, остудить разгоряченно и измученное бесконечными боями тело, хоть на время забыть о том, что на свете идет непрерывная война. Хочется даже зарыться лицом в мягкую гриву коня, прижаться к его длинной шее и ни о чем не думать, но делать этого все-таки нельзя – еще заснешь, и свалишься из седла.

Сколько покоя. Сколько тишины и покоя под звездным небом. Неужели так не может быть всегда? Неужели люди не могут просто забыть о войне и заняться мирным трудом? Почему чужеземцам всегда что-то надо от их гордой страны? Почему им даже мало просто занять чужую землю, а нужно обязательно вырвать и растоптать ее душу?

Ничто в природе не напоминает о том, что на свете есть враги. Тело и душа прямо растворяются в родной природе, в доброте этого леса, этого поля, этих звезд над непокрытой юной головой. Хочется забыть, что ты принадлежишь к миру двуногих, с его бесконечными распрямами, с постоянно льющейся кровью и слезами.

Внезапно ночную тишину разрывает резкий посторонний звук. Все, идиллия нарушена – на горизонте показалась какая-то черная стая. Ну да, враги всегда атакуют в самый неподходящий момент. Но, какие все же, гады, испортить такую ночь! А впрочем, ворчать не стоит – сразу видно, что они дураки – нападать такой ничтожной шайкой. Верный меч не подведет, да и конь сам по себе – отважный воин, уже без счету супостатов полегло под его копытами. Вдвоем они сумеют перебить эту падаль в два счета.

Вот налетает передовой всадник, в его руке сверкнул клинок, но слишком поздно – острие меча вошло ему прямо под подбородок. Вот еще один налетает сбоку, но его голова тут же

летит наземь, как пивной котел. Эй, ну так даже не интересно, давайте по двое сразу что ли.

И, будто угадав, враги заходят сразу с дух флангов. Крутнувшись в седле, удаётся мгновенно завалить обоих. Вот так. Теперь их уже осталось совсем немного, всего-то пять-шесть. Ну что, будете драпать, или все хотите последовать за своими?

Враги неуверенно топчутся чуть поодаль. Их кони нервно прядут ушами, и, вроде бы, все же понемногу пятятся. Как вдруг откуда-то из-за их спин вылетает копьё. Оно летит как-то странно, сделав неестественную дугу над головами воинов. Всадник не успевает ничего поделать.

Огромное, широкое острие размером в две ладони, в мгновение ока пронзает шею коня, а дальше следует тяжёлый, как будто тупой, удар в грудь всадника. Беспомощно звякает кольчуга, трещат ребра, рвется живая плоть, чудовищный наконечник разрывает все на своем пути – сердце, легкое, наконец, снова ребра и кольчугу...

***

Вика резко распахнула глаза и рывком села на кровати. Приложила руку к груди. Сердце под пижамной курткой билось, как будто язык колокола. Вся левая часть грудной клетки нестерпимо болела, и спереди, и сзади. По лбу катились крупные капли пота, как будто в бане.

Она огляделась по сторонам. Уличные фонари, которых понатыкали прямо под окном из-за недавно возникшей напротив новостройки, в последние годы напрочь убивали всю уютную ночную таинственность, даже несмотря на плотно задернутые шторы. Поэтому девочка легко разглядела стрелки настенных часов. Половина четвертого. Еще бы спать, да спать, а тут такое.

Вероятно, от звука ее тяжелого дыхания, проснулся отец, спавший на соседней кровати. Уже понимая, что случилось, спустил ноги на пол и спросил:

- Опять приснилось? То же самое?

- Да, пап, то же самое, - кивнула Вика. – А я кричала, да?

- Нет, дочка, что ты, - помотал головою папа. – Ты ведь никогда не кричишь. Ты же у меня такая могучая. Я просто почувствовал твою боль. Очень сильно?

Девочка молча кивнула, зная, что он ее прекрасно видит, прикусила губу и прикрыла глаза. Папа поднялся на ноги и сел рядом с нею. Она благодарно привалилась к его боку, и отец стал гладить ее по светлым волосам.

- Значит, все как всегда? – спросил папа негромко.

- Да, пап, все то же самое.

- И бескрайнее поле? И битва?

- Ну, не битва, а так, стычка, - поправила Вика.

- Да, знаю. И тебя снова убили?

- Вместе с конем. Вот что страшно. Себя-то не так жаль.

- Слушай, ты у меня вообще человек, или кентаврица? Одних только лошадей любишь, - пошутил папа, чтобы слегка отвлечь ее. – Может, хвост поискать?

Вика вымученно усмехнулась и тут же поморщилась – малейшее движение заставляло ребра ныть сильнее.

- Пап, а это вправду так больно, когда копьём в сердце? Вроде бы, смерть мгновенная.

- Не знаю, дочка.

- Ну, ты чего, журналист должен все знать!

- Да кто же сейчас такое знает? Кто сражается копьями?

- Ну, африканцы, может быть. Или бразильские индейцы.

- Пожалуй. Только я ведь не международник, а скромный репортер областной газеты.

- Да, конечно. А я вот все думаю, с чего это со мною происходит?

- Ума не приложу, - вздохнул папа. – Уже несколько месяцев, прямо с дня рождения, и каждую неделю... Пожалуй, что-то нервное. От сильных переживаний.

- Но от каких? Я ведь в игры электронные не играю – что я, дура, что ли? Фильмы смотрю, в основном, старые, не цветные. Читаю только научную фантастику, фэнтези у меня как-то не идет. Не представляю, что могло вызвать этот навязчивый сон.

- Но твоя любовь к лошадям...

- Ну и что, пап? Это же вполне мирное увлечение. Я просто скачу, и всё.

- Тогда, может быть, что-то в школе? Ты точно обо всем мне рассказываешь?

- Пап, ну я, разве что, купаюсь сама, других тайн у меня от тебя нет, - произнесла Вика даже с некоторой обидой.

- Ну, прости, прости. И все-таки, может, что-то тебя волнует? У тебя завелись смертельные враги?

- Да какие враги, так отребье, о них даже вспоминать лень, - вздохнула девочка.

Они еще пару минут помолчали, потом папа сказал:

- Ну, постарайся заснуть, дочка. Ты же у меня Вика, Виктория, твое призвание – побеждать.

- Знаю, пап, - невесело улыбнулась девочка. – Но как победить бессонницу?

Папа вздохнул и поплелся на кухню, накапал в кружку корвалола, или что там еще пьют в таких случаях, и вернулся в комнату. Вика проглотила пряную жидкость и расслабленно растянулась на кровати, а папа укрыл ее одеялом, присел рядом, стал гладить по голове и полусхрипав напевать совсем детскую колыбельную. Это была у них такая молчаливая договоренность. – дочка по правилам игры должна была немедленно уснуть, как в раннем детстве, а папа - довольный возвратиться на свою кровать. И Вика усердно притворялась спящей – нельзя же, чтобы единственный близкий человек страдал из-за нее весь остаток ночи. Но уснуть взаправду никак не удавалось, до самого утра ее преследовали непрошенные мысли, непонятные догадки, какая-то чехарда заводилась в голове. Может быть, как-то и спалось, только сама девочка этого не замечала, и утром вставала с постели совершенно разбитой.

Так случилось и на этот раз. Только благодаря своей тренированной воле и характеру победителя, Вика смогла подняться с постели и переодеться. Когда она пришла к завтраку, папа невольно рассмеялся – выяснилось, что все лицо у нее разукрашено зубной пастой, как у клоуна. Ну да, заснула со щеткой во рту и макнулась лицом в раковину. И теперь, за столом, тоже клевала носом.

- Вик, ну, может, к врачу сходим, а? – неуверенно предложил папа. – Там, к психотерапевту...

- Вот еще! – сразу пришла в себя девочка. – Ты сам-то любишь по врачам таскаться?

- Верно, - кивнул папа. – Ну, ты уж, хотя бы, на улице осторожней, под машину не попади. И в кружке держись, чтобы конь тебя не сбросил.

- Скажешь тоже! – воскликнула Вика. – Ты же знаешь, меня все кони любят, еще ни один не сбрасывал.

Это было сущей правдой. За все те долгие годы, что она занималась в конном кружке, с ней не случилось ничего опасного для жизни. То есть, конечно, поначалу все тело болело нестерпимо, но это лишь от непривычных нагрузок, а вовсе не по вине лошади.

Кружок находился на окраине их небольшого городка, в поселке Валерьяновка. Организовал его старый казак, есаул Петр Леонидович Маховик. Там занимались ребята со всего города и его окрестностей, причем совершенно бесплатно. С кормом для лошадей помогала городская администрация, а чинили сбрую и ухаживали за скакунами сами ученики. Петр Леонидович не получал за тренерскую работу никакого вознаграждения. Он считал, что главное – с помощью кружка спасти ребят от ужасов современной жизни – наркомании, токсикомании, игромании и прочего - и этого ему было вполне достаточно для

счастья. Несколько раз на него пытались наехать различные богачи, зарившиеся на занимаемый конюшной клочок земли, но тут ему на помощь приходил Викин папа, писавший разоблачительные статьи в своей газете.

Впрочем, Вика была первой ученицей кружка вовсе не поэтому, а благодаря своему упорству, терпению и ловкости. Она беспрекословно подчинялась приказам тренера, выполняла именно столько упражнений, сколько требовалось, усердно убирала стойло, чистила коней и даже понемногу занималась с младшими. А уж взлетевши в седло, она и впрямь будто бы превращалась в кентаврицу – любой конь слушался ее настолько легко, словно читал мысли всадницы, словно всеми его движениями руководил не его собственный, а только ее мозг. Кстати, Вика была единственной девчонкой в кружке за все время его существования, но никому не приходило в голову ни считать ее слабым полом, ни, тем более, влюбиться. Она была равным товарищем среди равных.

В том, кем стать в жизни, Вика не сомневалась ни минуты. Она твердо решила, что ее профессия будет связана с лошадьми. Правда, в современной России таких специальностей найдется не слишком много. То ли дело, на Диком Западе! Там еще в незапамятные времена вместе с ковбоями появились и ковгёрлы – девушки, не уступавшие парням в ловкости, в смелости и в меткости. Конечно, их было не так много, как ковбоев, но все же, довольно заметное количество. Почему-то в России мало кто о них знает, а Вика лазила по интернету и нашла даже специальные сайты на английском, посвященные им.

Родилась бы она сама за океаном – так бы и носила всю жизнь ковбойскую шляпу и пояс с двумя кобурами. Так бы и кидала лассо, валила наземь самых непокорных мустангов и сама объезжала их, так бы и пасла верхом бесконечные стада на ранчо. Да только вот не судьба, тем более, что мустанги в наших краях не водятся.

Ну и не беда, что-нибудь, найдется. Правда, когда все приближался и приближался выпускной класс, пришлось всерьез задуматься, куда пойти учиться дальше, Вика слегка растерялась. Где сейчас у нас нужны лошади? Раньше хоть в деревнях возили телеги с молоком, а теперь и там их почти не встретишь.

Может быть, стать профессиональной спортсменкой? Но как-то ее это не прельщало. Ведь спорт – это все-таки не профессия, он важен лишь для собственного здоровья, а окружающим от него пользы никакой. А может быть, стать наездницей в цирке? Уж там-то такая ловкость нужна, какая в других местах и не снилась. Но потом девочка поняла, что цирк – это тоже не для нее. Там же придется шеголять в каком-то блестящем купальнике, выставив на всеобщее обозрение слишком много открытого тела. А на лбу у твоего коня будут болтаться какие-то дурацкие перья. Словом, цирк он и есть цирк. Лучше уж сразу пойти в клоуны.

Как вдруг, когда они с папой в майские праздники сидели на диване, прижавшись друг к другу, словно в раннем детстве, и смотрели старый добрый фильм про Неуловимых Мстителей, Вику осенило. В который раз пересматривая свою любимую сцену, где бесстрашная Ксанка умудряется спрыгнуть вместе с конем с идущего поезда, а после долго преследует врага по барханам, девочка все поняла. Кино – вот где ее жизненное призвание! О нет, конечно же, ее не привлекала профессия актрисы, она вовсе не метила в этот гадючник с его гламуром и бесконечными скандалами. Даже слава ее не манила своими золотыми лучами. Наоборот, девочка решила стать самым незаметным существом в кино, и все-таки, очень часто, самым необходимым.

Распираемая чувствами, Вика крепко обняла отца, изо всех сил чмокнула его в уже немного заросшую к вечеру щеку, слегка уколов губы, и воскликнула:

- Папа, я стану каскадёром! Конным каскадёром, понимаешь?

И папа так же крепко обнял дочку, без слов давая понять, что не только одобряет ее решение, но просто восхищен им.

Ах, ее золотой папа! Ему даже не пришло в голову отговаривать дочку от столь опасного занятия. Хотя, конечно же, он прекрасно понимал, что уже в самом начале учебы у нее будут переломаны все руки-ноги, несмотря на долгие годы занятий в конном кружке. Ведь наездников учат держаться в седле, а каскадеров, напротив – падать, разбиваться, умирать на глазах у зрителя, и все-таки при этом оставаться живыми и здоровыми. Сейчас бы женщина на его месте раскудахталась – ах, не пуцу, ах, моя единственная доченька, ах, станешь калеккой. А папа есть папа, лучшего друга смелой девочке не найти. Кто еще так понимает ее отчаянную душу, ее звонкое мальчишеское сердце?

А может, и актрисой тоже доведется побыть, если когда-то пригласят за границу. Вика знала, что в Германии ставятся спектакли по книгам Карла Мая про индейцев. И ставятся вовсе не на сцене, а на открытом воздухе, в каких-то карьерах что ли. И там все прямо как в кино – поединки и погони на живых конях. Вика нашла в интернете записи нескольких таких спектаклей. Они смотрели вместе с папой, и им очень понравилось.

Вот, кстати, поработать в Германии было бы просто чудесно. Ведь помимо школьного английского, который Вика, конечно же, знала на пять, она еще занималась немецким с папой. Зачем это ей понадобилось? Очень просто – папа еще до ее рождения успел собрать множество старых ГДР-овских книжек, у которых одни названия чего стоили – "Тайна Трансплутона", "Охотники за астероидами", "Чужой мозг", или даже просто "Звездолет". Почему-то даже во времена дружбы народов их никто не перевел на русский, но разве можно за всю жизнь не прочесть такое? Вот девочка и занималась языком все свободное время – сначала по старым советским книжкам, адаптированным для школьников, потом стала читать уже несокращенные переводы сказок Александра Волкова, которые очень любят немцы. Вообще, учить немецкий ей даже понравилось. Такой язык – прямо, учи – не хочу. Во-первых, его очень легко осваивать, если уже знаешь английский. В них очень много общих слов, ну или отличающихся совсем чуть-чуть. Взять хотя бы самое главное в мире слово – "книга" – в английском "бук", в немецком "бух". Разве такое можно не запомнить? Но есть еще и множество слов, которые так давно и прочно вросли в русский язык, что многие даже не догадываются об их немецком происхождении, например "кучер" или "ярмарка". Есть множество известных фамилий немецкого происхождения, некоторые из которых позволяют запомнить сразу пару слов. Например, Шварценеггер – "черный пахарь". И, наконец, как будто специально для иностранных учеников, в этом языке все существительные пишутся с заглавной буквы. Прямо подсказка, где во фразе главные слова, которые стоит искать в словаре. А, зная существительное, уже легко догадаться и о смысле многих других слов. Тем более, если книжка с картинками. Вобщем, изучение немецкого показалось Вике увлекательной игрой.

Ну и, наконец, со временем, она добралась до заветной полки с "Трансплутонами" и "Звездолетами". И какое же упоительное чувство охватывало ее за чтением этих книг – она как будто попадала в таинственные, неизведанные миры. Конечно, туда попадают все, кто любит фантастику, но в те миры, о которых говорится по-русски, может попасть каждый житель необъятной страны, а вот эти непереуведенные миры, как будто, принадлежали одной только Вике. Туда не мог попасть никто, кроме нее, ну, по крайней мере, из ближних краев.

И уж если она попадет в Германию, играть вот в таком конном спектакле, то привезет оттуда полные рюкзаки книг, на весь гонорар. Ведь больше им с папой ничего и не нужно. Вика никогда не могла понять, почему столь многие люди, даже великие, привозят из-за границы всякую ерунду, если можно привозить самую главную вещь на свете – книги, тем более, такие, которых здесь не найдешь.

Да, да, теперь Вика точно знала, что станет каскадером. И ей не придется носить совсем не нравившуюся ей жокейскую форму, и натягивать на голову жокейскую шапочку – "бомбу", как ее называют французы. Ведь ей хотелось носить вовсе не "бомбу", а молодецкую

ковбойскую шляпу. На коне же она всегда скакала в том же самом наряде, в котором ходила и в школу, и просто по улице – в джинсах и мужской рубашке в синюю клетку – тоже вполне себе ковбойский наряд. К тому же, "бомбу" было бы неудобно надевать при ее длинной косе. Вика понимала, что с ее характером мальчишеская стрижка была бы более практичной. Коса, спускавшаяся между лопаток, даже делала ее более уязвимой в обычных школьных свалках, но девочка упорно берегла ее пуще глаз, и не ленилась подолгу промывать и расчесывать. Дело в том, что она еще до школы прочла в какой-то книжке, что раньше все незамужние девушки носили одну косу, а при замужестве ее расплетали надвое. Вот с тех пор девочка и решила следовать заветам старины. А еще у нее всегда стояла перед глазами жница с картины ее любимого художника Константина Васильева – у той тоже была одна коса. К тому же, Вика знала ее тайну – ведь с таким светлым лицом, это точно не простая жница, а удалая поляница! Так назывались на Руси девушки, сражавшиеся наравне с богатырями-мужчинами. Вот и эта, с картины – в мирное время жнет себе пшеницу, а стоит только показаться врагам, сменит серп на меч.

Впрочем, именно коса помогла Вике еще в первом классе заработать авторитет среди мальчишек. Ведь кто только не пытался поначалу ухватиться за нее, отдергать, оттаскать, и тут же получал такой яростный отпор, что понимал – с этой девчонкой лучше дружить.

Правда, близкой дружбы у Вики так ни с кем и не сложилось, но в принципе, всех мальчишек и своего, и параллельного класса она могла считать своими друзьями. Или, войском, как хотите. Ведь именно она и была предводителем во всех ребячьих проделках.

Но из того, что Вика любила устроить на перемене что-нибудь эдакое – то турнир по боксу, то соревнования по стрельбе из рогаток, вовсе не следовало, что она плохо училась. Напротив, она была отличницей, благодаря своему упорному характеру и призванию быть победителем. Точные науки давались ей со скрипом, но гордость не позволяла махнуть на них рукой, и она, воюя с ними, как с врагами, всегда брала верх. Гуманитарные науки для нее были, как дом родной. Физрук просто гордился ею. А кроме него еще гордился Викой... трудовик.

Да, представьте себе, как только в их классе начались отдельные уроки труда, Вика тут же стала требовать, чтобы ей разрешили заниматься вместе с мальчишками. Она уперлась – не буду учиться кройке и шитью, и всё тут, хочу учиться настоящим делам. Ее уговаривали, уговаривали, а она взяла и явилась в мальчишечью столярную мастерскую в еще папином синем рабочем халате и берете, встав за свободный верстак. Трудовик сделал вид, что все нормально - молча выдал ей инструмент и материал, как и всем остальным. А когда она в конце урока сдала идеально выпиленную и ошкуренную разделочную досочку, учитель с удовольствием вывел в журнале "Никифорова В.: 5+". После этого получился небольшой скандалчик – трудовику сделали выговор, Вике хотели вкатить неуд за поведение, но потом одумались – все-таки, отличница, повышает показатели школе. Снова пошли уговоры и вызовы отца к директору. А Вика, тем временем, написала заявление в Облоно и добилась приема у заведующего. На ее счастье, он оказался мужчиной, причем, бывшим военным, ветераном Сирийской войны. При виде этой пятиклашки с длинной светлой косой поверх синего халата, он расчувствовался едва ли не до слез – своим настырным духом она напомнила ему девушку-санитарку Сабину Морозову, которая вынося его из боя, приняла под левую лопатку осколок мины, предназначавшийся ему. Таким образом, вопрос решился сам собой. Девочке разрешили стать исключением и обучаться труду до конца, сначала в столярной, а потом и в слесарной мастерской.

Словом, Вика была отличницей, но какой-то уж очень неудобной. И дело тут вовсе не в мальчишеских забавах, от которых, кстати, даже ни одно стекло в школе не пострадало, а в ее предельной правдивости. За время учебы она своею прямоотой не раз ставила некоторых учителей в настолько неловкое положение, что выход из него был только один – формально простить все отличнице, и затаять злобу.

Естественно, в классе были отличницы и помимо "этой ужасной Никифоровой". К ним относилась и Королева Марго – Ритка Воронкина, дочь крупного не то бизнесмена, не то бандита. Это разноцветное чудо-юдо как будто явилось в их провинциальную школу из-за океана. Ведь только в иноземных книжках Вике встречались такие классы, где все девчачье население состояло из королевы, ее прихлебательниц и одной-единственной неудачницы, служившей им объектом для травли. Из старых советских книжек Вика знала, что у нас раньше такого никогда не было, никто не стремился поставить себя выше других, во всех классах царила дружба и взаимопомощь. И откуда только теперь такая зараза просочилась? То ли неизбежная примета смутных времен, то ли единичная дура, нахватавшаяся западных манер?

Королева Марго позволяла себе многое – приходила в школу накрашенной по полной программе – губы, брови, ресницы, веки и даже ногти не только на руках, но и в вырезе слишком открытых туфель. Носить платье от Дуче (да, именно так, а не "от Гуччи", думала Вика), ажурные чулки с громадными ячейками, завивку, стоившую кучу денег и походившую на кучу конского навоза. Вика про себя думала, что, пожалуй, Сонечка Мармеладова одевалась и то гораздо скромнее, но вслух этого не говорила, чтобы самой не уподобиться приставучей Маргошке. К тому же, "королева" позволяла себе во время урока укладывать ноги на парту, пихая в спину впередисидящего ученика, а на переменах дымила, как паровоз, даже не прячась от учителей в туалете. Однако, ей все сходило с рук, благодаря отцовским миллионам.

Правда, пятерки по точным наукам "королева" получала и впрямь заслуженно. Но у нее просто были способности к ним, ей не приходилось, в отличие от Вики, проявлять тут дикое упорство. Ну а на что в классе нужны отличницы? Правильно, на то, чтобы давать списывать всем остальным. И Вика помогала товарищам от чистого сердца, не только друзьям-мальчишкам, но и маргошкиным прилипалам. Всем помогала, кто просил – это же ее класс, а товарищей надо выручать. А Маргошка тоже помогала... но только брала за это определенную плату. У нее даже было что-то вроде гроссбуха, куда она записывала полученные суммы и имена должников. Причем, с последних она, конечно же, брала проценты. И даже ее свита, при этом, не пользовалась никакими льготами.

Сперва Вика просто не знала о таком свинстве. А когда узнала от друзей-мальчишек, то попробовала провести с Маргошкой воспитательную беседу. Естественно, толку из этого не вышло, и тогда Вика взяла и заявила обо всем на родительском собрании. И даже не побоялась признаться, что сама дает списывать. Такой скандал уже не удалось замять, и Маргошка все-таки лишилась своего бизнеса, ей запретил заниматься этим сам влиятельный папаша, чтобы не позорила его имя "честного" бизнесмена. Теперь она давала списывать бесплатно, но только своим прилипалам, из боязни потерять у них авторитет.

Такого Королева Марго никак не могла простить Вике, да только и поделать тоже ничего не могла. Ведь она и без того пыталась унижить ее с самого начала, но Вика просто не реагировала на провокации, не отвечала на обзывания. Маргошка лезла вон из кожи, пытаясь вывести ее из себя. И если у мальчишек, даже из старших классов, увлечение верховой ездой поднимало Викин авторитет вообще до немыслимых высот, то Королева Марго вместе со своими шавками тут же приклеила ей кличку "Кривоножка". Приклеила, скорее потому, что кавалеристов традиционно считают кривоногими. На самом деле, ноги у Вики если и выгнулись от тренировок, то совсем чуть-чуть, вовсе не портя ее спортивную фигуру. Но если тупые девицы к кому прицепятся, то от них спасу не будет.

Словом, все было относительно спокойно до сегодняшнего дня.

Несмотря на полу-бессонную ночь, Вика пришла в школу вовремя, даже несколько раньше нужного. Пожав руки всем мальчишкам, устроилась за первой партой и стала повторять урок.

А вот Маргошка сегодня притащила в класс модный журнал и уже минут пятнадцать обсуждала со своей свитой, какое выбрать платье на выпускной вечер. Сентябрь на дворе, а у них уже на уме такие глупости. Заметив появившуюся Вику, она крикнула:

- Эй, Кривоножка, иди к нам, мы и тебе что-нибудь присмотрим!

Вика и ухом не повела. Какое ей дело до платьев?

- Кривоножка! Я с тобой разговариваю! - не унималась Королева Марго. – Иди сюда, кому говорю!

Вика по-прежнему невозмутимо перечитывала учебник, хотя и так все прекрасно знала. Наконец, после еще двух-трех окриков, Маргошка потеряла терпение, приблизилась к ней и, стала что-то орать над ухом. Вика все так же не обращала на нее внимания. Тогда Королева Марго вырвала у нее из рук учебник и швырнула его куда-то в сторону выхода.

Вика поднялась на ноги и с достоинством проследовала к дверям. Вернувшись с учебникам, собиралась вновь сесть за парту, но Маргошка преградила ей путь.

- Слушай, Кривоножка! – начала она, брызгая слюной. – Ты вообще что себе позволяешь? Почему не хочешь быть как все нормальные девчонки? Почему не тусуешься с нами?

- Не твое дело, - сухо произнесла Вика.

- Ах, не мое? – снова захлебнулась слюной Маргошка. – Да кто ты такая вообще, чтобы так со мной разговаривать?

Вика демонстративно отвернулась к окну, а "королева" все продолжала распалаться:

- Ты вообще девчонка, или нет? Ты в чем собираешься на выпускной идти? Вот в этом, что на тебе сейчас? Ты всю школу опозоришь! Или может, пойдешь в своем халате, который весь в опилках? А партнера себе выбрала? Или будешь со стулом танцевать? Да ты вообще придурочная, психованная! Ты, наверное...

И тут она выдала такую фразу, что Вике стало по-настоящему плохо. О нет, это было не какое-то из привычных грязных ругательств, не обыденная для школьников грубость, а такое, что язык не поворачивается повторить даже одними намеками. Можно сказать лишь то, что всего одной фразой эта фифа даже не наплевала ей в душу, а оскорбила, унизила, смяла и растоптала все то, что было дорого Вике. Однажды, роаясь в интернете, она случайно наткнулась на сайт, где было размещено множество фоток, изображавших именно то, о чем сейчас сказала Маргошка. В тот раз Вику чуть не вырвало прямо на клавиатуру, спас лишь характер победителя. Она побежала к папе и разревелась, уткнувшись ему в грудь. А надо сказать, что Вика никогда не плакала от физической боли, а только от душевной, которая пока что, накрывала ее нечасто. А когда папа приблизился к экрану, то даже не поверил, что такое может быть на свете. Его тоже чуть не вырвало.

И вот теперь услышать подобное в свой адрес!

И прежде, чем даже сама Вика успела сообразить, ее кулак врезался в накрашенные губы обидчицы. Она ударила коротко, без особого замаха, но совсем по-мальчишески, мощно и метко.

Надо сказать, что Вика вовсе не была отъявленной драчуньей, никогда первой не задиралась, но и от врагов тоже никогда не бегала. Зная себе цену, она старалась всегда проявлять мудрость сильного человека, и пускала в ход кулаки только когда пытались ударить ее саму или кого-то из младших классов. Ну, либо участвовала в мальчишеских турнирах, но это уже совсем другое дело. И вот как же надо было довести ее!

Королева Марго завизжала и зарылась лицом в ладони. Весь класс разом загудел, причем мальчишеские голоса звучали явно одобрительно. Прозвенел звонок, но никто и не думал садиться за парту. Такого происшествия класс не знал за всю истории своего существования. Подумать только – ударить саму "королеву"! А Вика стояла, сама еще не слишком осознав случившееся.

И, наконец, раздался чей-то злобный голос:

- Никифорова! К директору, с вещами!

***

Директриса их школы, Людмила Николаевна Тычинкина, была именно из той породы учителей, которую и близко нельзя подпускать к детям. Бывают директора строгие, но справедливые, вызывающие невольное уважение даже у самых отъявленных хулиганов. Людмила же не обладала никакими достоинствами, кроме громкого голоса. Сердце свое она то ли забыла в Кошеевом сундуке, то ли сдала на хранение Снежной Королеве. Объяснять ей что-либо было бесполезно. Она прислушивалась (или прислуживалась) лишь к сильным мира сего, в том числе, к предпринимателю Воронкину.

Вика стояла посреди директорского кабинета и раздумывала, что же делать дальше. Она даже с трудом разбирала, что там бубнит Людмила.

- ...Сейчас Риточку повели к врачу, там ее подлечат и освидетельствуют. Твое счастье, если ты ей зубы не выбила. Тогда, может быть, избежишь колонии, мерзавка. А может, и не избежишь.

Зубы, скажет тоже! Вика все же смогла рассчитать силу даже в такой момент и понимала, что самое большое – расквасила Маргошке губы. Может быть, при нормальном директоре и при другой причине удара, можно было бы избежать серьезного наказания. Но ведь не скажешь никому про такое, тем более, этой ледяной глыбе Людмиле. Что она понимает в живых людях? Может, ребята заступятся? Нет уж, лучше не надо – девочка надеялась, что у них хватит ума не повторять сказанное Маргошкой. И Вика подумала, что придется ей сейчас умереть, как купцу Калашникову, в плену собственной чести.

- Ну же, отвечай, мерзавка, почему ты ударила бедную Риточку?

Вика мысленно усмехнулась при слове "бедную", затем сделала глубокий вдох и отчеканила сухим языком полицейского протокола:

- Я ударила гражданку Воронкину из хулиганских побуждений на почве личной неприязни. Вину признаю, но не раскаиваюсь, так как считаю свой поступок классовой борьбой.

- Ишь ты! – оскалилась директриса. – Слова-то какие знает! Классовая борьба! Может, еще революцию нам устроишь? И откуда только нахваталась такого? Небось, от своего папаша-дауна...

При этих словах глаза девочки так и вспыхнули. В голове промелькнуло безумное желание поступить с Людмилой так же, как с Маргошкой, и потом уже пусть будет, что будет – вылет из школы, потеря аттестата и намечавшейся золотой медали, колония, или уже взрослая тюрьма – она толком не знала. Но девочка тут же поняла – надо сдержаться хотя бы ради папы – он такого не переживет.

- Что зыркаешь? – перехватила ее взгляд директриса. – Да, папаша твой – даун, вырастил тебя на нашу беду. И, кстати, без него больше в школе не появляйся.

- Отец в командировке, будет только через неделю, - бесстрастно ответила Вика. Вообще-то она всегда называла его папой, даже в школе, но теперь не хотела, чтобы такое мягкое, домашнее слово звучало в кабинете этой эсэсовки.

- Ничего не знаю! Всё! Проваливай!

Когда Вика, не прощаясь, распахнула дверь, Людмила прокричала ей вслед:

- Кстати, Никифорова, я уже позвонила Риточкиному папе, сообщила ему о случившемся! Он собирается подать на тебя в суд, независимо от того, каково будет заключение врача!

***

Домой Вика решила не идти – все равно папа вернется еще очень нескоро. Что она ему скажет, вот вопрос. Конечно, он ее поймет, и, наверное, даже одобрит, мол, так их, бей буржуйское отребье! Но вот что же, все-таки, делать? Ведь, как ни крути, она втянула их в очень крупную передрагу. Папа этого ей не скажет, но она понимала, что этот так.

Улица в этот час была совершенно пустынна. Дело в том, что на ней располагались сразу две школы, а сейчас еще не кончился даже первый урок. Вика ногу за ногу добрела до тупика, где располагался книжный магазин. Зайти, что ли, "заесть" стресс хорошей книжкой? Деньги у Вики всегда были с собой – даже в младших классах старшеклассники не осмеливались грабить ни ее, ни всех тех, кого она брала под свою защиту. А, впрочем, магазин еще закрыт. Да и скучновато там стало в последние годы, эффект сюрпризов, что ли, исчез?

За этими рассуждениями ноги сами вынесли девочку к станции. Ну что ж, это судьба. Вика поднялась на платформу, дождалась ближайшей электрички и махнула в Валерьяновку. Ладно, пошли они все. Вика решила до папиного возвращения забить на эти дрязги и, как ни в чем не бывало, отправиться в конюшню. Лошади - они такие, они любую душевную рану залечат. Вроде бы, даже есть такое понятие – иппотерапия, то есть, лечение с помощью лошадей.

Когда девочка отправлялась в кружок из дома, она шла до поселка пешком, так было проще. Но ездить туда на электричке прямо из школы она любила больше – уж очень ей нравилась тамошняя станция. Дело в том, что рьяные воротилы от железной дороги давно изуродовали две главных станции их города – Западную и Восточную. Понастроили пластиковых павильонов с турникетами, так, что теперь без билета даже муха не пролетит. То, что из-за этого росли ряды самоубийц-зацеперов, их мало волновало. К тому же без всякой жалости разрушили красивые деревянные кассовые домики, радовавшие пассажиров уже больше ста лет. Что им красота, что человеческая память и даже жизни! А вот до станции Валерьяновка это безобразье еще не докатилось. Это была настоящая такая, заповедная станция – с кирпичным кассовым помещением, с названием, составленных из белых деревянных букв, набитых на черные рейки, со слегка обкрошившимся асфальтом на платформе. От нее так и веяло романтикой дальних странствий. Она еще хранила дух настоящей, не отравленной нынешним смутным временем, железной дороги. Сейчас этот дух пытаются искоренить из всех сил, где-то уродуя станции, а где-то и вовсе разрушая целые ветки. Железная дорога вымирает, словно живые существа, но никто даже не думает хоть как-то защитить ее. Вот и в их краях недавно разрушили целую Динамовскую ветку с тремя станциями и еще одну ветку – Слободкинскую, где погибло уже целых четыре станции. Вика так и представляла, как они не хотели умирать, не сдавались до последнего, кричали от боли. Как будто живодеры убивали больших и добрых зверей, неспособных ни защитить себя, ни убежать. Медленно, с особо изощренным садизмом отрезали от них по кусочку, с живых сдирали шкуру. А уж когда папа рассказывал, как там когда-то было весело, то сами собой просились наружу слезы. Правда, постояв на пороге, закатывались обратно – ведь это же Вика- победитель.

Но станция Валерьяновка пока что оставалась прежней и всегда встречала пассажиров уютом своей древности и неприлизанности. Вот и сейчас, спрыгнув на ее слегка щербатую платформу, Вика почувствовала, что силы понемногу возвращаются к ней.

До жилища есаула было совсем немного, и этот путь Вика проделала всего за несколько минут.

Петр Леонидович встретил ее, как всегда, тепло, улыбаясь во все свои пышные усы:

- Привет, привет, Виктория! – он протянул ей через забор свою мозолистую ладонь. – Что-то ты рано сегодня, я, честно говоря, не ожидал.
- А, из школы выгнали, - махнула рукой девочка.
- Тебя? Такую отличницу? – поразился старый казак.
- Ну да, - кивнула Вика. – За то, что дала в морду одной твари.
- А за дело дала-то? – участливо спросил тренер.
- За дело, только...

- Ну, раз за дело, то не бойся всяких "только", - будто угадал ее мысли Петр Леонидович. – Вот увидишь, правда сама тебя найдет.

Девочка молча кивнула и пошла по тропинке вслед за тренером.

- Вот что, - обернулся к ней есаул, посмотрев на часы. – Времени еще совсем мало, остальные нескоро подтянутся. Так что, может быть, конюшня подождет?

И он заговорщически подмигнул ей.

Вика без слов поняла, о чем речь. Иногда во время занятий в кружке, Петр Леонидович давал ребятам подержать две своих старинных казачьих шашки, которые у него, впрочем, блестели, как новенькие. На первый раз оружие оказалось неожиданно тяжелым, но девочка все же сумела повторить за тренером несколько движений. Через некоторое время она и еще некоторые из ребят даже научились ловко вращать шашку в руке, как показывал есаул. Но дальше этого, конечно, не заходило, он не имел права учить ребятню боевым приемам. Не имел, да для лучшей ученицы все же сделал исключение – уж больно она упрашивала, с ее-то настырностью. Когда выдавался случай остаться наедине, они запирались в большом, просторном сарае и там, вдалеке от посторонних глаз, есаул учил Вику всем премудростям фехтования. А с тех пор, как девочка решила стать каскадером, такие тренировки участились вдвое. Обо всем этом не знал никто, кроме папы. Но уж он-то не выдаст.

И, надо сказать, что оружие слушалось Вику точно так же легко, как и лошади, клинок становился как будто продолжением ее руки. Первые занятия происходили, конечно же, на палках, но уже совсем скоро тренер решился скрестить с ней настоящую шашку.

Поскольку сегодня времени был еще вагон, тренировка затянулась на несколько часов. Вика рубилась с особенной яростью, вспоминая про Людмилу и Маргошку с ее папашей. Через полтора часа тренер решил сделать перерыв, и они пошли пить чай из настоящего дровяного самовара вприкуску с рафинадом, запас которого Петр Леонидович держал для всех своих питомцев – и четвероногих, и двуногих.

- А ты сегодня в ударе, Виктория, - произнес он, прихлебывая из кружки. – Вот только, слегка перебарщиваешь. Злишься, и теряешь голову. Будь хладнокровнее.

- Постараюсь, - кивнула Вика.

И вскоре уже снова зазвенели клинки в яростной схватке. Так продолжалось до тех пор, пока над калиткой не запел колокольчик – начали подтягиваться остальные кружковцы.

Дальше, вроде бы, школьные дразги и вовсе забылись. Вика закружилась в хороводе привычных конюшенных дел – почистить лошадей, позаниматься с парой малышкой, ну и, конечно, сделать с ровесниками несколько кругов вокруг всей Валерьяновки.

С недавних пор ее любимым конем стал белоснежный красавец по кличке Луч. Он появился в конюшне всего несколько месяцев назад, буквально через пару дней после того, как Вике исполнилось шестнадцать. Петр Леонидович даже пошутил – вот, мол, тебе подарочек. И действительно, Луч слушался ее даже еще прилежнее, чем все другие лошади. Но вот с остальными кружковцами он был не так уж ласков, проявлял сильный нор и подпускал к себе с неохотой даже самого есаула. И лишь в присутствии Вики кто-то осмеливался залезать к нему на спину. Стоило только девочке взяться за поводья, конь становился абсолютно смирным, и на него даже можно было сажать малышкой. Но стоило Вике отлучиться, и вся морока начиналась по-новой. Даже рафинад он соглашался брать только из ее рук.

Но вот и начал спускаться вечер. Ребята потихоньку рассасывались по домам. Несколько мальчишек, живших на одной улице с Викторией, предложили ей возвращаться вместе, ватагой. Они уже давно знали, что вдвоем с кем бы то ни было она идти не согласится, чтобы не было похоже на свидание. Но девочка сказала, что еще задержится в конюшне.

Когда все ребята разошлись, Вика попросила есаула еще пофехтовать с нею, но он отрицательно покачал головой.

- Ну, Виктория, больно ты приткая сегодня. Совсем загоняла старика. Если не устала после такого дня, дай хоть мне отдохнуть.

- Хорошо, Петр Леонидович, - понимающе кивнула девочка – А можно я сегодня останусь ночевать в конюшне?

Такое бывало уже не раз, когда Викин папа уезжал в долгие командировки. Ночевать в пустом доме было слишком уж тоскливо. Разлука с папой больно была по сердцу девочки. Она понимала, что работа есть работа, а в ихнем городке журналисту ее найти довольно трудно, хотя своя газета и имеется. Поэтому приходится терпеть бесконечные скитания по отдаленным районам их довольно обширной области, равнявшейся нескольким европейским государствам. Ну а сейчас девочка подумала о том, что с утра можно будет снова взяться за шашку, или хотя бы просто в чем-то помочь тренеру.

- Опять одна осталась? – тут же догадался есаул. – Ну, ладно, не возражаю. Ужинать будешь?

Вика молча кивнула, только теперь сообразив, что даже не съела взятые в школу бутерброды, и они скучали в ее рюкзаке весь день. И еще теперь ее тоже нагнала зверская усталость.

После ужина Вика решила сразу лечь. Хотя сейчас всего лишь седьмой час вечера, но уж больно много нагрузок она перенесла за этот день. А направилась девочка и впрямь в конюшню, а не в жилой дом. При теплой погоде она всегда ночевала именно там, прямо на ворохе сена. Так куда круче, даже круче, чем в походах с палатками и спальниками, о которых так часто рассказывал папа. Тем более, что и денег-то сейчас не наскребешь, чтобы поехать на турбазу, не то, что в папином детстве.

Но прежде, чем зарыться в душистые травы, Вика отправилась поговорить со своим любимцем.

Луч приветственно заржал, увидев ее еще издали, и так тоже бывало каждый раз, когда она появлялась в конюшне, даже если приходила и не к нему.

Вика открыла стойло, сунула в зубы коню кусок припасенного с ужина рафинада и принялась расчесывать конскую гриву, попутно рассказывая о горестях прошедшего дня и ночи. И ей казалось, что конь внимательно слушает ее, как будто все понимает.

- Так что, видишь, Лучик, даже не знаю, что делать, - закончила Вика свой рассказ. – Замучил меня этот сон и эта бессонница, скоро буду из седла падать. А тут еще в школе такое...

Она положила гребень на место и уже собиралась уходить, как вдруг Луч как-то странно заржал, развернулся и стал мотать головой, как будто указывая в угол стойла. Такого он еще ни разу не делал.

- Что с тобою, Лучик? – спросила Вика удивленно. – Не хочешь, чтобы я уходила?

Девочка погладила коня по шее, но он все никак не унимался.

- Да что такое? Кажется, ты хочешь мне что-то показать...

Услышав эти слова, Луч, как будто, утвердительно кивнул. Удивленная Вика взглянула в том направлении, куда он до этого указывал, и, вроде бы, заметила что-то блестящее. Она прошла в угол стойла, наклонилась и подняла с земли какой-то предмет.

Это было что-то вроде серебристого медальона, но только без всяких креплений. Был он размером с ладонь, и почти всю переднюю поверхность занимал огромный ограненный камень, напоминающий рубин.

Вика перевернула предмет обратной стороной, затем осмотрела с боков, надеясь найти какую-нибудь надпись или клеймо, но так ничего и не нашла. Странно. Откуда такая штука могла взяться в конюшне? Конечно, кто-то обронил. Но кто? И зачем притащился с нею сюда?

Блеск явно очень дорогого камня совсем не привлек внимания девочки. Подумаешь. Это вот Маргошка сошла бы с ума, а ей-то, будущему каскадеру, что? Поразмыслив секунду, она поняла, что надо отнести этот предмет тренеру, а уж он разберется.

Вика небрежно сжала медальон в кулаке, и развернулась было к выходу, но не успела. Из камня ударил в заднюю стену стойла какой-то сноп ослепительного света, и она... пропала! Буквально растворилась в воздухе. Там где только что были оструганные доски, клубился вечерний сумрак.

"Это что, какое-то новое оружие? – пронеслось в голове у Вики. – С секретных предприятий нашего города?"

Как вдруг, конь сорвался с места и кинулся прямо в темный провал.

И девочка, не раздумывая, ринулась за ним.

Глава 2 Неожиданное открытие

- Лучик, стой! Да куда же ты! Стой, ну пожалуйста!

Вика мчалась за конем изо всех сил, а они должны были вот-вот иссякнуть, после такого-то дня.

Навстречу ей летели довольно высокие кусты, иногда больно хлеставшие по рукам и ногам, но она старалась не обращать на это внимания. Таинственный медальон по-прежнему оставался зажатым у нее в ладони.

- Лучик, ну что же ты? Ну, куда же ты, давай вернемся!

Но конь, всегда с полуслова подчинявшийся ей, теперь даже не думал останавливаться. Напротив, услышав голос, вроде бы, любимой наездницы, он только сильнее ускорял бег.

Да сколько же так можно? Вика почувствовала, что уже совсем выдыхается. Неужели она позволит себе остановиться? И вернуться в конюшню одной? И что же тогда она скажет Петру Леонидовичу? Нет, так подвести тренера, полностью доверившегося ей, девочка никак не могла. И она продолжала на автопилоте двигать уже совсем одеревеневшими ногами.

Вика не знала, сколько продолжался этот безумный бег. Как вдруг, она выскочила на поляну и чуть было не налетела на коня. Едва успев затормозить, девочка уткнулась в его взмыленный бок. Да, теперь Луч уже никуда не скакал, а, как ни в чем не бывало, пощипывал травку. После такого-то бега!

Ну, сама-то Вика не лошадь, и это чувствовалось все острее и острее. Такого с нею не бывало никогда. Она спокойно сдавала школьный кросс, выполняла и пробежки, которые устраивал Петр Леонидович. Но чтобы мчаться вот так, по незнакомому лесу, через кусты и корни... Едва ли не впервые в жизни у девочки дико закололо в боку, примерно так же, как от копыта во сне, а сердце... Казалось, что она его сейчас буквально выплюнет изо рта.

Тут ее ноги подкосились, и она буквально рухнула в траву, привалившись спиной к левой передней ноге коня. И тот, будто бы все поняв, буквально замер, едва дыша, чтобы не опрокинуть ее.

Наконец, слегка отдышавшись, Вика огляделась по сторонам. Кругом тянулся непроглядный сосновый лес. Правда, сосны были какие-то не очень привычные, отчасти напоминали елки – у них, как будто, было две-три кроны на одном стволе, друг над другом. Что-то девочка не припоминала, чтобы такое росло где-то в окрестностях Валерьяновки. Там кругом были деревянные домики, а деревья встречались довольно редко. Ближайший лес находился далеко отсюда, с другой стороны города, на юго-западе. Да и не такой он был, а смешанный. Куда же это ее занесло? Правда, если проехать по железной дороге еще остановок пять, то там, вроде бы, и впрямь тянутся леса. Но не могла же она пешком промахнуть сразу столько, да на такой скорости. На подобное, наверное, не способны даже

чемпионы мира по бегу. Тут явно была бы трасса для марафона, но марафонцы бегут медленно. И потом, почему ей не попался на пути ни один из ближайших городов и поселков?

- Заблудились, - грустно произнесла она вслух. – Что же ты, натворил, Лучик? Испугался чего-то, что ли? Глупенький, ведь я была с тобой, чего же тогда бояться?

Вика только теперь сообразила, что ее кулак крепко сжат. Она невольно разомкнула пальцы, и увидела, что они сжимали таинственный медальон. Но теперь красный камень не светился, как девочка ни давила на него. Ну и ладно, что в нем проку. Вика засунула его в карман джинсов и попыталась подняться на ноги. Но на этот раз не помогал даже характер победителя – колени предательски подламывались, и она снова и снова опускалась на траву.

Сколько же прошло времени? Вика посмотрела на свои часы – взрослые, мужские, на массивном серебристом браслете, которые папа подарил ей в первый школьный день. Но оказалось, что они стоят. Видимо, забыла завести их сегодня утром из-за этой проклятой бессонницы. Покрутила заводную головку – вроде, пошли, значит, не сломаны, и то хорошо, уж очень она ими дорожила.

- Вот что, друг мой сахарный, - сказала Вика полушутливым тоном. – Затащил меня сюда, так что теперь вези.

Луч негромко заржал и кивнул головой, как будто признавая справедливость ее слов.

- Тогда давай-ка, помогай, - произнесла Вика и осторожно, но крепко, уцепилась за его морду.

Конь тут же начал медленно задирать голову, помогая ей подняться. Вскоре девочка уже стояла на ногах, хотя и не особо твердо. Держась за конский бок, она сделала шаг, другой... Собрав последние силы, подтянулась и запрыгнула на голую спину своего любимца. Тут же привалилась к шее, обхватив ее обеими руками, чего никогда прежде не делала, и снова устроила передышку.

Неподвижно посидев какое-то время, Вика пришла к выводу, что все не так уж плохо. Главное, что Луч от нее все-таки не убежал. А на нем она легко доскачет до какого-нибудь города или села. Ну а там уж узнает, в какой стороне родной город. Если ей попадется такая же неизуродованная станция, как Валерьяновка, без турникетов, то можно будет попытаться втиснуться в электричку вместе с конем. Ездят же в тамбурах люди с велосипедами. Можно даже билеты на них обоим взять. И пусть кто-то попробует доказать, что с конем в поезд нельзя. Это же не собака без намордника.

Позвонить кому-нибудь Вика не могла по самой простой причине – у них с папой никогда не водилось мобильных. Папа говорил, что еще до их появления понял - когда уходишь из дома, то единственное утешение, что на улице тебе не позвонят. Вот он и не хотел отказываться от этого утешения и теперь. Само собой, для него, журналиста, звонки были настоящим кошмаром – праздник не праздник, выходной не выходной, а в любое время тебя могут выдернуть из любимого дома и отправить черт-те куда. Ну а Вика даже гордилась тем, что не держит никаких гаджетов – она понимала, что надо добиваться уважения окружающих только личными качествами а не тем, что у тебя есть такая же фиговина, как у всех.

Но, несмотря на отсутствие связи, Вика не боялась проблуждать в этом лесу несколько дней. Здесь же не тайга, вполне обжитые края. Для Луча пищи полно, а сама она наверняка найдет какие-нибудь съедобные ягоды, а может, и грибов нажарит на костре. Папа учил ее основам выживания, хотя вместе пойти в поход так и не довелось. Она знала, как повалить дерево с помощью обычного ножа, как сделать постель из сучьев, как развести костер во время дождя и многие другие туристические премудрости. Словом, девочка была уверена, что не пропадет, тем более в родных краях.

- Ну, поехали что ли, хулиган, - вздохнула она и похлопала коня по шее.

Тот послушно двинулся с места неторопливым шагом. То ли сам устал, то ли боялся случайно сбросить измотанную всадницу.

Долгие тренировки все-таки сделали свое дело. Примерно через полчаса Вика уже окончательно оклемалась и выпрямилась в... чуть было не сказал "в седле", но седла-то как раз и не было. Еще хуже то, что не было и уздечки. Надо сказать, что вот так садиться на коня без всякой сбруи девочке еще не доводилось. Петр Леонидович строго следил за тем, чтобы все было по правилам. Поэтому приходилось держаться руками за длинную гриву. Кажется, Луч не возражал, для него это не было больно. Ну что ж, все это тоже не плохо. Ведь каскадёр наверняка должен будет освоить и такую езду.

Тем временем, уже начало темнеть, но Луч шагал по-прежнему уверенно, как будто знал дорогу. Вика молчала, чтобы зря не расходовать силы. Останавливаться на ночлег тоже не хотелось. Раз конь идет, то и пусть себе идет. Может, животное чутье и впрямь указывает ему нужный путь.

Наконец, Вика почувствовала, что ей очень хочется пить. Еще бы, должно быть, всю влагу из нее выпарило во время этого сумасшедшего бега. Рубашка вся мокрая, хоть отжимай. Хорошо, что сейчас тепло, простыть не должна. Но жажда все же одолевает.

- Лучик, - произнесла Вика ласково, таким тоном, которым обращалась только к лошадям и к папе. – Будь другом, поищи какой-нибудь ручей. А то я помираю от жажды.

И конь, будто понимая ее слова, свернул куда-то вправо. Попетлял между древесных стволов, к чему-то принюхался, вытянув морду, и вышел на небольшую полянку.

Никакого ручья здесь не было, но внимание девочки сразу же привлекли необычные деревья. Кажется, это были совсем молодые экземпляры все тех же странных, многоярусных сосен. В высоту они достигали не более двух метров, стволы оказались совсем тонкими – Вика могла обхватить их большим и указательным пальцем. Но главное было не в этом. Хвойные ветки этих деревьев как будто светились яркими фонариками! Когда конь приблизился к одному из деревьев, девочка разглядела, что это не фонарики, а плоды. Они были размером с крупный апельсин и такими же желтовато-рыжими. Но только, в отличие от апельсина, они не имели кожуры, и состояли не из долек, а из шариков размером с большую виноградину. Так что, при ближайшем рассмотрении, плод напоминал малину, только совсем непривычного цвета и, тем более, размера.

Вика ошеломленно глядела на эти невероятные деревья. Что все это значит? Как такое может быть? Ведь точно на хвойных деревьях не бывает никаких плодов, кроме шишек. А даже если такое чудо где-то и существует, то уж никак не в средне-русской полосе. Имея пятерки и по географии, и по ботанике, она это знала точно.

Тогда что же это такое? Может быть, деревья-мутанты? Может, здесь проходили какие-то секретные испытания? Вот и медальон этот чудной, разом уничтоживший стену конюшни... Наверное, он как-то с этим связан. А это значит, что тут радиация просто немыслимая. И, следовательно, жить им с Лучом осталось недолго.

Впрочем, мысль о собственной мучительной смерти не очень испугала Вику – воспитывая в себе характер победителя, она вообще давно утратила чувство страха. Стало лишь обидно, что при лучевой болезни она потеряет свои белокурые волосы, включая косу, станет лысой и противной. Не хотелось умирать некрасивой, только и всего.

Луч обернул морду к всаднице и негромко фыркнул, как будто приглашая отведать таинственные плоды. Вика не шевелилась, а конь все настойчивее фыркал и глядел на нее так, будто говорил – ну что же ты, просила пить, а сама не хочешь?

Видимо, девочка так и сидела бы, изумленно глядя на плоды, пока Луч не потянулся губами к одному из них, не схватил и не принялся с аппетитом жевать.

Тут у Вики немного отлегло от сердца. Животное должно отличать съедобное от несъедобного. К тому же, конь, похоже, знал, куда ее привез. А значит, можно попробовать и самой.

Девочка протянула руку за плодом. Он снялся с ветки легко, будто едва держался. Вика немного подула на него, раз вымыть нельзя, и отломил один из шариков. Плод оказался очень сочным, и терпким на вкус, слегка кисленьким, словно облепиха. Но маленькая мягкая косточка была у него все-таки как у малины. Уже окончательно осмелев, Вика отломил еще один шарик, и еще, и еще, пока, наконец, не умяла весь плод. Липкий сок тек по подбородку, а она не останавливалась, рвала плоды один за другим и поглощала их. Вскоре, вся передняя сторона дерева опустела, и только тогда Вика остановилась. Кстати, лишь теперь она обратила внимание, что Луч съел всего один плод, как будто специально оставив все остальные для нее.

Девочка прислушалась к своим ощущениям. Все ее тело, как будто налилось силой. Словно не было бессонной ночи, целого дня тренировок и безумного бега по лесу. Она готова была горы свернуть!

- Вот это да! – произнесла всадница вслух. – Спасибо тебе, Лучик! И откуда ты только такие места знаешь?

Она утерлась рукавом, и только тут вспомнила как поразила ее поначалу эта поляна. Нет, ведь такого точно не могло быть! Если бы такая вкуснятина росла в их краях, об этом бы давно трубили все газеты, и здесь бы шастали толпы. Так что же получается?

Вика машинально запрокинула голову и увидела на темнеющем небе четкий узор созвездий. Но это не были привычные Медведицы или Орион. И даже не какой-нибудь там Южный Крест, которого не увидеть в северном полушарии. Нет, это были созвездия из ее навязчивого сна!

А это означало, что вокруг расстилался чужой мир! Совершенно чужой – не заморские края, а чужая планета! Может быть, даже не в их галактике, не в их измерении, а в параллельном мире. И значит, таинственный медальон не разрушил стену конюшни, а открыл межпространственный портал.

От такого открытия Вика чуть было не свалилась с коня. Первой мыслью было – хорошо, что папа в командировке. Может быть, к его возвращению сумею отсюда выбраться? А если не сумею? Если так и застряну здесь навеки? Нет, тут же подумалось ей, не застряну, хотя бы на зло всем этим Людмилам и Маргошкам. Не доставлю им такой радости. Медальон же у меня остался, и он должен снова заработать. Может быть, он просто истратил всю энергию, а на солнце снова оживет. Кстати, какое тут Солнце? Почему-то подумалось, что из разряда карликов, а впрочем, утром увидим.

И все же... Все же, может случиться, что угодно. Например, она вернется не в свое время, если только вообще медальон настроен на Землю. Она слыхала истории, когда люди пропадали и появлялись через сто лет, или вообще проваливались в прошлое. Что же будет с папой? А Петр Леонидович? Ведь он последний из землян, кто ее видел, и об этом знают все кружковцы. Полиция придет к нему с обыском, найдет ее рюкзачок, и в чем его тогда обвинят, страшно подумать!

Впрочем, паниковать еще рано. Надо хотя бы дождаться утра, добраться до ближайшего города, если они тут есть, словом, надо действовать.

-Так, - вслух произнесла Вика. – Это я, значит, теперь, типа, Алиса, провалившаяся в нору. Правда, вместо кролика – конь, но тоже белый.

Эти мысли несколько взбодрили ее. Из всех зрительных образов, связанных со сказками Льюиса Кэрролла, ей больше всего нравилась Алиса Кингсли из кинодилогии Тима Бартона. Вот уж всем Алисам Алиса! Ничего не пожалела ради спасения друзей и ради осуществления своей мечты. Стала рыцарем в Стране Чудес и настоящим морским капитаном в своем мире. И ради этого отказалась от всего на свете, даже от родного дома! Конечно, Вика не собиралась становиться моряком, поскольку не мыслила своей жизни без лошадей. Но образ Алисы Кингсли вдохновил ее на многие победы. Даже волосы у этой Алисы были столь же белокурыми, как у нее самой, и это тоже очень нравилось Вике.

Вспомнив об Алисе, съевшей, чего не надо, девочка, на всякий случай, оглядела себя – но нет, все было по-прежнему, она ни выросла, ни уменьшилась. Уже хорошо. Значит, в этом мире можно освоиться, а там, глядишь, и обратная дорога найдется. Ну а слезливое море ей совсем не грозит, а значит, и странные скачки тоже. Поэтому всадница погладила коня по шее и ласково произнесла:

- Ну, ладно, Лучик, поехали дальше.

Глава 3 Встреча в лесу

Покинув гостеприимную поляну, конь, вроде бы, вернулся на прежний маршрут. Вике даже стало казаться, что он твердо осознает, куда именно они направляются.

Темнота все сгущалась, но Луч и не думал останавливаться. И у Вики даже появилась смутная догадка – а что, если он бывал здесь раньше? Даже не просто бывал, а прекрасно знал эту дорогу, которую человеку, тем более постороннему, отыскать было бы очень трудно.

Ну что ж, тем лучше. Значит, у нее уже есть друг, знакомый с этим миром. Это уже очень много, и вдвоем они точно не пропадут.

А если еще по пути попадетсЯ хижина, где живет веселый монах, который угостит ее жареным мясом, а утром они вместе вступят в бой за справедливость... Впрочем, это уже не про Алису, но тоже любимая британская классика.

Эти фантазии снова взбодрили ее, и на душе стало совсем легко. Все в ее руках. Все в руках Вики-победителя.

Вскоре девочка поняла, что конь ступает по лесу почти бесшумно. Для такого большого животного это казалось чудом. А раньше он, вроде бы, двигался обычно, под копытами хрустели кустарники и обломанные веточки деревьев. И что это значит? Неужели почувствовал какую-то опасность? Или, по крайней мере, знает, что приближается к такому месту, где лучше держать ухо востро? Поняв это, Вика тоже постаралась держаться как можно тише. Впрочем, для нее это было не так уж сложно. Кроны многоярусных сосен были высоко, тонкие плодоносящие экземпляры больше не попадались, а подлесок был слишком низким, не доставал до ее подошв. Время года здесь стояло, пожалуй, то же самое, что на Земле, так что теперь, когда одежда подсохла, было совсем не холодно.

Тем временем, Луч все замедлял и замедлял шаг. И, наконец, замер, как вкопанный. Вика прислушалась, потом огляделась по сторонам. И заметила, что впереди, за деревьями, вроде бы, мерцают блики огня. Неужели костер? Люди? Сердце девочки бешено заколотилось в ожидании встречи с жителями этого незнакомого мира. Какими они окажутся? Похожими на нас? Развитыми, или нет? Дружелюбными, или враждебными?

- Лучик, давай понемногу вперед, только чтобы нас не заметили, - произнесла Вика на ухо коню.

И тот, как всегда, будто понимая ее речь, сделал несколько шагов, затем вновь остановился.

Теперь стала ясно видна поляна, посреди которой горел костер. Вокруг него толпилось множество живых существ – и люди, и кони. При виде последних, девочка было решила, что люди могут оказаться, например, конными туристами. Но разглядев их получше поняла, что в этих краях, точнее, в эту эпоху, вряд ли вообще ли есть и туризм, и спорт.

У костра сидело несколько неприветливых на вид воинов в кожаных доспехах и шлемах. Вика тут же смекнула, что до металлических доспехов этот мир, видимо, не дорос. Вообще эти люди напоминали кочевников из каких-то очень далеких эпох. Их грубые лица заросли густой черной бородой, ладони, кажется, тоже были довольно волосатыми, словно у

обезьян. Они переговаривались между собою на каком-то языке, который издали было трудно разобрать.

Воины отдыхали. Привязав коней к ближайшим деревьям, они жарили на костре тушу какого-то недавно убитого зверя, смеялись и передавали друг другу бурдюк с бесцветной жидкостью, которая тут же текла по их черным бородам.

Девочке стало окончательно ясно, что к этим типам лучше не приближаться. Дикари, агрессивные, да еще и пьяные. Она уже хотела было попросить коня дать задний ход, но решила все же побыть здесь еще – может, удастся узнать хоть что-то полезное.

Вика прислушалась, втайне надеясь, что, может быть, язык все же окажется знакомым. Ведь если это параллельный мир, он вполне может быть копией Земли, лишь с небольшими отличиями, вроде плодоносящих сосен.

Теперь, как будто сбылось то, о чем она грезил над иностранными книгами – они с Лучом и впрямь оказалась в своем собственном неведомом мире. Вот только знание земных языков здесь, увы, не помогло. За несколько минут девочка успела убедиться, что это точно не английский и не немецкий и не что-нибудь похожее на них. Но при этом она сделала потрясающее открытие – ей показалось, что она понимает этот язык, хотя точно никогда его не учила!

- Монтако тячи олеме вешема? – спросил воин, вертевший тушу над костром. И Вика почему-то поняла его слова: "Сколько сегодня у нас добычи?"

- Тырмыт! Кемонь фьюод я кандаш ланьод! – ответил сидевший напротив. И в голове у Вики тут же всплыло – "Достаточно! Десять мальчишек и восемь девчонок!"

Она мысленно порадовалась своей неожиданной способности, и только потом до нее дошел весь ужасный смысл услышанного. Добыча? Мальчишки и девчонки? И где же они?

И, будто угадав ее мысли, еще один воин насмешливо произнес:

- Пеаб этэтни пуньпиод! (Надо накормить щенков!)

С этими словами он дернул за веревку, конец которой, оказывается, держал в руках. И от этого рывка тут же поднялись на ноги несколько оборванных, чумазых детей. Впрочем, они были такими явно не по своей вине. Вика заметила, что волосы и кожа у них очень светлые, как у нее самой, только перепачканы сажей или землей, а одежда, кажется, совсем недавно была куда более цивилизованной, чем у их поработителей, ее явно пошили из тканей, созданных человеком.

Воин, смеясь, протянул стоящему ближе к нему мальчишке обглоданную кость. Когда тот брезгливо отвернулся, бородач стал пихать кость ему прямо в плотно сомкнутые губы, а когда вновь ничего не вышло, с размаху ударил ею паренька. Тот полетел наземь, увлекая за собою привязанных к нему собратьев.

Воины загоготали, выкрикивая что-то неразборчивое. Бурдюк с хмельным напитком снова пошел по кругу.

Внутри у Вики все закипело. Вот так обращаться с детьми? Да люди ли это вообще? Сколько малышей она сама защитила в свое время от распоясавшихся старшеклассников, пока те не начали ее уважать и бояться! Но тут дело похлеще. Тут явно не ограничится разбитым носом. К тому же, она одна в чужом мире, не знает ни здешних законов, ни расстановки сил. А вдруг одолеть этих садистов недостаточно, вдруг у них поблизости еще главные силы? Но нет, она же Вика-победитель, она не может пройти мимо несправедливости, чем бы это ей ни грозило.

- Лучик, этих ребят точно надо спасать, - прошептала девочка, прильнув к шее коня. – Ты не против, если я использую твою гриву вместо уздечки? Не просто подержусь, как сейчас, а по-настоящему? Потерпишь?

Конь кивнул, как будто соглашаясь. Тогда девочка намотала его длинные пряди на кулак левой руки, а правой подхватила толстую суковатую ветку, по-видимому, отбитую от дерева грозой, и запутавшуюся в соседних ветвях. Вот так, хоть какое-то оружие.

Вика никогда не делала лошадям больно, вот и теперь не ударила Луча пятками в бока, а негромко произнесла:

- Н-но! Пошел!

Крепко держась за гриву, она направила своего скакуна прямо в центр окружавшей костер толпы. Воины обернулись было на стук копыт, но было уже поздно. Белокурая молния ворвалась в их круг и начала наносить удары один за другим.

Воин, оказавшийся прямо на пути у скакуна, переломился пополам под его копытами, даже не успев вскрикнуть. Еще одного Вика с размаху огрела своей дубинкой, так, что острые сучки вонзились ему в лицо, и тот покатился по земле, вопя от боли.

Тем временем, всадница ринулась к тому мерзавцу, что ударил мальчишку. Сейчас бородач сжимал в руках бурдюк, и продолжал хлебать, видимо, не заметив всеобщей суматохи. И Вика, словно копьем, с ходу пропорола острым концом ветки и бурдюк, и, то, к чему он был прижат. Прозрачная жидкость хлынула наружу, стекая прямо в костер по одежде воина, и она тут же занялась ярким пламенем. Садист заорал и закружился на месте, разбрасывая снопы искр. А Вика, тем временем, заметила, что у него на поясе висит длинный меч, и легко выхватила его.

"Ну вот, - подумалось, ей, - теперь пригодятся уроки Петра Леонидовича. Не зря я прицепилась к нему с фехтованием". Конечно, шашка – это не меч, а скорее, очень длинный нож, без гарды. И, тем не менее, Вике показалось, что у нее получится обращаться и с мечом.

Живой факел продолжал метаться по поляне, и только теперь девочка сообразила, что он больше не держит веревку, к которой были привязаны дети. Поэтому она тут же обернулась к ним и крикнула:

- Лапсед! Куржашке!

Это означало "Ребята! Бегите!" Вика и сама не поняла, каким образом эти слова возникли у нее в голове, как сорвались с языка. Однако, дети расслышали и поняли их. Они начали подниматься с земли и неуклюже, сталкиваясь друг с другом, засеменяли туда, где образовалась брешь.

Как вдруг, оборванная девочка, двигавшаяся в этой веренице последней, повернулась к всаднице и крикнула:

- Хатрафордулке! (Оглянись!)

Вика поспешно последовала совету, развернулась в седле, и тут же рванула Луча за гриву, чтобы отскочить в сторону. Оказалось, что за это время воины успели опомниться от неожиданной атаки и теперь оседлали своих коней. Двое, которых Вика и Луч повергли сразу же, так и оставались лежать кучей грязных шкур. Живой факел догорал у остатков костра. А вот остальные враги уже скакали во весь опор.

Поскольку Вика успела вовремя увернуться, они пронеслись мимо. А когда первый из всадников развернулся к ней, девочка уже успела парировать его атаку своим клинком. Оказалось, что меч сидит в руке даже еще лучше, чем шашка, а гарда, изогнутая в сторону острия, сильно помогает отбивать удары. Ну что ж, тем лучше.

Вика ударила еще пару раз, отбивая атаку противника. И тут она заметила, что он всего лишь на секунду отставил незащищенное горло. Здесь было нечего раздумывать и жевать сопли по поводу гуманности – от того, кто ударит первым, зависела собственная жизнь. И Вика тут же воспользовалась оплошностью врага – изо всей силы рубанула по открытой полоске шеи. Клинок прошел сквозь плоть противника, словно сквозь масло, и тут случилось совершенно неожиданное. Отрубленная голова подпрыгнула в воздух, как будто подброшенная мощной струей, а из-под кожаных доспехов вырвался столб каких-то мелких мушек, тут же растворившихся в ночном небе. Опустевшая одежда безвольно сползла на землю.

Так значит, ее враги это даже не люди, не гуманоиды, а вообще непонятно что, какая-то нежить. Ну, тогда тем более церемониться с ними нечего.

Вика отразила еще один удар, и пнула следующего противника ногой в колено. Тот скорчился и повис в седле, и девочка тут же рубанула его по шее. Эффект оказался тот же самый.

Тогда, приободренная этим открытием, Вика начала рубить направо и налево. Удары противников сыпались на нее градом, но она ловко отбивала их и уворачивалась, уворачивалась, не давая врагам опомниться.

Вот Луч выскочил из свалки, и двое пьяных всадников вонзили мечи друг в друга. Снова сплошной рой непонятных мушек взметнулся над поляной. А Вика врубилась в кучу и пронзила еще одного, затем еще.

Какой-то воин попытался достать ее издалека, одним лишь острием клинка. Но Вика так ударила по металлу, что всадник не удержал его в руках и сам завалился вперед. Девочка тут же срубила ему голову, и едва успела увернуться от роя.

Вот сразу двое окружили ее с боков и попытались пронзить. Один клинок она отбила, от другого увернулась. Снова ударила ногой, снова рубанула одного и проткнула другого.

Луч тоже не оставался простым ездовым животным, а всюю участвовал в битве. То схватит кого-то зубами и рванет с седла, затем добьет копытами. То ударит лбом в бок, так что враг подставится под Викин меч. То изо всех сил толкнет вражеского коня, и тот сбросит всадника. Словом, вдвоем они оказались довольно сильной командой.

Девочка почувствовала какое-то необычайное окрыление, которое снисходило на нее совсем редко. Например, тогда, когда она отстояла свое право заниматься трудом с мальчишками. Или когда впервые в жизни взяла высокий барьер. На тренировках по фехтованию такого еще не бывало. Вообще тут было сразу столько всего нового – Вика впервые в жизни скакала во весь опор на коне без сбруи, впервые взяла в руки меч вместо пашки, впервые фехтовала верхом и впервые насмерть сражалась за собственную жизнь и, что важнее всего, за жизни многих других.

"Эх, - невольно подумалось ей, - как жалко, что меня сейчас не видит приемная комиссия. Наверняка взяли бы учиться на каскадера без всяких экзаменов! Это же прямо настоящее кино!"

Удаль, с которой она делала в жизни буквально все, сейчас, как будто, достигла своего апогея. Девочка только теперь почувствовала в себе талант настоящего воина. Одно дело – начистить морду обычным хулиганам в подворотне, и совсем другое – в течение нескольких минут придумать множество различных комбинаций, умело орудуя клинком и любой частью тела, высмотреть ту единственную точку, удар по которой станет смертью для врага и жизнью для тебя. Как там писал Пушкин - "Есть упоение в бою"? И Вика, много раз повторявшая эти строки и на уроке, и просто так, для себя, лишь теперь осознала все их значение.

Нет, это все не было веселой игрой, где тебе никогда ничего не будет. Несколько клинков все-таки успели достать ее по касательной. Кто-то смог дотянуться и уколоть в бок, и теперь на рубашке проступило широкое алое пятно. По левой руке от локтя вниз тянулся глубокий порез, на правой ладони тоже виднелась пара отметин. Да и Лучу досталось – несколько красных полос покрывало его бока и шею. И все-таки, воспетое поэтом упоение не покидало Вику.

Она сыпала удар за ударом, не чувствуя никакой усталости и боли. От клинка уже будто бы сыпались искры. Ей вспомнился сегодняшней совет есаула – не злиться, быть хладнокровной. И это действительно помогало ей теперь каждый раз делать правильный расчет. Вот еще раз скрестились клинки, и еще, и, наконец, слабое место найдено, голова нежити летит с плеч, в воздух вздымается следующий рой.

Наконец, Вика взмахнула мечом в очередной раз и поняла, что уже рубит пустоту. Оглядевшись, она увидела, что ее окружают одни лишь кони, в седлах у которых болтаются пустые кожаные доспехи. Неужели победа? Сколько же их было? Человек... нет, штук двадцать?

Как вдруг тишину прорезал истеричный крик:

- Эй тарванашке! Ма каль мурхата тема! (Не двигайся! Я сейчас убью его!)

Девочка стремительно обернулась.

Дети, которым она велела бежать, так и не смогли уйти далеко, видимо, запутались в веревке. А последний из оставшихся в живых воинов держал за волосы того самого несчастного мальчишку, которому уже досталось костью по лицу. Малец дрожал то ли от страха, то ли от боли, а чернобородый прижимал к его тонкой шее свой меч.

Вика мысленно оценила расстояние. Далековато. Прежде, чем Луч развернется и успеет сделать хоть один скачок, этот урод и впрямь прикончит мальчишку.

Раздумывать было некогда – и девочка метнула свой меч так, как мечут копье. Он просвистел в воздухе и вонзился прямо в лоб воина, пронзив голову насквозь. И тут же упал наземь, поскольку и голова, и все тело обратились в уже привычный рой мушек.

Вика огляделась по сторонам. Все, больше врагов не наблюдалось. Только их кони, уже забывшие о том, что у них были хозяева, мирно пощипывали травку.

А девочка только теперь почувствовала, как она снова дико устала. Сползла со спины Луча и вместе с ним двинулась к детям. Прислушалась к своим ощущениям. Нет, все-таки эта усталость была приятной, как будто после хорошей тренировки. Вот только раны теперь давали о себе знать, в бою было просто как-то не до них.

Вика подобрала свой меч, прекрасно помня, где он упал. Осмотрев клинок, увидела, что на нем нет ни капли крови. Ну да, это и не удивительно с такой непонятной, разлетающейся нежитью. А вот сама она окровавлена, хотя, впрочем, раны, кажется не глубокие, должны как-нибудь затянуться.

Будто уловив ее мысли, Луч пошарил носом в траве и вскоре протянул ей несколько круглых листьев, напоминавших подорожник. Ну, конечно, сразу стало понятно, что это лекарство. Вика поблагодарила своего друга и приложила листья к ранам. Зелень тут же пристала к еще незасохшей крови.

- Лапсед! – крикнула Вика. – Лапсед, кайкки кифодьс! (Ребята, всё закончилось!)

Испуганные дети начали осторожно подниматься с земли. А Вика поняла, что еще придется малость поработать мечом – освободить их от веревок.

Дети потирали затекшие запястья, разминали руки и ноги. Но не успела она еще закончить свое дело, как раздался сначала чей-то неуверенный робкий голос, потом чей-то еще, более твердый, потом еще и еще. И все они повторяли примерно одно и то же:

- Са Войтто! Са нейтсут Войтто! Кугу нейтсут Войтто виссатерс!

"Чего? – удивленно подумала Вика. – "Великая дева Войтто вернулась?" Что это значит? Это они про меня, что ли?"

А дети, окружив ее, дергали за руки и все продолжали кричать:

- Са Войтто! Са Войтто!

Ну да, "Ты Войтто!". За кого же, интересно, они ее принимают?

Затем кто-то из детей приблизился к ее коню и воскликнул:

- Киир!

Все остальные обернулись, словно по команде, и тоже закричали:

- Киир! Киир!

Тут Вика совсем растерялась – ведь это слово означало именно "луч"! Но откуда здешним детям знать ее скакуна? А тот, как будто понимая их речь, вскинул голову и протяжно заржал. Дети облепили его со всех сторон, а он не пытался их отогнать, как обычно поступал с земными детьми.

- Элякёён! Нейтсют Войтто я Киир виссатерсид! (Ура! Дева Войтто и Луч вернулись!) – разносились над поляной звонкие детские голоса.

Нет, Вика уже была окончательно сбита с толку. Значит, даже не ее одну, а их вместе с Лучом принимают за какую-то местную легенду? Причем, имя коня даже совпадает в переводе?

"Ну вот, из одной сказки в другую, - подумалось ей. – Теперь еще меня объявят Феей Летающего Домика". Ну что ж, может быть, так даже лучше. Может быть, статус легенды поможет ей поскорее вернуться домой.

Пока дети играли с конем, Вика отыскала среди кожаных доспехов сохранившуюся перевязь для меча и надела ее. Вот так. А то не таскать же его в руке все время. Затем она окинула взглядом ребятню. По словам захватчиков, их должно было быть восемнадцать. Да, вроде бы все на месте. Значит, пора двигаться, нечего тут больше делать. Только куда двигаться? А, впрочем, Луч, или Киир, наверняка знает дорогу, уж теперь-то Вика в этом не сомневалась. И, скорее всего, приведет именно туда, где живут эти дети.

- Лапсед, всем слушать меня! – крикнула Вика, и голоса разом смолкли. – Кто умеет скакать верхом?

Ответом было дружное молчание.

- Ладно, - произнесла она. - Тогда сделаем так. Я вас подсажу, а вы держитесь изо всех сил. Передний – за гриву, остальные за сидящего впереди!

И, не раздумывая, она подхватила первого попавшегося мальчишку и усадила на ближайшего из вражеских коней. Тот отреагировал спокойно, и Вика посадила к нему на спину следующего, затем еще одного. По трое они чувствовали себя в седле совсем неплохо.

Таким образом, Вика пересажала всех детей. Затем, подумав, сняла сбрую с одно из оставшихся коней и принялась "одевать" Луча. После этого она построила всех коней, в том числе, и свободных, друг за другом, запрыгнула в седло и по-русски попросила своего друга:

- Ну, давай, вперед!

Луч двинулся в одному ему известном направлении. Обернувшись, Вика увидела, что и все остальные кони покорно шагают за ним. Ну что ж, расчет был верным. Хорошо бы и дальше здесь всё получалось не хуже.

Глава 4

Старая новая родина

Когда вереница углубилась в лес, Вика заметила, что Луч вновь шагает привольно, ничего не опасаясь и хрустя опавшими веточками. Значит, больше не чувствует опасности. Что ж, весьма кстати. Все-таки, приключений на сегодня более, чем достаточно. Да и когда это – "сегодня"? Если считать с того момента, как она проснулась ночью, наверняка прошло уже больше суток. А часы уже давно встали.

Постой-постой... Проснулась ночью... А во сне видела именно те созвездия, которые разглядела на здешнем небе. Вика задрала голову к небу и стала пристально разглядывать их. Да, все именно так. Только теперь она знала их имена! Вон, в самом центре, прямо над головой – Кантелеенсойттая (Гусляр), чуть справа – Вадас (Охотник), вон там, немного ближе к горизонту – Вуныл (Русалка). Да, все до одного созвездия теперь были ей знакомы. Она даже знала, что здешняя полярная звезда называется Каваменге.

Так что же все это значит? Она попала в параллельный мир, но он для нее не такой уж чужой? А все эти знания – языка, созвездий - это что, генетическая память? И то, что дети за кого-то принимают ее вместе с конем? Может ли это быть простым совпадением? А вдруг, она и вправду... отсюда? Нет, такого не может быть! Вика прекрасно знала, что

была дочерью своего папы. У нее было свидетельство о рождении, были альбомы со старыми фотографиями, где бережно отображались все этапы ее жизни. Наконец, она была и внешне похожа на папу, и невольно копировала его манеры - в этом никто не сомневался. Словом, Вика точно знала, что родилась на Земле. Но тогда откуда же все это?

- Лучик, ты что-нибудь понимаешь? – спросила она, и тот, обернувшись к ней и посмотрел как-то странно, будто бы с некоторой хитрецей. – Понятно, значит, ты, похоже, во всем этом участвуешь, и только одна я, как дурочка, ничего не понимаю. Ладно уж, топай...

Вскоре им попала еще одна поляна с молодыми плодоносящими деревьями. Вика обрадовалась – все-таки, битва сильно истощила ее силы. Дети загалдели, и пришлось прикрикнуть, чтобы никто не соскакивал наземь, чтобы ели, оставаясь в седле. Ее приказа никто не посмелслушаться, и все принялись молча рвать чудесные плоды. Кони не отставали от них, тоже угощались. А сама Вика снова опустошила половину дерева.

Почувствовав новый прилив сил, она уже во весь голос крикнула:

- Н-но, Лучик, давай, прямо к цели!

И отряд двинулся дальше. То ли подкрепление подействовало, а то ли Луч почувствовал, что финиш близок.

Вика не знала, сколько времени прошло, как вдруг, ее конь остановился и радостно заржал, высоко запрокинув голову.

Странно. Вроде бы, окрестный пейзаж ничем не изменился. Кругом по-прежнему тянулся лес, состоявший из одних только старых сосен. Потом, приглядевшись, Вика заметила, что посреди деревьев поднимается травянистый холм высотой метра в два и диаметром метров в пять. На нем тоже росли деревья, так что, случайный путник мог бы вполне проехать мимо. Но Луч, видимо, искал именно его.

Приблизившись к крутому склону холма, белый конь наклонил голову, как будто собираясь щипать траву, но вместо этого подхватил зубами какое-то кольцо величиной с хороший бублик и потянул его на себя.

В недрах холма раздался какой-то резкий и долгий звук. Конь потянул снова и снова, звук продолжался. Затем внутри холма раздался лязг, вроде бы заработали механизмы. Луч поспешно выпустил кольцо и отпрянул.

Прямоугольный кусок травянистой поверхности размером с двери подъезда отполз куда-то в сторону, и за ним показалась массивная металлическая решетка, за которой стояли двое воинов в стальных с виду доспехах и с длинными мечами наперевес.

- Кто здесь? – донеслось оттуда. – Кто здесь? Назовите себя, немедленно!

Вика растерялась, не зная, что ответить. И понимала, что стражники, конечно правы – нельзя пускать, кого попало, если тут орудуют похитители детей. Что же делать? Назваться заблудившейся странницей смешно, кто в такое поверит. Тогда что же?

Как вдруг один из мальчишек спрыгнул с коня, за ним еще несколько ребяташек. Они подбежали к решетке и во все горло заорали:

- Войтто! Кугу нейтсют Войтто виссатерс! Войтто! Войтто!

"Опять твердят о том, что я откуда-то вернулась, - подумала Вика уныло, - Чем мне это поможет?"

Однако она ошиблась. Стражник, стоявший ближе, выронил меч, протянул руки прямо сквозь прутья к одному из мальчишек и воскликнул:

- Унжа, сынок, не уж-то ты? Живой?

- Да, папа, я живой! – отвечал мальчик, бросаясь к нему. – И спасла меня дева Войтто!

- Осторожно, Вакш! – предупредил второй стражник. – А вдруг это ловушка?

- Да какая ловушка, Зор, - отвечал счастливый Вакш по-прежнему обнимая сына сквозь прутья. – Смотри, все пропавшие здесь! Давай, открывай.

- Войтто! Войтто! – наперебой кричала детвора.

Теперь уже все спасенные толпились у ворот, давно спрыгнув на землю, и лишь одна Вика не решалась спешиться.

Тем временем, решетка поднялась, но дети не спешили заходить внутрь.

- Папа! – крикнул Унжа и потянул отца за руку, - папа, да посмотри же ты, с нами сама Войтто! Кугу нейтсут Войтто!

- Что? Какая Войтто? - не понял тот. - Войтто на месте, на главной площади. О чем ты, сынок?

- Да нет же, папа, она пришла с нами! Она спасла нас!

Но Вакш был настолько поглощен своим неожиданным счастьем, что ничего не мог взять в толк. А вот второй охранник, Зор, которого дети буквально за руки подтащили к Вике, подняв глаза, невольно вздрогнул от удивления:

- Не может быть! Неужели и впрямь сама Войтто? И Киир?

- Да! Да! Это она! – наперебой кричали дети. – Она нас спасла! Она перебила всех врагов! Великая Войтто!

Вика молча сидела в седле, по-прежнему не зная, что сказать. Подтвердить, что она и впрямь эта пресловутая Войтто? А если потом в ней распознают самозванку? Тогда можно и не сносить головы.

Тем временем, стражник сделал пару шагов назад, трижды поклонился ей в пояс и произнес:

- Приветствую тебя, великая дева Войтто! Позволь, я проведу тебя к нашим властям.

- Йолван (хорошо), - только и нашлась, что сказать Вика. Голова у нее просто шла кругом.

Зор взял Луча под уздцы и двинулся вглубь холма. Вика слегка пригнулась, чтобы не стукнуться головой о притолоку. Боковым зрением она видела, как Вакш и дети загоняют в ворота остальных коней. Когда все оказались внутри, Вакш опустил решетку, а затем и задвинул почвенную маскировку. К удивлению Вики, для этого оказалось достаточно нажать несколько кнопок на стене. Вот не думала, что здесь есть такая техника!

Вакш остался на посту, а Зор нажал еще какую-то кнопку, и площадка на которой стояли все, кроме Вакша, неожиданно резко дернулась и поехала вниз! Это был лифт, самый настоящий лифт!

Вика удивленно взирала на то, как проплывают мимо слои сперва мягкой почвы, потом глины, а потом, кажется гранита, или еще каких-то минералов. У лифта не было боковых стенок, но все дети дисциплинированно держались посередине и придерживали коней под уздцы. Видимо, давно привыкли ездить подобным образом.

Наконец, лифт остановился. Зор сошел первым, открыл какую-то дверь и на минуту исчез. Потом появился вместе еще с несколькими стражниками. Кто-то из них взялся увести коней, кто-то – развести детей по домам, но все с невольным трепетом поглядывали на Вика. А ей оставалось только вымученно улыбаться.

Наконец, когда толпа рассосалась, Зор снова взял Луча под уздцы и вывел за дверь. Всаднице снова пришлось пригнуться.

Как она и ожидала, за дверью оказалось что-то вроде караулки, через которую должны были проходить все, прибывавшие сверху. А за ее пределами открывалось какое-то очень светлое пространство. Луч сделал еще несколько шагов и приблизился к высоким перилам, достававшим ему до груди. И тут глазам Вики открылось нечто невероятное.

Светлое пространство оказалось чем-то вроде лестничного пролета в старинных домах, где между перилами лежит огромное расстояние, целый колодец. Здесь этот колодец простирался на многие десятки метров, и по его стенкам тянулись не ступени, а множество этажей, по-видимому, простиравшихся в каждую сторону на несколько километров. И на каждом из них кипела бурная жизнь. И все это освещалось многочисленными лампами, подвешенными под потолком и почти не уступавшими в яркости солнцу.

Пару минут Вика невольно любовалась этим грандиозным зрелищем. Наконец, Зор мягко произнес:

- Идем, Войтто, наши власти, должно быть, уже ждут тебя.

Он подвел коня к какой-то двери, за которой оказался еще один лифт. Он был гораздо меньше, чем предыдущий, и напоминал лифты в старых домах на Земле – с решетчатой дверью. Сквозь нее Вика смогла полюбоваться плавно проплывавшими мимо этажами этого удивительного подземелья. Сначала взялась было считать их, но вскоре сбилась со счета.

Наконец лифт остановился, Зор распахнул дверь, вышел наружу первым и коротко сказал:

- Прошу!

Девочка уже сама тронула Луча с места. Она не увидела больше колодца с перилами и сообразила, что это нижний этаж. Впрочем, здесь было так же светло, как и наверху.

Вика почти сразу же увидела, что ее и впрямь уже ждут. Пред нею стояли с торжественным видом несколько седобородых старцев в самых простых одеждах, напоминавших обычные мужские костюмы двадцатого века, и плоских круглых шапочках. На лацканах их пиджаков виднелось по скромному красному с золотом значку. И все, больше никаких отличительных знаков.

Старец с самой длинной бородой, стоявший впереди всех, о чем то коротко переговорил с Зором и кивком отпустил его. Тот немедленно исчез в лифте. А старец приблизился к Вике и произнес:

- Уважаемая дева, пожалуйста, прежде, чем начать знакомство, будь добра исполнить одну формальность.

- Йолван (хорошо), - откликнулась Вика.

- Протяни, пожалуйста, руку, - произнес старец.

Девочка без страха протянула ему раскрытую ладонь. Но, вопреки ожиданиям, он не пожал ее, а приложил к какому-то прибору, который достал из кармана. У этого прибора был холодный стеклянный экранчик, на который поместилась вся ладонь. Старец нажал кнопку, и Вика заметила, что под ладонью поползла световая полоска – это наверняка был сканер!

Полоска доехала до края, потом быстро вернулась на место и погасла. Раздался краткий гудок. Старец удовлетворенно кивнул, отпустил Викину руку и вернулся к своим коллегам. Они принялись шептаться, разглядывая приборчик, что-то долго и бурно обсуждали. Наконец, длиннобородый старец снова приблизился к девочке, поклонился и торжественно произнес:

- Приветствую тебя, велика дева Войтто, в славном городе Тьедекауpunkи!

Вика, наконец-то, спрыгнула с коня и поклонилась в ответ.

- Я очень рада, что попала в ваш славный город, - сказала она. – А вы, стало быть, его олавуй (мэр)?

- Да, именно так, - произнес старец. – Зовут меня Кахеняога. А должность моя правильнее называется мэр-академик. А это мои помощники – академик по вопросам обороны, академик по вооружениям, членкор по продовольствию, членкор по образованию, профессор по благоустройству, профессор по производству.

Каждый старец кланялся Вике, называл свое имя и пожимал руку. А ее удивление росло все больше и больше. В этом странном подземном городе все чиновники имеют ученые звания? Точнее, наверное, и впрямь являются учеными? Только теперь она вспомнила, что шапочки, венчавшие головы старцев - это ермолки, которые носили академики в довоенных фильмах.

- Ну что же, - сказал, наконец, академик Кахеняога. – Мы убедились, что ты и впрямь та, кого мы ждали, точнее, искали долгие столетия. Прибор сосканировал отпечаток твоей ладони и сравнил с отпечатком прежней девы Войтто. Совпадение стопроцентное. К тому же, ты ведь сразу вспомнила наш язык, как только попала сюда, Ыйге (верно)?

- Ыйге, - кивнула Вика. – А еще вспомнила созвездия.

- Прекрасно, прекрасно! – оживился мэр-академик. – Может быть, ты тогда что-то помнишь и о своей прежней жизни?

Девочка хотела было ответить "эй", то есть "нет", но тут ее осенило. Если реальным оказалось звездное небо из ее сна, то значит, и весь сон – это чистая правда? Она сделала глубокий вдох и произнесла:

- Помню свои последние минуты. Я скакала на коне по полю, и тут появились враги. Я сразила нескольких, но тут меня вместе с конем пронзило копьё. Какое-то странное копьё, будто бы управляемое по радио...

- Да, все именно так и было! – радостно воскликнул профессор по благоустройству. – Видишь ли, по своей основной специальности я историк, поэтому досконально знаю обстоятельства твоей гибели. А больше ты ничего не помнишь?

- Нет, больше ничего, - покачала головой Вика.

- Ну что же, это не беда, - откликнулся академик Кахеняога. – Главное, что, судя по рассказам детей, твой дух остался неизменным.

- Да, кстати, - спросила Вика, – а как же врагам удалось их угнать? Вроде бы, у вас тут все так секретно, так укреплено...

- Это верно, - отозвался профессор по производству. – Хотя отдельные прорывы случаются, но их удастся локализовать очень быстро. А что касается этих детей, то они отправились в лес на экскурсию с учителем ботаники. Охрана была, но, как оказалось, недостаточная, всю перебили. Это просто чудо, что ты подросла.

- Профессор! – грозно воскликнул олавуй. – Не забывайся!

- Ах да, простите, - поспешно произнес профессор. И перехватив недоуменный взгляд девочки, пояснил: - У нас считается неприличным упоминать о чудесах.

- Сельгести (понятно), - кивнула Вика, хотя ей было ничего не понятно.

- Ну что же, - произнес мэр-академик. – Мы очень рады тому, что ты, наконец-то с нами. Стоило бы закатить пир на весь мир по этому поводу. Но прошу нас простить – нам не терпится поработать. Мы все, жители Тьедекауpunkи, очень любим свою работу и не можем пропустить ни единой минуты.

- А что же делать мне? – спросила Вика недоуменно.

- А ты, Войтто, сейчас познакомишься со своим отрядом.

- С моим отрядом? – переспросила Вика.

- Ну да. С тех самых времен, как закончилась твоя прежняя жизнь, у нас всегда был наготове твой отряд. В него входят самые лучшие ученые нашего народа. Их немного, всего четверо, зато каждый стоит целого института!

- Так они не воины? – произнесла Вика слегка разочаровано.

- Воины, воины, - успокоил ее правитель. – У нас каждый ученый - воин. А эти четверо попали в отряд за самые высокие достижения в своей области. Мы никогда не теряли надежду на то, что ты вернешься, что нам удастся отыскать тебя в бездне пространств и времен. Поэтому в течение всех этих веков мы отбирали самых выдающихся ученых, чтобы они были готовы к встрече с тобой. Кстати, они же и занимались поисками. И на смену старшему отряду всегда был готов новый, состоящий из молодых, но тоже уже прославленных специалистов. Поскольку ты оказалась такой же молодой, какой когда-то ушла от нас, то полагаю, что будет целесообразно познакомить тебя именно с молодежным отрядом. Я уже связался с ними по телефону и все объяснил, так что они ждут тебя, Войтто. Садись на Киира, и он сам отвезет тебя к ним.

С этими словами ученые-правители снова поклонились Вике и удалились за ближайшую дверь.

Девочка осмотрелась по сторонам, но ничего примечательного не увидела – лишь несколько дверей и тоннелей. Пожала плечами, приблизилась к своему любимцу и сказала полусутоливым тоном:

- Ну что, значит, ты один из главных участников этого спектакля? Интриган бессовестный. Вовлек меня, непонятно во что, без моего ведома. Уволок из дому. Или может, ты думал, что там переживания никчемные, а здесь – настоящая жизнь?

Услышав эти слова, конь обрадованно закивал головой. Вика усмехнулась и произнесла:

- Ладно уж, вези, куда положено.

Она взобралась в седло и слегка натянула уздечку. Луч двинулся с места бодрым, хотя и не очень быстрым шагом, видимо, давая ей осмотреться.

По сторонам коридора, освещенного, как днем, тянулись бесконечные двери, из-за которых доносился весьма разнообразный шум. Повсюду кипела работа, только невозможно было понять, какая именно.

Впрочем, путь оказался не таким уж далеким. Конь остановился перед дверью, на которой висела табличка с номером и надписью: "Младший отряд девы Войтто". Да, и буквы здешние Вика тоже сразу вспомнила. Они были очень простыми, состояли из минимального числа прямых линий, видимо, для того, чтобы их было легко высекать на камне.

И, как уже было снаружи, Луч умудрился сам нажать звонок. Только здесь он работал не от кольца, а от обычной кнопки, на которую конь сумел надавить носом.

- Ну, наконец-то, это, кажется, они! – донеслось из-за двери.

Вика опомнилась и едва успела соскользнуть наземь. И едва только она это сделала, как дверь распахнулась и оттуда вывалилось сразу трое совсем молодых людей в белых лабораторных халатах.

Первым шагнул навстречу Вике краснолицый здоровяк со светлыми волосами и рыжеватой бородой. Она была совсем не такая степенная, благообразная, как у ученых-чиновников, а скорее, напоминала бороду морского бродяги-викинга, чувствовалась в ней какая-то воинственность, порывистость. Только вместо боевого топора великан сжимал в руке паяльник с деревянной ручкой, казавшийся иголкой в его широкой ладони.

За ним показался худощавый парнишка, который мог бы поместиться у него под мышкой. Сутулый, безбородый, с растрепанными волосами, в тяжелых очках. Вика сразу заметила, что у него подвижные руки музыканта, не могущие ни секунды провести в покое, как будто так и теребящие невидимые струны.

Третьей буквально выпорхнула из дверей стройная девушка среднего роста, и совсем ненамного старше Вики. У нее виднелись из-под халата такие же штанины, заправленные в сапоги, как и у парней. Волосы были светлые, но не такие белокурые, как у Вики, а скорее, соломенные, и подстриженные совсем по-мальчишески коротко. Вика подумала, что, наверное, здесь прическа не имеет символического значения, как и на современной Земле. Лицо девушки так и пышело здоровьем, а в зеленых глазах бегали восторженные огоньки. Она-то первой и нарушила молчание. Подбежав к коню, девушка зарылась лицом в его гриву и воскликнула:

- Изикиир! (как поняла Вика, это было что-то вроде "Лучика") Изикиир! Наконец-то ты вернулся и привел ее! Я же знала, что у тебя получится! Я же не зря с тобой занималась! Умный, самый умный на свете Изикиир!

- Ох, девчонки, одни сантименты, - проворчал великан, потом спохватился: - Ах, извини, Войтто, я не о тебе, - и первым протянул Вике свою широкую ладонь. – Меня зовут Сарвет, моя специальность – физика.

Вика пожала его ладонь в полную силу, как всегда делала с одноклассниками и кружковцами, и с удовольствием отметила про себя, что и он жмет ее руку тоже изо всех сил, без скидок на пол, значит, заранее уважает.

- Нет, даже не верится, что именно я дожил, - пробормотал негромко сутулый парень и тоже протянул ей ладонь. – Меня зовут Ладвапунг. Я химик, и еще руноилья (поэт), написал много песен про тебя.

- Тоже мне, песни, - проворчал великан Сарвет. – Не грузи Войтто своей чепухой, она, небось, устала с дороги.

- Да не устала я, - соврала Вика, пожимая ладонь поэта. Несмотря на хлипкую внешность, он тоже оказался неслабым. – С удовольствием послушаю твои песни.

- Элякёён! – издал тот победный крик и заплясал на месте. – Войтто обещала послушать мои песни! Элякёён!

Тем временем. Сарвет потянул за рукав халата девушку, обнимавшую коня, и произнес:

- Эй, ненормальная, тебя тут ждут знакомиться, а ты...

Девушка наконец-то оставила Луча в покое и, обернувшись к Вике, даже не пожалала ей ладонь, а схватила обеими руками и стала бурно трясти, будто собираясь оторвать.

- Меня зовут Кизили! – сообщила она, захлебываясь от восторга. То ли знакомство привело ее в такое состояние, то ли она всегда держалась подобным образом, сказать было трудно.

– Я биолог и медик! Не обижайся, что я сначала кинулась к Кириу, просто он мой давний питомец, я в него всю душу вложила! Но зато, именно ради встречи с тобой, Войтто!

И она в порыве чувств даже притянула Вику к себе и крепко обняла. И кстати, эта девчонка тоже отнюдь не была слабой, у Вики чуть ребра не затрещали.

- Войтто, ты не удивляйся, - прогудел бородач. – Мы здесь все с чудинкой. Кстати, пойдём знакомиться дальше - самый чудной даже выйти тебя встретить поленился.

Он указал жестом на распахнутую дверь, и Вика прошла внутрь, за нею все остальные, включая Луча.

Вика сразу же поняла, что попала в лабораторию. Помещение было довольно обширным, и все его пространство занимали столы и шкафы с какими-то приборами, колбами, микроскопами и так далее. В дальнем углу, куда все направились, сгорбилась перед каким-то экраном еще одна спина, облаченная в белый халат. Приблизившись, Вика, к своему удивлению поняла, что на столе стоит, вроде бы, компьютер! Вот чего уж она никак не ожидала увидеть, даже несмотря на то, что здесь, была довольно развитая техника. Что же это за мир такой – электроника и средневековое оружие?

Компьютер был еще довольно несовершенный – монитор, наподобие старого ящика-телевизора, стоял на железном чемодане системного блока, а клавиатура подсоединялась к этой конструкции проводом. По зеленому экрану бежали ряды каких-то цифр и символов. Цифры здешние Вика сразу же узнала, а вот большинство символов понять никак не удавалось – видимо, они были придуманы уже после того, как она покинула этот мир.

Парень, сидевший за компьютером, был как и Ладвапунг, довольно сутулым, а может так лишь казалось из-за того, что он буквально прильнул к экрану. Его светлые, как и у остальных жителей подземного города, волосы прилипли к потному лбу, как будто он мешки таскал, а кончик языка торчал наружу. Когда Ребята приблизились, он даже не поднял головы.

- Так, дружок, оторвись-ка и познакомься с Войтто, наконец, - прогремел великан Сарвет и дернул его за рукав. – Она уже здесь, не видишь?

- Лепотауко, - пробормотал парень за компьютером, поспешно пожимая Викину руку, и тут же вновь погрузился в экран.

- Ты программист? – спросила Вика несколько ошарашенно.

- Да, - коротко бросил парень. – Еще чуть-чуть, и допишу.

- У него уже третий день "чуть-чуть", - пояснил Сарвет. – Аврал. Всё думает, что нашел решение, а оно ускользает.

- Да мы все такие! - вставила Кизили. – Как мысль приходит, не оттащишь! Вот когда я впервые стала натаскивать Изикиира, то не вылезала из конюшни!

Тут она встрепенулась, что-то вспомнив, и сказала:

- Лапсед (ребята), ну как же нам всем не стыдно, а? Мы ждали Войтто несколько веков, а теперь ведем себя так, будто ее и нет! Она ведь уставшая с дороги, вымотанная битвой... и, кажется, даже раненая!

Она бесцеремонно ошупала Викин бок с прилепленным прямо поверх рубашки подорожником и воскликнула:

- Ну да, раненая! А мы тут...

- Да, пустяки, - отмахнулась Вика. – Просто пара царапин.

- Ну, все равно тебе срочно нужно отдохнуть! – возразила Кизили.

- Ну что же, предлагаю поступить так, – откликнулся Сарвет. - Сейчас быстренько готовим ужин, и уж тогда, за столом, расскажем нашей Войтто все, что нужно.

Вика ожидала, что этот суровый великан непременно погонит на кухню бедную Кизили, как единственную девчонку в их команде, но вышло совсем по-другому.

- Кто у нас сегодня дежурный по кухне? – спросил Ладвапунг.

- Кажется, Лепотауко! - откликнулась Кизили.

- Да, точно он, - подтвердил Сарвет.

Но программист даже и ухом не повел, то ли не хотел слышать, то ли был и впрямь так увлечен работой.

- Лепотауко! Лепотауко! – принялись скандировать его товарищи хором, но тот оставался все так же погруженным в свои таинственные знаки.

- Слушай, сейчас я провод выдерну! – пригрозил великан.

И только эта угроза подействовала на парня волшебным образом. Он тут же выскочил из-за стола, правда, не забыв при этом сохранить данные и запустить разгрузку, и с укоризной уставился на товарищей.

- Что смотришь? – воскликнул Ладвапунг. – Очередь есть очередь, забыл?

- Ох, лапсед, - вздохнул несчастный программист и исчез за невзрачной дверью, которую Вика сперва не заметила.

Сарвет и Ладвапунг переглянулись, потом руноилья произнес:

- Ладно уж, поможем ему ради такого случая. У меня сейчас все равно все опыты закончены.

- Да и я, вроде бы, всё собрал, - кивнул великан и, наконец, положил на стол свой паяльник.

И оба парня удалились вслед за программистом.

- Так! – тут же воскликнула Кизили, одной рукой схватив Вику за запястье, другой уцепившись за уздечку Луча. – Сейчас займусь вами обоими!

Она распахнула еще одну дверь, за которой, в свою очередь, оказалось еще несколько дверей. Окинув Вику критическим взглядом, Кизили сказала:

- Вот что, давай-ка раздевайся, и в душ! Сама вымыться сможешь, сил хватит?

Вика молча кивнула.

- Ну, вот и славно! А я пока займусь Изикииром! В лабораторию ему больше не надо, так что, поставлю его в нашу общую конюшню.!

- У вас что, конюшня прямо здесь? – удивилась Вика.

- Ну а как же? – улыбнулась Кизили. – Отряд Войтто обязательно должен состоять из лучших кавалеристов! В случае чего – живо в седло, мечи наголо!

Да, видимо, это была ее обычная манера общаться – размахивать руками, выкрикивать каждую фразу так, будто это была немислимо радостная весть. В ней до сих пор не утих фонтан детской непосредственности, не иссякла способность делать открытия на каждом шагу.

- Душевая здесь! – Кизили указала на дверь с соответствующей картинкой. – Когда закончишь, загляни сюда, позови меня! - она указала на дверь с изображением лошадиной головы.

Когда Вика уже собиралась закрыть за собою дверь, Кизили окликнула ее и сказала:

- Да, в свое не одевайся – брось в корзину для стирки, там увидишь! А я тебе дам сухое!

В устройстве душевой Вика разобралась довольно быстро. Сразу же нашла выключатель и увидела довольно маленькое, на одного человека, и довольно уютное помещение. А кранов здесь было два, значит, тут есть даже горячая вода!

Подумав, девочка выставила за дверь кроссовки и сложила на них перевязь с мечом, бумажник, ключи от дома, прибор, открывающий порталы, и свою главную драгоценность – часы, подаренные папой.

Закончив с мытьем и с заплетанием косы, Вика выбралась в коридор в полотенце, и распахнув дверь конюшни, позвала Кизили. Та уже успела привести Луча в порядок – обработала скребницей и заклеила раны чем-то вроде пластыря. Услышав, что ее зовут, похлопала его на прощание по шее и поспешно покинула конюшню.

- Так, теперь займемся тобой! – произнесла Кизили, увлекая Вику за следующую дверь.

Помещение оказалось белым и пахнущим лекарствами.

Она довольно-таки профессионально осмотрела все Викины раны, протерла их спиртом, из одной даже вытащила пинцетом какой-то маленький осколок. Затем заклеила все таким же пластырем, как у Луча. При этом она то и дело восклицала:

- С ума сойти! Я обрабатываю раны у самой девы Войтто! Кто бы мог подумать! Сколько моих предшественников до этого не дожило, а вот я дожила! С ума сойти!

Наконец, девушка достала из шкафчика и протянула Вике полный комплект чистой одежды. Внизу стопки оказалось что-то вроде джинсового костюма, хотя и не совсем такого цвета, какого бывают джинсы на Земле, скорее, зеленоватого. Именно такая одежда была под халатами и у всего отряда

- Надевай смелее! – воскликнула Кизили. – Это форма КОНСОУМОЛа!

- Кого-кого? – переспросила Вика, не найдя этого понятия в своей памяти.

- Конного Союза Ученой Молодежи! – с гордостью объявила Кизили. – Вся молодежь Тьедекаупки, от четырнадцати до двадцати восьми лет, состоит в этом союзе! Тебе сколько?

- Шестнадцать, - ответила Вика.

- Ну вот, значит, смело надевай! – сделала вывод Кизили.

Натянув форму, Вика почувствовала, что она довольно-таки удобна для любого занятия, в том числе, и для боя. После этого Кизили протянула ей сапоги, кажется, кирзовые, какие были здесь на ногах у всех, помогла заправить в них брюки, попутно поясняя:

- Наша форма делается из особой металлизированной ткани, чтобы каждый Консоумолец мог вступить в бой, не переодеваясь! Эта ткань по своей микроструктуре напоминает кольчугу - выдерживает прямой удар лезвием меча, но, к сожалению, против колющего оружия не так устойчива!

Окинув Вику оценивающим взглядом, девушка одобрила то, как на ней сидит форма, затем достала из стола какой-то значок.

- Вот, раз носишь нашу форму, должна носить и это. Всю процедуру формального приема в организацию можно исключить, поскольку уже точно установлено, что ты дева Войтто.

Вика стала разглядывать значок. У него была неправильная форма, изображавшая трепещущее на ветру знамя. А на фоне знамени располагались символическое изображение атома и микроскоп.

- Форма значка у всех одинаковая ! – пояснила Кизили. – Только рисунок меняется. У Осенят – их так называют потому, что учебный год начинается осенью - фон совсем чистый! У Первопроходцев появляется атом! У нас, Консоумольцев – микроскоп! И уже у Академистов добавляется компьютер!

Тут Вика вспомнила, что именно компьютер виднелся на значках у всех представителей городской власти, только она тогда не разобрала, что это такое. Так значит, это их здесь называют Академистами, а не студентов академии, как когда-то на Земле.

Тем временем, Кизили приколола значок ей на грудь и торжественно произнесла:

- Данными мне полномочиями консорга нашего отряда, объявляю Войтто почетным членом КОНСОУМОЛЬской организации! Тьетейскирийаллисуус!

- Тьетейскирийаллисуус! – повторила Вика так же вдохновенно. Она уже вспомнила, что это боевой клич, с которым здешние жители с незапамятных пор ходили в атаку на врага. И, кажется, она сама тоже ходила.

- Ну, идем, консоумолка! – Кизили потянула ее за руку. – Ребята, наверно, уже заждались! Они миновали лабораторию и нырнули за ту неприметную дверь, за которой скрылись парни. Глазам Вики открылась просторная комната, в которой помещалось пять диванов и накрытый стол. При виде Вики в форме и со значком, все трое дружно зааплодировали! Они и впрямь уже закончили колдовать над готовкой и сервировкой и теперь разливали по бокалам какой-то коричневатый и очень пенящийся напиток. Увидев это, Вика спросила:

- Слушайте, а это что такое? Я крепкого не пью!

- Так и мы тоже! – откликнулся здоровяк Сарвет. – Ни один консоумолец не пьет.

- Вон, у меня в медотсеке спирта море, ты же видела! – воскликнула Кизили. – А никто даже не покушается! Только для лечения и опытов!

- А это – сюкась, - объяснил Ладвапунг. – Он сильно бодрит, но не опьяняет, ни единого градуса. Устав позволяет пить его в торжественных случаях.

- Лапсед, постойте! – воскликнула Кизили. Схватила со стола целую буханку черного хлеба, разрежала ее вдоль, потом открыла какую-то баночку с желтоватой массой и полностью вывалила ее на половинки хлеба. – Вот, надо же и Изиккиру праздник устроить!

- Что это? – спросила Вика.

- Синаппи (горчица)! Он ее просто обожает!- ответила Кизили и тут же выпорхнула за дверь.

- Надо же, не знала, - улыбнулась Вика. – Когда вернемся домой, скажу учителю, будем с ним его баловать.

- Давайте начинать что ли, - вмешался Лепотауко. – А то ведь от работы оторвали.

- Давайте-давайте! – поддержала его Кизили, впорхнувшая в дверь уже без халата – когда только все успела!

- Ну, консорг, тебе начинать! – откликнулся Сарвет, и все парни тоже поспешно сняли халаты.

- Так, - Кизили взяла в руку бокал. – Я не мастер толкать речи... В-общем, поздравляю нас всех с возвращением в наш мир великой девы Войтто!

Все сдвинули бокалы под дружное "Элякёён!". Напиток показался Вике очень кислым и при этом довольно приятным на вкус. Пена шаловливо щекотала горло. А мышцы и впрямь налились бодростью. Кажется, этот сюкась готовили из тех самых малинообразных сосновых плодов.

Вика почувствовала зверский аппетит – она не ела ничего существенного уже очень давно. Но все же, девочка не спешила набрасываться на угощение, понимала, что с голодухи это вредно. Впрочем, за разговорами и тостами она как-то быстро втянулась в общий ритм. Правда, разговоры велись о всяких мелочах, либо о каких-то научных вопросах, непонятных Вике.

Наконец, когда тарелки постепенно опустели, Сарвет произнес:

- Ну что же, пора познакомить нашу Войтто со всем, чего она не знает.

- Чур, я! Чур, я! – закричал Ладвапунг, вскакивая на ноги.

Великан наградил его тяжелым взглядом и заворчал без слов, но, обычно молчаливый, Лепотауко воскликнул:

- Конечно, пусть он расскажет! Он же учил эти руны всю жизнь, перенял от отца и деда! Это же его звездный час!

- Да-да, пусть он! – тут же сориентировалась Вика.

Руноилья с благодарностью посмотрел на нее, потом вышел из-за стола и снял со стены большие треугольные гусли с огромным количеством струн. Вика вспомнила, что они вроде бы, называются кантеле, и встречаются так же и на Земле.

Ладвапунг накинул на шею ремень, положил пальцы на струны и затянул протяжную песнь. Звук у инструмента был звонким и при этом каким-то очень уж металлическим, какой бывает, если играть на гитаре у самой подставки. Голос певца так же оказался довольно красивым – не оперным, конечно, но все же довольно приятным. Да и сам парень как будто преобразился, исчезла вся его сутулость и неловкость в движениях, даже очки теперь сверкали как-то воинственно.

Песнь оказалась довольно длинной, как будто древние былины, или саги, которые Вика успела прочесть еще в начальных классах. Но читая, она никак не могла поверить, что такие огромные произведения когда-то именно пелись. А теперь наяву увидела живого сказителя. Да еще такого молодого!

Конечно же, Вика не могла запомнить даже самую малую часть из такого огромного количества ритмичных строк, и в памяти осталось лишь их краткое содержание.

Глава 6 О чем поведали руны

Мир, в который судьба привела Вику, назывался Хонка. Девочка не совсем поняла, то ли это было название всей планеты, то ли страны. Во всяком случае, теперь было хотя бы понятно, как называть это место и его народ.

Хонкийцы всегда были очень гордыми и независимыми людьми. Они создали богатую культуру, у них процветали науки и ремесла. Уже несколько тысяч лет назад хонкийцы открыли основные законы природы, научились обрабатывать металлы, выделывать ткани и меха, добывать ископаемые, побеждать многие болезни. Физика, химия, математика, астрономия, медицина – все это было в почете у хонкийцев. Их ладьи бороздили просторы сурового северного океана, мореплаватели открывали новые земли, делались первые попытки подняться в небо. Развивалось и искусство. Архитекторы возводили прекрасные дворцы, театры и храмы многочисленным светлым богам. В театрах шли длинные пьесы по нескольку часов, сказители слагали все новые руны и даже романы. Неустанно творили скульпторы и живописцы, а особенно искусными были резчики по дереву.

Хонкийцы были мирным народом, хотя умели делать прекрасное оружие, доспехи и даже боевые машины. Они не хотели покорять соседние народы, им вполне хватало своих земель. Жизнь народа была счастливой и радостной, наполненной жаждой познания и свободного труда. Люди жили в постоянной гармонии с природой – не вырубали лесов, не истребляли зверей. Семьи их были небольшими, и оттого дружными, дети свято чтит и живых родителей, и давно умерших предков.

Однако примерно восемьсот пятьдесят лет назад в здешних краях появились чужие люди, пришедшие откуда-то с юга. Местные жители обрадовались было гостям, но те не хотели ни торговать, ни просто общаться. Ими двигала лишь жажда завоеваний.

Хонкийцы мужественно встали на защиту своей земли, но тут произошло непонятное. Когда дружина отважных белокурых воинов вышла на поле брани, они увидели совсем небольшое войско. Но не успели воины отсмеяться над самонадеянностью врагов, как из-за их спин поднялся черный смерч и за несколько минут раскидал всю хонкийскую дружину. Много доблестных воинов погибло в тот день, даже не успев вступить в бой.

Ученые мужи в столице начали срочно расследовать случившееся. Но все их усилия найти хоть какое-то научное объяснение, оказались тщетными. А враги все продолжали продвигаться вглубь свободной страны. И далеко не сразу люди догадались, что научного объяснения тут просто не может быть. Все дело в том, что враги использовали магию.

(При этом слове Вика невольно вздрогнула – как же так – подобное развитие науки – и магия? Но она не решилась перебивать вдохновенного сказителя. Да и Кизили, почувствовавшая ее смятение, крепко жала ей руку под столом.)

Враги, или, как их называли здесь, ихмевалты - чудесники, всего за год смогли завоевать огромную территорию. Хонкийские ученые трудились изо всех сил, пытаясь изобрести новые виды оружия, но все было напрасно. Каждое новое оружие было эффективно лишь в первом бою, а дальше магам удавалось его заколдовать. Тут была бесполезна и физика, и химия. Ихмевалты откатывались лишь на самую малость, и тут же разом захватывали вдвое большую территорию. Все было бессильно – и порох, и артиллерия, и даже первые деревянные ракеты. Уже на следующий день после применения, порох во всей стране стал просто россыпью бесполезного порошка, который даже не хотел загораться. Люди же или гибли сотнями, или сходили с ума, становились добычей захватчиков и начинали служить им.

Война продолжалась около десяти лет. Все-таки, страна была очень большой, народ – очень гордым, а наука - очень сильной. Но, в конце концов, магия победила.

Ихмевалты захватили всю страну и поработили ее народ. Любое сопротивление каралось быстро и жестоко. А особенно страшно враги расправлялись со всеми, кто был связан с наукой, вплоть до школьных учителей, а так же с деятелями искусства. Каждого, у кого находили какие-либо книги, кроме колдовских, или научные приборы, или музыкальные инструменты, немедленно сжигали на костре вместе со всей семьей. Ихмевалты не жалели ни стариков, ни детей. Костры ученых пылали на площадях всех городов каждый день. Варвары разрушали древние храмы и дворцы, разбивали скульптуры, рвали картины, сбивали мозаику. Практически, вся культура, созданная хонкийцами за тысячелетия, обратилась в прах. Людям даже запрещалось поднимать глаза к звездному небу, чтобы они не могли вспоминать об открытиях астрономов, нельзя было даже делать резные наличники в домах, чтобы это не напоминало о былом искусстве.

Кроме того, захватчики хищнически уничтожали природу, возводя на месте лесов свои заводы, необходимые для производства колдовских зелий, и эти же заводы напрочь убивали всю живность в реках. А уж сколько зверья погубили они для своих колдовских целей! А особенно тщательно уничтожалось любимое растение хонкийцев – мянтюлакка, та самая плодоносящая сосна.

Само собой, были разрушены все хонкийские школы, но в свои школы ихмевалты загоняли детей насильно. В этих школах целыми днями учили только одному – верить в магию. То есть, по-настоящему обучаться колдовству могли только свои, дети оккупантов, а поработенный народ должен был лишь усвоить то, насколько прекрасна магия и ее власть.

Само собой, захватчики заставили поработенный народ работать на себя, так чтобы они сами без малейшего труда ни в чем не нуждались. Но и это еще не все. Они забирали многих людей для своих магических экспериментов. Им удалось вырастить из них множество кошмарных созданий, ставшим их верными рабами. Одно из их величайших достижений – ледьферфы, свирепые воины, которые не погибают, а превращаются в стаю мух. В таком состоянии они могут вернуться к своим хозяевам и, те вновь соберут из них человекоподобные существа. Правда, при этом стаи могут смешаться, перепутаться, и личность воина тогда теряется, но какая разница ихмевалтам? Главное, что эти рабы продолжают служить им так же рьяно. Есть и еще масса разных мерзких колдовских существ, которые не давали покоя людям все эти века.

Более трехсот лет оставались хонкийцы под властью бесчеловечных оккупантов. И все-таки, находились бесстрашные люди, которые прятали у себя уцелевшие книги, картины и скульптуры, которые пытались передавать детям остатки научных знаний. Были даже такие смельчаки, что устраивали подпольные типографии, где печатали труды древних ученых и простые учебники для детей.

Одного из таких печатников звали Ньомда. Поскольку станки и литеры приходилось изготавливать самостоятельно, он частенько занимался литьем металла. Но при этом Ньомда не просто повторял заученные действия, а экспериментировал в поисках идеального состава. И вот как-то раз печатник совершил невероятное открытие – ему удалось найти такой состав стали, перед которым оказалась бессильна любая магия! Человек, имевший при себе хоть какой-то предмет из такой стали, оказывался неуязвим для чар, его уже нельзя было смести волшебным ураганом и прочими подобными вещами. Окрыленный этим открытием, Ньомда с помощью такого же подпольного кузнеца стал постепенно изготавливать оружие и доспехи. Жители его родной деревни постепенно начали готовиться к восстанию.

Однако, у ихмевалтов повсюду были свои уши – ведь они могли заставить служить себе даже насекомых. В деревню нагрянул отряд ледьферфов, и им удалось захватить Ньомду – ведь хотя они и появлялись на свет с помощью магии, но сами ею не пользовались, а значит, стальная защита против них не действовала.

Печатника доставили в город ихмевалтов и там сожгли на костре, специально согнав на площадь как можно больше хонкийцев. Враги думали, что одержали победу. Однако радовались они рано.

У печатника была дочь по имени Войтто. Это была девчонка, ни в чем не уступавшая мальчишкам. Она помогала отцу во всех его делах, собирала станки, печатала книги, знала состав оберегающей стали. Но и это еще не все.

Хонкийцам запрещалось иметь не только оружие, но и лошадей – даже пахать землю и то приходилось вручную. Однако Войтто еще в двенадцать лет смогла поймать и объездить дикого белого коня, которого она назвала Киир. Он жил в лесу, в тайном месте, известном лишь одной Войтто, а позже ей удалось с друзьями постепенно наловить и приручить еще целый табун.

В тот момент, когда враги схватили печатника, Войтто не было дома – она устроила в лесу целый лагерь для сельской молодежи, где тренировала ее в верховой езде и в фехтовании, а так же учила по отпечатанным вместе с отцом книгам.

Когда страшная весть дошла до лагеря, было поздно – Ньомда уже погиб. Тогда Войтто, не теряя ни секунды, собрала весь свой отряд и прискакала в деревню. На тайном складе, созданном отцом, нашлось оружие для всех крестьян, а кому не досталось мечей, раздали хотя бы по небольшому кусочку стали в качестве оберега. И отважная девчонка повела свое войско, состоявшее из пеших и конных повстанцев, прямо на город. У самой Войтто был особый, родной меч. Когда девочка вместе с отцом отливала для него сталь, она капнула туда несколько капель собственной крови. В этом не было ничего магического, просто меч навеки стал как будто частью ее тела и души.

Поскольку ихмевалты правили страной уже несколько веков, а сожжение людей стало обыденным делом, то никто не ожидал восстания.

Крестьянская армия под командой белокурой девчонки на белом коне стремительно ворвалась в город, перебив стражу, состоявшую из ледьферфов, и начала крушить их хозяев. Всего за несколько часов восставшие прикончили всех колдунов и колдовских тварей, находившихся в стенах крепости. Войтто орудовала мечом за десятерых – ярость из-за гибели отца сделала ее настоящей богиней возмездия. Она прямо на коне ворвалась в логово главного колдуна, который приговорил ее отца к смерти, и самолично отрубила ему

голову. После того, как это случилось, оставшиеся в живых колдовские твари разом потеряли жизненную силу и обратились в прах.

В крепости обнаружили немало пленников – взрослых, работавших на ихмевалтов, и детей, которым промывали мозги в местной колдовской школе. Все они с радостью примкнули к восставшим. Чтобы не дать врагу опомниться, Войтто решила снова двинуться в поход. Но она взяла с собою лишь свою прежнюю армию, а освобожденным пленникам приказала ковать новое оружие.

Следующие пять крепостей повстанцы взяли еще быстрее, поскольку их бесстрашная предводительница поняла, что прежде всего надо убивать главных колдунов. Теперь войско сразу же прокладывало путь к центральной резиденции, и после того, как предводитель ихмевалтов лишился головы, битва тут же прекращалась. А тем временем, на подмогу восставшим уже спешили вооруженные люди из первой крепости.

Так продолжалось в течение месяца, затем враг, наконец-то опомнился. У очередной крепости повстанцев ожидало в поле огромное войско. Но Войтто даже не стала ни раздумывать, ни вести переговоры – едва завидев вражеских всадников, она кинулась на них со своим грозным кличем "Тъетейскирйяллисуус!" Враги пытались применять магию, но от нее не было толку – стальные обереги действовали безотказно. Поэтому колдуны, присутствовавшие на поле битвы, быстро улизнули в крепость, и остались одни лишь ледьферфы. Битва с ними выдалась жаркой, но через пару часов от них осталась лишь гигантская туча мух. А крепость ожидала та же участь, что и все предыдущие.

С тех пор брать города стало несколько труднее. Войска ледьферфов шастали повсюду, и в лесах, и в полях. Но все-таки армия Войтто упорно продвигалась вперед, все больше и больше пленников вооружались новыми мечами и следовали за отважной девчонкой. И, надо заметить, что ледьферфы, как правило, были приучены только к своей крепости, поэтому превращаясь в мух, они не могли искать новых хозяев и постепенно рассеивались по лесам, а значит, больше не воскресали в виде воинов.

Восстание продолжалось два года. Белокурая молния все крушила и крушила врагов на своем пути, раскидывала армии и врвалась в города, освободив уже половину страны. Ихмевалты трепетали от одного только ее имени. Они пытались заколдовать берегающую сталь, но все их усилия оказывались тщетны. А вот хонкийцы успели за это время сделать настоящий прорыв. Вовсю заработали школы, в которых учились и дети, и взрослые. Даже начала заново развиваться наука и техника.

Однажды ночью неутомимая Войтто отправилась на разведку вместе со своим любимцем Кииром. В поле ей повстречался совсем небольшой отряд ледьферфов, которого она, конечно же, совсем не испугалась. Отважная дева срубила несколько голов, но тут из-за спин врага вылетело заколдованное копьё. Двигалось оно с помощью магии, но само по себе было самым обычным, поэтому против него сталь не помогала. Копьё пронзило Киира и Войтто насквозь, так, что они погибли на месте. В ту пору юной воительнице было шестнадцать лет.

Но врагам не удалось забрать тело отважной девы – его успели отбить ее друзья, скакавшие позади. Они привезли Войтто вместе с ее мечом в свой лагерь. Вернуть ее к жизни было уже невозможно. Но один из ее старых деревенских друзей предложил невероятное решение. За то время пока наука снова начала развиваться, один ученый попытался создать машину времени. И друзья решили отправить тело Войтто в будущее, в надежде, что там ее сумеют спасти, а потом вернуть обратно.

Машина была экспериментальной, совсем не опробованной даже на мышах, но времени на опыты совсем не оставалось. Тело девы уложили в камеру и поставили счетчик времени на максимум. Но что-то не заладилось, машина взорвалась, не закончив работу. Тело Войтто исчезло, и, судя по показаниям приборов, его расплыло в пространстве и времени. Но вот

ее лили (душа), скорее всего, переместилась в какую-то конкретную точку вселенной. Но что это за точка, в каком пространстве и времени она находится, никто не знал.

Лишившись своего вождя, восставшие растерялись. Они больше не могли продвигаться вперед, не могли брать новых крепостей. Поначалу им еще удавалось как-то обороняться, а потом началось неуклонное отступление. Впрочем, оно довольно-таки затянулось. Враги вновь успели завоевать почти всю страну, но за это время началось строительство подземного города, окруженного стальной оболочкой. Оно закончилось как раз к тому моменту, когда ихмевалты заняли и эту территорию. Здесь укрылись все свободные хонкийцы, кто уцелел на тот момент. Они продолжали заниматься наукой, но не могли ничего предпринять для освобождения страны. В течение всех этих веков им оставалось уповать только на одно – на то, что рано или поздно, дева Войтто найдется в каком-то из миров.

Глава 7

И что еще досказали ребята

Ладвапунг замолчал и покачал кантеле в воздухе, чтобы последний звук получился долгим и дрожащим. По лицу парня катились крупные капли пота, он еле держался на ногах. И не мудрено – кажется, прошло больше часа. Он повесил инструмент на стену, молча бухнулся за стол и без слов, жестами показал – дайте попить. Проворная Кизили тут же протянула ему бокал с сюкасем. Руноилья осушил его одним махом и бессильно откинулся на спинку стула.

Вика молчала, пытаясь осмыслить услышанное. "Потрясающе, – думала она про себя. – И они все эти века ждали моего возвращения? Не могли ничего поделать сами? Вот ведь, и наука развивалась, почти нашу догнала, а они все равно сидели под землей, как кроты, и ждали." Но тут ей подумалось, что и на Земле бывало такое. Самый яркий пример – история Жанны д'Арк. Целых сто лет лучшие рыцари и полководцы бились за свободу Франции, и все впустую. Но стоило только появиться Жанне, и оккупированные города начали падать к ее ногам. Собственно, она сделала то, чего не удавалось больше никому в истории – вернула из небытия страну, которой уже, практически, не существовало. Жанна всегда была величайшим кумиром и для Вики, и для ее папы. И вообще, много раз в истории светлые девушки справлялись с задачами, которые оказывались не по зубам всем остальным. И даже все сказки Александра Волкова, по сути, о том, что никто не может ничего сделать, пока не явится смелая девчонка.

Наконец, Вика сообразила, о чем спросить для начала, и прервала затянувшуюся паузу.

- Ладвапунг, а сколько нужно учить такое?

- Ну, я учил эти руны с самых ранних лет и до школы, и потом еще немного учил, пока не приняли в Первопроходцы. У Осенят ведь свободного времени больше, еще можно подучивать то, что так и не смог усвоить до школы. И так все мужчины нашего рода, и многих других. С тех пор, как ты исчезла – это обязанность всех руноилья.

- А кроме этого еще что-то обязательное нужно учить? – спросила Вика.

- Конечно, нужно и более древние руны учить. Ведь с началом оккупации только благодаря нам и сохранилась вся история хонкийцев. Ну и еще знаю разные песни, которые писали мои собственные предки, но это уже не обязательно.

- А, ну да, ты ведь и сам пишешь, – спохватилась Вика. – Я помню, что обещала послушать твое, но ты, наверное, слишком устал...

- Зря пообещала, – проворчал здоровяк Сарвет.

- Да ладно тебе, – откликнулся Лепотауко. – Сам бы хоть строчку написал.

- Я физик, мне лирика не нужна, – огрызнулся Сарвет.

Вика поняла, что великан всю жизнь цапается с поэтом, и, пожалуй, совершенно несправедливо. Обидеть Художника может каждый, как любил повторять ее папа.

- Ладно, лапсед, лучше расскажите поподробнее про свою жизнь, про свой город.

- В городе нашем двести десять тысяч жителей! – тут же откликнулась жизнерадостная Кизили, ухватив Вику за запястья и развернув к себе – В основной городской части построено двадцать уровней! Так же имеются одноэтажные ответвления! Все жители, от мала, до велика, занимаются наукой! Нет, конечно, у нас есть и рабочие, и крестьяне, и профессиональные воины, и другие люди, которые обеспечивают жизнь города, но все они тоже имеют высшее образование и в свободное от основной работы время помогают ученым! Нам иначе нельзя – а то чудесники со своим колдовством окончательно задавят науку!

- Да мы и не можем иначе, - добавил Лепотауко. – Чем бы ты ни был занят, а голова все равно кумекает над своей основной задачей.

- Мы и живем прямо здесь, - вмешался Сарвет. – Рабочий день у нас не нормирован – все равно никто соблюдать не будет. Только едим все одновременно, а спать каждый уходит сам, когда уже не вмоготу. Ну, чаще, конечно, одновременно спим, в этой самой комнате, но кто-нибудь да и выскочит поработать, если его осенило. Спим, не раздеваясь – на это жаль время тратить. Кстати, вот этот диван, на котором вы, девчонки, сейчас сидите, мы держали специально для тебя, Войтто.

- Спасибо, - улыбнулась Вика. – А чем занимается именно ваш отряд?

- А наш отряд, как и все предыдущие твои отряды, - выпалила Кизили, - был занят, в основном, тем, чтобы отыскать тебя!

- Человек, создавший машину, которая должна была отправить твоё тело в будущее, с самого начала разрабатывал теорию о многомерности вселенной, о множестве параллельных миров, - пустился в объяснения Сарвет. – И во время взрыва аппарат успел зафиксировать некоторые координаты. Они и стали отправной точкой для поисков. Но, как ты уже знаешь, твоё тело пропало, и могла уцелеть только одна лили. А это значит, что ей предстояло родиться заново в каком-то теле. И, скорее всего, расти, как обычный ребенок, забыв свою предыдущую жизнь. Пробивать перегородки между мирами наши предшественники научились еще пару веков назад. Но сами поиски были, конечно, гораздо сложнее. Ведь мы даже не знали, как ты теперь выглядишь.

- Да, кстати, а как я выглядела в прошлой жизни? – только теперь догадалась спросить Вика.

- Ой, какие ж мы растяпы! – воскликнул Лепотауко и сорвался с места, чуть не опрокинув свой стул. А уже через несколько секунд вернулся, держа в руках бронзовую статуэтку высотой сантиметров в сорок.

- А, это копия памятника вам с Кииром, который стоит на нашей центральной площади! – тут же пояснила Кизили. – Между прочим, наш Лепотауко ее сам и отлил!

Вика посмотрела на программиста с невольным уважением. Вот, значит, какие они тут все! У каждого свой талант, но от науки за уши не оттащишь.

Вика перевела взгляд на статуэтку. Она изображала девчонку на коне, размахивавшую мечом и, по-видимому, призывавшую к атаке. Присмотревшись, Вика увидела, что лицо у всадницы точь в точь, как у нее самой! Сходство было таким сильным, будто она позировала скульптору много часов подряд. Даже прическа и длинная коса, развевавшаяся по ветру – все было именно таким. И каждая деталь скульптуры – и складка рубашки, и завиток гривы – были отделаны с таким мастерством, что Вика не могла глаз оторвать. Но вскоре она заметила небольшой дефект – у коня не хватало правого уха, а у всадницы – одного пальца. Вика тут же сказала об этом, но Лепотауко объяснил:

- Это вовсе не дефект. Вы оба действительно были такими в последний год жизни. Об этом каждый знает. В битве всякое случается.

- Надо же, - удивленно протянула Вика. – А у меня вот что...

И она показала ребятам свою руку. Именно тот палец, которого не хватало у скульптурной Войтто, обвивал у основания глубокий белый шрам.

- Это случилось, когда я была совсем маленькой. Сама даже ничего не помню. Папа себя очень винит – утверждает, что оставил подключенной к сети электропилу, а я подползла и нажала. Палец срезало напрочь. Но мне его тут же пришили врачи.

И еще Вика из скромности не сказала о том, что папа уверял, будто даже в таком состоянии она совсем не кричала и не плакала. Причем это не был болевой шок – все прекрасно видели, как она прикусывает губу, чтобы сдержаться.

- Еще одно доказательство! – воскликнула Кизили и, схватив Викину ладонь, принялась ощупывать и осматривать ее профессиональным взглядом, потом горько вздохнула: - Да, ваши медики добились многого. В нашем мире ты бы точно без пальца осталась.

- Ничего, мизинец правой руки – самый бесполезный из пальцев, - улыбнулась Вика. – Для игры на гитаре не нужен.

- На чем? – удивился Ладвапунг.

- На гитаре. Это инструмент такой. Папа еще в детстве меня на ней играть научил. Он ролевые песни пишет, правда, по фестивалям не ездит, поет только для друзей.

И лишь сказав все это, она сообразила, что слово "фестиваль" невольно произнесла на родном языке – видимо, на этой планете просто не было такого понятия. Да и что такое "ролевая песня", тут тоже вряд ли кто-то знал.

- А еще, знаете что, Лапсед, - осенило Вику. – Может быть, это и простое совпадение, но место, где я познакомилась с Кииром, и где училась скакать верхом и фехтовать, называется Валерьяновка.

Ребята радостно зашумели, сразу поняв, в чем дело – ведь на их языке коня называли словом "вал".

- Значит, я заново родилась и выросла в чужом мире... – произнесла Вика задумчиво. – Но я очень люблю своего папу. И свой новый мир тоже люблю. Хотя в последние годы на него тоже напозла какая-то мерзость, прямо, как эти ваши ихмевалты, но все-таки осталось еще очень много хорошего. Я согласна помочь вам в борьбе, но должна буду обязательно вернуться. Вы над этим работали?

- Ну, вот с этим-то проблем меньше всего! – откликнулся Сарвет. – Порталы действуют уже не первую сотню лет, туда и обратно. Думаешь, как же поддерживалась связь с поисковиками?

- Не волнуйся, Войтто! – воскликнула бойкая Кизили. – Ты можешь пробыть у нас, сколько угодно, хоть несколько лет, а отправим мы тебя обратно прямо в исходную точку, ну, с погрешностью в день-другой!

- Ну, вот видите, в чем-то и вы нас обогнали, - сказала Вика. – У нас не умеют путешествовать в параллельные миры. Тех, кто в них верит, считают ненормальными.

- И правильно! – воскликнул Сарвет. – У нас тоже в них никто не верил, пока не открыли. Как можно что-то принимать на веру? Надо всё исследовать!

- Так значит, их открыл именно ваш отряд, - произнесла Вика. – То есть, одни из ваших предшественников. Ну, а что было дальше?

- А дальше, - воскликнула Кизили в своей обычной манере, - началась отправка разведчиков по тем координатам, что остались во взорвавшейся машине! Поначалу это были люди! Но им было очень трудно работать, многие выглядели слишком подозрительно в чужом мире, и потому некоторые даже погибли! И тогда у одного из биологов возникла мысль – натренировать для этой цели коней!

- Коней? – переспросила Вика.

- Ну да, - кивнул Ладвапунг. – Тот биолог тоже был руноилья, как и я, вот ему и пришло такое в голову. Опыты велись очень долго. Нам удалось вывести породу, практически,

разумных лошадей. Вот только говорить их никак не выучишь – человеческого речевого аппарата у них нет.

- Так значит, и мой Киир... - начала Вика.

- Да, именно так! – воскликнула Кизили. – Предыдущие отряды подготовили много разумных коней и запустили их в разные миры! Но особенная ставка делалась на потомков того самого, твоего прежнего Киира! Их всех звали точно так же! А с тем Изикииром, что привел тебя сюда, я работала сама! Сразу забрала от матери, выкармливала из соски, ну и все остальное! Словом, натаскала, чтобы он сразу же узнал тебя! У нас не было возможности советоваться, поэтому конь должен был сам определить, ты это, или не ты! Ну а подсунуть тебе ключ от портала для него было уже совсем просто!

- Получается, это ты главная виновница торжества? – улыбнулась Вика. – Тебе надо поставить памятник рядом с моим на главной площади?

- Ну почему же? – возразила Кизили. – Мы же именно отряд, мы все трудились одинаково, без отдыха, только над этой проблемой, с тех пор как стали победителями на ученой олимпиаде, и нас выбрали для этой миссии! Кстати, нам очень сильно помогло то, что именно в нашем отряде впервые появилась должность программиста!

- И теперь, выходит, ваша цель достигнута? – спросила Вика. – Чем же вы будете заниматься дальше?

- Мы остаемся твоим отрядом, Войтто! – воскликнул Ладвапунг. – Теперь наша задача – помочь тебе разгромить врага, избавить нашу землю от проклятых ихмевалтов!

Некоторое время они посидели молча, прихлебывая последние остатки сюкася, потом Лепотауко спросил:

- Я так понимаю, сегодня работать уже не планируется?

Остальные неопределенно замахали руками – мол, какая уж там теперь работа... Кизили поднялась на ноги и объявила:

- Как консорг отряда, объявляю на сегодня отбой!

Парни принялись быстро убирать со стола и мыть посуду в раковине, находившейся в этой же комнате. А Кизили вывалила на хлеб еще одну баночку синаппи, и снова кинулась баловать своего любимца.

Вика хотела было помочь парням, но глаза уже слипались – это ведь сколько она не спала-то! Ребята задвинули стол в угол и начали укладываться на стоявшие вдоль стен диваны. Кто-то, кажется, вернувшаяся Кизили, стащил с Вики сапоги, уложил ее там же, где она сидела, и укрыл пледом. Свет в комнате погас, да и веки уже совсем не желали подниматься.

Глава 8 Нашествие

Когда Вика распахнула глаза, в комнате опять горел яркий свет. Стол снова стоял напротив ее дивана и, кажется был накрыт к завтраку.

- Вставай, Войтто! – Кизили сдернула с нее плед. – Мы уже все давно готовы, но решили дать тебе поспать подольше! Умоешься вон там! – она указала на раковину в углу.

Вика не знала, сколько часов прошло, но чувствовала она себя бодрой и хорошо отдохнувшей. Может быть, вчерашний сюкась добавил ей сил. Она еще по пути сюда заметила, что плоды мянтюлакки прибавляют энергии.

Девочка приблизилась к раковине, тут же увидела початый тюбик зубной пасты и планку с дырочками, из которых торчали щетки. Возле крайней, совсем новой на вид, было написано "Войтто". Она принялась чистить зубы, а Кизили тараторила над ухом:

- Твоя щетка дожидалась тебя с тех самых пор, как у нас стало принято чистить зубы! Ею никто не пользовался, так что, ей уже много веков!

"Ну ничего себе! – подумала Вика. – Насколько же сильно они меня ждали!"

Завтракать девчонкам пришлось вдвоем – оказалось, парни уже успели перекусить и принялись за работу. Похоже, здесь это было обычным делом.

- Я тоже уже поработала! - объяснила Кизили. – А есть пока не стала – надо же составить тебе компанию!

Вике даже стало как-то неловко. Что же это – они все тут непрерывно работают, а она прохлаждается? И почему-то сознание не выдавало подсказок, чем же ей сейчас заняться. Наконец, ее осенило:

- Слушай, Кизили, а у вас не разработан заранее план, каким образом я должна включиться в работу команды?

- Нет, - покачала та головой. – Ведь ты могла появиться при совершенно разной обстановке, так что, планировать тут бессмысленно!

- Сельгести (понятно), - кивнула Вика. – Ну тогда, раз от меня пока нет никакого толку, давай я, что ли, займусь лошадьми. Это я хорошо умею.

- Займись! - просто ответила Кизили. – Идем со мною, ты вчера видела – конюшня там же, где медотсек!

Но когда они миновали лабораторию, где вовсю трудились парни, громко приветствовавшие Вику, и вышли в знакомый коридорчик, Кизили воскликнула:

- Вот! Вчера в спешке совсем забыли! Мы же не показали тебе нашу кумирню!

И она распахнула самую дальнюю дверь. Вика увидела за нею несколько рядов простых открытых полок, на которых стояли деревянные скульптуры. Все они были вырезаны в единой манере – ни одна деталь не выходила за пределы общего радиуса, каждая скульптура была как будто столбиком, но на нем виднелось мастерски созданное лицо, волосы, руки и прочее. На первый взгляд они казались примитивными, но присмотревшись, невозможно было оторвать глаз от столь изящной резьбы.

- Вот, - сказала Кизили торжественно, как-то даже непривычно спокойно для нее. - Это кумиры наших иштейумалад (богов). Вот Ильматар, непорочная мать нашего народа, создатель суши, лесов и гор.

Ага, про Ильматар Вика, вроде бы, знала. Это из финского эпоса "Калевала". Который кстати, раньше исполнялся под гусли-кантеле, такие же, как здесь. Так вот, значит, куда она попала! Это был мир древнего финского эпоса! Вот чувствовала, она чувствовала, что во всем окружающем ее мире присутствует что-то сказочное, легендарное, вот только стереотипы завели ее мыли не туда, почему-то в Британию, а оказалось, что здесь мир куда более близкого народа! Ну а то, что здесь не так уж пахло стариной, так и не удивительно – ведь этот мир, из которого пошла "Калевала", развивался, прогрессировал, пусть даже в рамках одного небольшого подземного города.

Так что же, получается, жители этого мира говорят по-фински? Пожалуй, и да, и нет. Она слышала от папы, что в финском языке почти нет шипящих, а так же звука "ы", а здесь они звучали сплошь и рядом. И еще у финнов множество мягких гласных, порою очень тягучих, а она слышала их тут не очень часто. И еще у финнов множество сложных слов, конечно же, очень длинных. А тут они встречаются, но опять-таки, не через слово. Может быть, это какой-то прото-финский язык, от которого потом пошли многие другие – венгерский, эстонский, удмуртский, марийский, мокшанский, мансийский и так далее? Значит, связь между нашими мирами существовала очень давно? Может быть, люди, и целые племена спокойно ходили туда-сюда? Кстати, одна особенность финского языка, о которой Вика слышала раньше, здесь точно присутствовала – в нем не было рода! Никакого, даже столь слабо выраженного, как в английском. Местоимения "он", "она" и "оно" заменялись всего одним коротким словом "та". О родовых окончаниях тут уж и говорить не приходится. Удобная штука, если девушке надо выдать себя за парня. Но у Вики сейчас такой

необходимости не наблюдалось, поэтому ей по-прежнему было странно общаться подобным образом.

- Вот это – Пейве, бог Солнца. Вот это – Тапио, хозяин лесов. Это – Ахти, покровитель вод. Это Льекио – владыка трав, Рананейда, богиня весны. А это – твой любимый иштенймал. Не узнала?

И в голове у Вики тут же отщелкнуло – да, этого кумира она прекрасно помнила.

- Это Таару, распределяющий победы. Он покровитель моего имени, - произнесла девочка уверенно.

- Элякёён! Наша Войтто всё помнит! – восторженно воскликнула Кизили.

- Да, я теперь всех вспомнила, - кивнула Вика. – Вот только...

- Что? – спросила снова посерьезневшая Кизили.

- Ну, извини, если скажу что-то не так... - Вика задумалась, как бы выразиться поделикатнее. – Наверное, не говори ребятам, пусть это будет между нами, девочками... Но вот скажи... боги и наука?..

- А, вот ты о чем! – Кизили снова заулыбалась, хотя и более сдержанно, чем обычно. – Видишь ли, наши боги это так просто и естественно! У нас каждый общается с ними сам, без всяких помощников и посредников. Так было и в те времена, когда наши предки строили величественные храмы. Их двери были всегда открыты, и каждый мог зайти туда в любое время чтобы поговорить с любимым иштенймал. Там никто не работал постоянно, за чистотой и порядком следили местные жители по очереди. Наши боги - это, ну... часть природы, что ли. Вот, например, выйдешь на поверхность днем – увидишь как Пейве плывет по небу, как в реке играет Ахти. Конечно, мы знаем, что Пейве – это звезда четвертой величины, а Ахти – это H₂O. Но ведь нельзя сказать, что они мертвые, что это только химия и физика без души. Разумеется, они живые, и они сильнее нас, пускай даже мы и вооружены наукой. А значит, это существа более высокого класса, чем мы. И если не обижать их, то и они будут к нам добры – в чем-то помогут, что-то посоветуют. Словом, наши боги для нас – как старшие друзья, ну, как учителя, например. Ведь любимый учитель - это не тот друг, с которым можно шалить, дурачиться - с ним есть некоторая дистанция из-за почтения, из-за его опыта и разницы в возрасте. Но все-таки это добрый, симпатичный тебе человек. Вот так же и наши боги. Ты бы спросила у Ладвапунга, он поэт, лучше такие вещи объяснить может. Говорят, наши предки все были поэтами, вот и ощущали мир таким, сплошь одушевленным.

- Ладно, я все поняла, - тепло улыбнулась Вика. – Пожалуй, так и должно быть.

И она в самом деле вспомнила каждого из этих богов, вспомнила, как добры они были к ней в прошлой жизни, как помогали везде, где могли успеть. Она почувствовала их дыхание и встретилась взглядом с их добрыми и мудрыми глазами.

Поклонившись изображениям иштенймалад, девчонки вышли из комнаты и направились в конюшню, где, как оказалось, жили пять лошадей – как раз на весь отряд. Кизили снова зарылась лицом в гриву Луча, но теперь уже ненадолго, и тут же поспешила в свой медотсек, служивший так же и биологической лабораторией. Вика же осталась чистить коней. Раньше, у Петра Леонидовича эта работа казалась ей нудной, но необходимой, а теперь, когда она знала, что здешние лошади реально понимают все ее слова, подобное занятие стало даже увлекательным. Вика разговорилась с конями, ей пришло в голову попросить их показать жестами и намеками свои имена. И, судя по их согласным кивкам, всё угадала правильно.

Она уже почти заканчивала работу, как вдруг тишину разорвал резкий сигнал сирены. Вика бросила скребницу и выскочила в коридор. Кизили, оказавшаяся уже там, молча махнула ей рукой – мол, бежим в главную лабораторию.

Когда они оказались там, все парни уже столпились перед монитором.

- Что случилось? – выкрикнула Вика.

- Проникновение врага в одном из сельских секторов, - пояснил Лепотауко, не отрываясь от экрана. – Все консоумольцы, находящиеся поблизости, должны срочно приступить к обороне.

- А какой сектор-то? – спросила Кизили.

- Так... программист подвигал курсором. – Восемнадцатый.

- Далековато, но все равно территория нашего отряда, - пояснил Сарвет.

- Отряд! По коням! – скомандовала Кизили. И тут же, обернувшись к Вике, поправила: - Ой, наверное, теперь должна ты командовать!

- Да я же еще ничего не знаю, а ребята привыкли, что ты консорг, - возразила Вика. – Кстати, где моя перевязь?

- Ну, я так больше не могу, мы все позабыли! – Кизили хлопнула себя по лбу. - Ту перевязь можешь оставить себе на память, а для боев мы сберегли вот это!

Она открыла железную дверцу в стене и вытащила оттуда тяжелый длинный меч в твердых ножнах. Он был совсем простым, без всяких украшений, но от него так и веяло какой-то древней силой. И еще он был очень светлым, так и сверкал в свете лучей, словно зеркало. И, перехватив немой Викин вопрос, Кизили поспешно ответила:

- Да, это тот самый, твой родной, кровный меч!

- А почему он светится? – спросила Вика.

- Так это вся берегающая сталь светится, - объяснила консорг. – Ее так и называют – светлой.

Вика поспешно опоясалась, а парни уже успели это сделать и теперь поспешили в конюшню. Девчонки вскоре догнали их и взлетели в седло. Кизили нажала какую-то кнопку на стене, и та отъехала в сторону, пропуская сразу всех пятерых всадников.

В широком общем коридоре было уже людно, и лошадно тоже. Множество молодых парней и девчонок, а так же более взрослых людей, спешило на зов о помощи. При этом, никакой суматохи не было – видимо, подобная ситуация уже не раз отработывалась на учениях, а может, и не только на учениях. Кто-то узнал Вику, и по строю всадников прокатилось уже знакомое:

- Войтто! Кугу нейтсют Войтто!

К собственному удивлению, Вика уже не чувствовала себя посторонней в этом строю. Да, теперь, после всего услышанного вчера, она стала частью этого живого организма, этого удивительного народа, несмотря ни на что хранившего заветы предков и всецело преданного науке.

Она окинула взглядом лица своих ближайших товарищей. Кизили вся обратилась в движение – ее явно влекло в бой не только стремление спасти соплеменников, но и что-то еще. Лепотауко прикусил нижнюю губу и оставался столь же задумчивым, как и обычно – видимо, не мог ни на миг забыть о своей недописанной программе. Ладвапунг шевелил губами и свободной от уздечки рукой перебирал невидимые струны. Значит, песню сочиняет. Неужели про нее, то есть, про Войтто? И лишь Сарвет оставался внешне спокойным, как будто не хотел растрчивать энергию заранее. Кстати, только теперь девочка заметила, что на поясе у великана висит не меч, а огромная цельнометаллическая палица с длинными шипами. Перехватив ее взгляд, он пояснил:

- А, это специальная комиссия решила. Подсчитали все параметры моей фигуры и мускулатуры, и решили, что для меня такое оружие будет эффективнее. Мечом я, конечно, владею, но вот эта сыянуй мне и вправду больше нравится.

Вскоре коридор закончился, и Вика увидела совершенно неожиданную картину. Перед нею открылось бескрайнее поле, такое обширное, как будто оно находилось на поверхности. Потолок размещался довольно высоко, и его можно было вполне принять за настоящее небо, если бы не сразу несколько неподвижных искусственных солнц. А Вика уже знала, что настоящая звезда над Хонкой самая обычная, не двойная. По-видимому, сейчас шла

посевная, поскольку поле оставалось еще, практически голым и не было видно ни одной машины. Зато виднелось множество испуганных людей и даже детей, удиравших от какой-то непонятной, разноцветной массы. Завидев всадников, крестьяне радостно зашумели, однако до спасения было еще далеко – враг двигался слишком быстро и, кажется, уже кого-то настиг.

И тут Вика поняла, что все всадники, весь стихийно возникший строй смотрит сейчас на нее. Ну да, все столько веков ждали деву Войтто, что теперь ожидают от нее сплошных побед. А значит, остается лишь действовать со всей решительностью.

- Тьетейскирйаллисуус! – древний боевой клич, как будто сам собою, вырвался из ее горла. Она выхватила из ножен свой заветный меч, и он как будто ожил в ее руке. О нет, в этом не было никакой магии. Просто Вике показалось, что кровь в ее жилах не поворачивает обратно, достигнув конца руки, а уходит еще дальше, в клинок, и лишь от самого острия возвращается к сердцу. Конечно, меч был самым обычным для любого другого человека во вселенной, но она буквально почувствовала родство с ним.

Боевой клич, повторенный множеством глоток, покатился над полем, и весь строй всадников ринулся вперед.

Когда до врага оставалось метров десять, Вика, наконец-то смогла толком разглядеть его. На сей раз это были не воины, и даже вообще не человекоподобные существа.

Разноцветная масса состояла из каких-то четвероногих животных. Ростом они были не больше полутора метров. Сперва Вика приняла их за хищников, и только потом поняла, что это, кажется, какая-то кошмарная пародия на лошадей! Эти существа как будто вырезал из дерева какой-то совсем неумелый скульптор, совсем не такой мастер, как тот, что трудился над хонкийскими кумирами. У них были совершенно прямые ноги, напоминавшие обрезки труб, без выделяющихся коленей и копыт, совсем короткое туловище, очень большая и круглая голова с коротким и тупым, будто обрубленным топором, носом и треугольными стоячими ушами, словно у овчарки. А половину этой морды занимали огромные круглые глазища. И если учесть, что глаз – это шар, то получалось, что для мозгов у этих существ места почти не оставалось. Зато хвост и грива у них почти что доставали до земли. Окраска у них была самая неестественная – желтая, оранжевая, розовая, синяя, фиолетовая. Одним словом, все это казалось плодом чьей-то больной фантазии. Но наиболее неестественными выглядели их зубы – они, как и уши, вовсе не походили на лошадиные. Вся пасть была усеяна острыми, словно гвозди, клыками. И с этих клыков капала желтая пена, а у некоторых даже кровь – видимо успели кого-то покусать, или вовсе загрызть.

- Что это за твари? – спросила Вика.

- Это алконьсикры! – откликнулся Ладвапунг.

- Они всегда жили в ваших краях?

- Нет, конечно, - ответил Сарвет. – Это все колдовское отродье. Ихмевалты создали их на генетической основе отнятых у нас лошадей.

- Это что же, мне придется истреблять коней? – произнесла Вика растерянно.

- Да брось, какие это кони! – воскликнула Кизили с яростью. – Так, жалкое подражание! Это я точно знаю! Сама в их генетическом коде копалась! Так там просто помойка, чего только не намешано, вплоть до ядовитых змей и клещей!

Теперь стало понятно, отчего ей так не терпелось ринуться в бой. Кизили, столь сильно любившая лошадей, испытывала жгучую боль из-за того, что колдуны так испохабили их. Саму Вику теперь тоже обуревало нечто подобное – какие же изуверы могли до такого додуматься – лошадь, одно из благороднейших существ, и поступить с ней подобным образом!

- Они и впрямь ядовиты, - добавил Лепотауко. – Причем яд какой-то особенно изуверский – от него можно полностью утратить рассудок. Особенно сильно он действует на детей, но бывает, что и некоторые взрослые поддаются. Так что, особенно берегись их зубов.

- Собственно, их рост и рассчитан на детей! - заметила Кизили.

- Лурьюсуд! (сволочи), - выругался Сарвет. – Колдуны узнали, что сейчас в поле прислали Осенят и Первопроходцев для помощи крестьянам, вот и выпустили алконьсикров!

- Словом, бей их не задумываясь! – крикнула Кизили. – Повторяю – это не лошади, и вообще не часть природы!

- Н-но, Киир! – выкрикнула Вика, окончательно убежденная словами друзей, и ее скакун вырвался вперед.

Она уже успела поравняться с первым рядом бегущих крестьян и детей. Те, узнав ее, возликовали, но теперь ей было не до этого. Она снова стала белокурой молнией, точно такой же, что крушила врагов на лесной поляне.

Вика первой налетела на разноцветную массу и, не раздумывая, рубанула с плеча. Удар пришелся по голове твари, слегка выделявшейся ростом среди своих соплеменников – видимо, это был вожак. Меч гулко ударил по лбу, прямо между треугольных ушей. Раздался звон, вроде колокольного, а клинок отскочил в сторону, кажется не причинив врагу ни малейшего вреда.

- Войтто, не бей их по голове! – крикнула Кизили. – У них черепушка будто бы металлическая, чтобы челюсти работали, как капкан!

Вот как! До чего только не додумаются эти ихмевалты!

Тем временем, вожак уже нацелился зубами на Викину ногу, и она еле успела отразить атаку клинком. Но следующий удар девочка уже смогла рассчитать и рубанула по горлу, под нижней челюстью. Вот там-то никакой брони не оказалось – голова мерзкой твари полетела в воздухе, кувыркаясь и разбрызгивая какую-то синюю жидкость, по-видимому, заменяющую кровь. Она упала где-то в задних рядах на спину одного из алконьсикров, отчего тот взвился на дыбы и ударил своими безкопытными ногами по голове ближайшего сородича. Видя всю эту сцену, крестьяне снова возликовали, а Вика обернулась к ним и крикнула:

- Куржашке, куржашке! Эй виткастек! (Бегите, бегите! Не медлите!)

При этом она едва успела увернуться от падавшего в ее сторону тела вожака, из обрубленной шеи которого хлестала все та же синяя кровь. Кто знает, может, она тоже ядовита?

Впрочем, роль вожака в этом стаде была, по-видимому, не так уж велика – твари-то безмозглые. И разноцветное море с новой силой хлынуло на людей.

Но теперь уже Вика размахивала мечом не одна – в бой вступили остальные консоумольцы. В первых рядах, конечно же, рубился отряд Войтто. Оглядываться по сторонам было некогда, но Вика ясно видела, как ее новые друзья врезаются в строй алконьсикров и рубят их направо и налево.

Импульсивная Кизили размахивала мечом из стороны в сторону, клинок в ее руке тыкался в цветное мясо, как будто, без всякой системы, однако, каждый удар оказывался смертельным. Обезглавленные или продырявленные туши так и сыпались под ноги ее коня. Видимо, как биолог она лучше всех знала их уязвимые места.

Лепотауко вращал мечом в одной плоскости, как будто крутил мельничные крылья. Клинок, превратившийся в подобие циркулярной пилы, сносил все на своем пути, отскакивая лишь от непробиваемых голов алконьсикров. И при этом парень, как будто по-прежнему думал над своей программой!

Ладвапунг не делал лишних движений – его меч ходил плавно, словно пальцы по струнам. И головы поганых тварей валялись, срезанные им, будто тончайшей струной.

И лишь гигант Сарвет действовал совершенно прямолинейно. Его палица летала в воздухе, круша врагов, словно перезрелые тыквы. От каждого удара туловище очередного алконьсикра разлеталось в воздухе ошметками, и синяя кровь выплескивалась наземь. Даже непробиваемые головы сплющивались, словно консервные банки.

Кони тоже активно участвовали в битве – их подкованные копыта то и дело сбивали врагов с ног. Луч уже несколько раз попадал ногой какому-нибудь алконьсику прямо в грудь и пронзал его гнилое нутро насквозь, до самого хвоста. И, исходя из этого, Вика поняла, что кровь тварей все же, наверное, не опасна, а опасны только зубы.

Вика уже давно приладилась наносить меткие удары, направленные под самую челюсть.. Они с Лучом как будто договорились без слов – она рубит направо, он бьет копытами налево. И все-таки девочке приходилось время от времени оборачиваться, чтобы пронзить какую-нибудь тварь, нацелившуюся на ее любимца сзади.

Остальные бойцы рубились столь же вдохновенно, и все-таки отряд Войтто заметно углубился во вражеские ряды. Вика сама не знала, сколько уже продолжалась эта битва. Казалось, что давным-давно. При этом девочка отметила про себя, что форма консоумольцев, по-видимому, специально разрабатывалась для подобных боев – в ней она до сих пор даже не вспотела, не то, что в своих джинсах и рубашке. Да и металлизированная ткань действительно оказалась довольно плотной – уже несколько раз враги пытались прокусить ее, но их острые зубы оставляли на ней лишь небольшие вмятины.

Срубив очередную мерзкую голову, Вика заметила, что сразу трое алконьсиков, взобравшись по трупам своих сородичей пытаются навалиться на широкую спину Сарвета.

- Хойдке! (Берегись!) - крикнула Вика и поспешила ему на помощь.

Да, против подобного нападения палица была бессильна. А одна из тварей уже ухватила зубами за пояс великана. Вика, подлетев к нему, взмахнула мечом, и мерзкое фиолетовое тело покатило вниз. Еще один взмах – и второй урод рухнул с пропоротым боком. Но третий из нападавших повел себя неожиданно – оттолкнулся задними ногами от крупа коня и, словно собака прыгнул прямо на Вику.

От неожиданности она выставила вперед не острое, а кулак с зажатой рукоятью. Это несколько отразило удар – алконьсикр получил по зубам и повис между двумя конями. Его огромные круглые глаза так и горели злобой. Зубы щелкнули у самого бедра Вики, но в этот момент Сарвет рванул своего скакуна вперед, и нападавшая тварь потеряла опору. Вика наклонилась и пронзила ей грудную клетку.

Только теперь девочка заметила, что сколько они ни рубились, поток разноцветных уродов все не прекращался, им конца и края не было видно. А вот то, что часть всадников уже выдохлась, стало заметно. Хорошо хоть, спасенные крестьяне и дети уже были далеко, и вроде бы, никто из них не пострадал настолько, чтобы не смочь бежать.

Несколько алконьсиков попытались окружить Луча со всех сторон, причем держа вверх свои непробиваемые головы. Вика, не раздумывая, ткнула мечом, куда пришлось – прямо в пасть ближайшей твари. Этот прием оказался удачным – верхняя часть черепа полетела наземь, а на шее осталась лишь нижняя челюсть, продолжавшая махать в воздухе. Девочка изо всех сил пнула эту мерзость ногой, и та завалилась на своего соседа. Благодаря этому, Вика сумела легко проткнуть его. Окружение распалось. Луч крутнулся на месте, сбив копытами еще двоих, а последнего, фиолетового, девочка разрубила прямо поперек туловища. Передняя половина едва не вцепилась зубами в переднее копыто Луча, но тот наступил прямо в зубастую пасть, раздавив ее.

Вика снова издала боевой клич и, демонстративно вздев меч над головой, понеслась в самую гущу врагов. Ее отряд тут же рванул за нею, а там и все остальные консоумольцы, забывая об усталости.

Вика натянула поводья так, что Луч высоко поднял передние ноги и дальше помчался прямо по головам и спинам алконьсикров. Примеру Вики последовала и Кизили. Правда, у нее получилось не так ловко – она сильно прогнулась в седле и чуть не рухнула наземь, но все же, смогла удержаться, оперевшись на меч, который с размаху вонзила в шею одного из врагов. Вместе девчонки как будто вырезали широкий и длинный клин в массе врагов. Под копытами двоих коней оставались широкие трассы растоптанных трупов. А отсеченный клин уже легко добивали парни из отряда Войтто.

Окрыленная этим успехом, Вика погнала своего коня все дальше. Масса алконьсикров была не настолько сплошной, чтобы можно было двигаться по ним так же легко как по полю, но Луч, слушаясь уздечки, скакал настолько ловко, что ни разу не промазал. Каждое его копыто прижимало к земле чье-то мерзкое туловище или голову. Конь Кизили поскользнулся пару раз, но все же и ему удавалось выровняться.

Где-то с боку еще несколько всадников переняли новую тактику, и теперь дело пошло значительно быстрее. Уже пять или шесть клиньев прорезали бесконечную массу. А Вика все гнала и гнала Луча дальше, умудряясь и ловко управлять им, и рубить зазевавшихся врагов.

Вика чувствовала, что совсем не устала, но все же бесконечность потока врагов начала ее тревожить. Что все это значит? Неужели такие огромные силы брошены лишь на то, чтобы бездарно ложиться под мечами защитников города? Ведь уже понятно, что эту битву алконьсикры проиграли, что они, если чего-то и добились, то очень немного, однако продолжают течь непрерывным потоком. Что, если это лишь начало какого-то маневра?

Думая так, она все продолжала ловко орудовать клинком. Как вдруг, когда девочка наклонилась вправо, чтобы добить какого-то бледно-розового уroda, нацелившегося на ноги Луча, смертельная боль пронзила ее левую коленку. Она чуть не оставила меч в пасти заколотого врага, и смогла вытащить клинок лишь бешеным усилием воли.

Подняв глаза, девочка увидела, что какой-то алконьсикр, желтой масти, более высокий, чем остальные, встал на задние ноги и всею своею зубастой пастью впился в нее. Зубы этой твари оказались настолько острыми, что прокусили даже сверхпрочную ткань ее брюк. Такого еще не удавалось ни одному врагу.

Вика инстинктивно ударила свободным кулаком между глаз проклятой твари, но лишь расшибла руку и, кажется, загнала зубы еще глубже. Алконьсикр вцепился в нее мертвой хваткой. Пожалуй, ни у одного из земных существ зубы не выглядели подобным образом – тонкие, словно иглы шприцов, даже не конические, как у змеи, видимо, специально предназначенные лишь для того, чтобы впрыскивать яд сразу всей пастью.

От боли Вика едва смогла собраться с мыслями и изо всех сил рубанула по шее врага. Тело мерзкой твари отделилось от головы настолько легко, что клинок едва не врезался в Викину ногу, и она едва успела удержать его. Вот только голова врага осталась висеть, вцепившись зубами в коленку. Желтая грива даже отсюда доставала до земли. Вика уцепилась за нее и дернула изо всех сил, но опять сделала только хуже – зубы прочертили по брюкам полосы в пару сантиметров, но не разомкнулись. Вика попробовала ударить по челюсти сбоку, но эффект оказался тот же самый.

Луч крутнулся на месте, раскидывая окруживших его врагов. Вика помогла ему, снова пару раз взмахнув мечом. Боль в коленке все не унималась. Теперь уже болели не только сами раны, а и часть ноги примерно на ладонь вниз и вверх. Видимо, так начинал действовать яд. Девочка попробовала втиснуть клинок между ногой и челюстью, но он не вошел туда. А боль все продолжала разливаться по телу.

Друзья, видя ее замешательство, подскакали к ней.

- Ты ранена? – спросила Кизили.

- Вот, прицепилась гадость, - ответила Вика, еле сдерживаясь, чтобы не взвыть. – Сарвет, попробуй, что ли, ты ударить своей сыянутой.

- Нет, - покачал головой великан. – Так я тебе ногу сломаю.
- Ее просто так не отцепишь! - сказала Кизили. – Можно только в лаборатории!
- Ну, тогда ладно, не толпитесь тут из-за меня, - сказала Вика. – Попробую забыться в битве.

И, едва только всадники расступились, она вновь подняла Луча на дыбы и поскакала по спинам и головам врагов. Но теперь уже отряд не оставлял Вику в одиночестве. Сарвет держался совсем рядом, готовый в любой миг подхватить ее на руки. Остальные расчищали широкую полосу по бокам.

Впрочем, Вика и не думала падать. Ей и впрямь удалось забыться – она сосредоточила все мысли на том, как достать клинком наибольшее число врагов, и такая интенсивная работа мозга как будто не пропускала в него болевые сигналы.

Луч, как будто уловив ее мысли, перестал драться коптами, и только двигался вперед, предоставляя своей хозяйке простор для ударов. И она рубила теперь направо и налево, не давая себе задумываться, наносила удар за ударом. Теперь приходилось только рубить, словно заведенный автомат – не колоть, не махать кулаками, а лишь как можно чаще повторять одни и те же движения, чтобы не уступить навязчивой боли ни на минуту. Из-за этого Вика пару раз промазала – попала по непробиваемым головам. Но так было надо – не думать ни о чем, только превратить свое тело в нечувствительную сталь. И не двигать поврежденной ногой лишней раз. Работать лишь рукой и корпусом, рукой и корпусом...

Вика рубанула еще несколько раз, снова натянула уздечку, чтобы прыгнуть на очередных врагов, как вдруг увидела, что копыта Луча повисли в пустоте. Впереди больше не было алконьсиков, лишь простирался край поля. Неужели... неужели этому потоку все же пришел конец? То есть, не совсем конец, но теперь стало ясно, что врагов осталось не так уж много.

Тогда Вика развернула своего скакуна влево – там оставалась тонкая полоска разноцветных тварей. Отряд, словно по команде, развернулся за нею. Теперь они впятером добивали прижатых к стене алконьсиков. Вот тут Вике стало несколько труднее – простора для работы мечом оставалось маловато, и предательская боль начала просачиваться сквозь стену ее воли, постепенно затопляя сознание. И все-таки, она не позволяла себе расслабиться до тех пор, пока последние враги, находившиеся в поле зрения, не попадали под ударами ее меча. И, стоило только остановить руку лишь на секунду, как девочка тут же зашаталась в седле и всем корпусом упала на приподнятую ногу. Отрубленная голова мерзкой твари оказалась прямо у нее перед глазами, и это заставило ее невольно отпрянуть. Она распрямилась и запрокинула голову назад, раскрыв рот в немом крике. По ее лицу катился пот от теперь уже совсем невыносимой боли.

Сарвет тут же подскочил к ней, спрыгнул наземь и, подхватив ее за плечи, попытался снять с коня. Но Вика, помотала головой:

- Не надо. Я должна оставаться в седле до тех пор, пока не вернемся в лабораторию, а возвращаться мы должны последними. Наши не должны знать, что их легенда ранена. Да и потом, я все еще в строю. Это же только нога, мечом я еще успею помахать.

- На-ка, попробуй вот это! - подскочила к ней Кизили, на ходу доставая из кармана какую-то пилюлю. – Дурочка я, совсем забыла!

Вика молча проглотила лекарство, а девушка-медик уже поднесла к ее губам походную флягу. Но, конечно же, каким сильным ни было средство, оно не могло подействовать мгновенно. Так что, боль, видимо, по-любому будет такой же нестерпимой до самого конца битвы. А значит, остается только одно.

- Тьетейскирйаллисуус! – выкрикнула девочка изо всех оставшихся сил и рванула Луча туда, где сражались остальные консоумольцы.

Впрочем, теперь уже стало окончательно ясно, что битва продлится недолго. Всадники, вдохновленные примером Вики, скакали по головам и спинам последних алконьсиков

теперь уже не вперед, а во все стороны. Разноцветные твари подышали десятками за минуту, расплескивая по земле свою синюю кровь.

Вика снова заработала мечом, как заведенная. Друзья теперь уже не приближались к ней, а давали место для размаха.

Как вдруг, окрестности огласил душераздирающий крик с противоположной стороны поля. Обернувшись туда, где находились спасенные крестьяне и дети, Вика увидела, что теперь их атакуют с воздуха!

Над толпой парили уже новые, но тоже разноцветные твари. Это были кошмарные пародии уже не на лошадь, а на человека. Точнее, на девчонку неопределенного возраста. Ростом они были, опять-таки, не больше полутора метров, с коротким туловищем, тонкими ручками и такими же однородными, трубообразными ногами, как у алконьсикров. И все это уродство венчала огромная, совершенно круглая головища, превосходящая диаметром длину туловища вместе с ногами. На ней сверкали такие же круглые, не мигающие глаза, а вот носа почти не было видно.

- Это что еще такое? – воскликнула Вика, даже забыв об уже совсем обнаглевшей боли.

- А это курихалдыасы, - пояснил Сарвет. – Они, как и ледьферфы, были созданы на основе людей. Только они превращаются не в мух, а в каких-то совсем ничтожных букашек, почти незаметных.

- А за счет чего они летают? – спросила Вика.

- У предыдущей модели были крылья! - откликнулась Кизили. – Но, видимо их создатели чего-то не рассчитали – грузоподъемность оказалась маловата, поэтому мы легко обезвреживали их! А у этой модели голова вдвое больше и совершенно пустая, заполненная каким-то летучим газом!

А Вика невольно вспомнила тех ледьферфов, которых перебила, спасая детей в лесу. Пожалуй, эти угрюмые, неряшливые бородатые воины были самым красивым произведением ихмевалтов.

Так значит, вот для чего была предпринята на первый взгляд, бессмысленная атака алконьсикров! Это был лишь отвлекающий маневр. Основная ставка в этой битве делалась на курихалдыасы.

Эти твари пикировали на бегущих детей и протягивали к ним свои руки, которые вытягивались прямо на глазах. Опустившись почти к самой земле, каждая курихалдыаса обхватывала этими руками сразу же троих-четверых и легко взмывала с ними в воздух. Видимо, похищение детей было самой главной целью ихмевалтов. Тем, кого утащат летучие твари, предстоит провести остаток жизни во вражеском городе – сначала в качестве учеников отупляющей школы, а после – покорных рабов завоевателей.

И Вика, снова издав боевой клич, кинулась на врага, забыв о боли. Но теперь все обстояло гораздо сложнее.

Шеренга всадников достигла того места, где кружились курихалдыасы. Там уже вовсю кипела схватка. Взрослые крестьяне пытались отбить детей у летучих тварей, но без оружия это получалось плохо. Лишь несколько мужиков каталось по земле в обнимку с разноцветными головастиками. Но и то хорошо, значит, им удалось хоть кого-то спасти.

Луч с размаху наступил на голову одной из курихалдыас, придавленных к земле, и та разорвалась с оглушительным хлопком. Крестьянин, только что сжимавший врага, вроде бы, не пострадал и сразу же вскочил на ноги.

Отряд Войтто тут же последовал Викиному примеру, и за пару минут покончил со всеми пойманными курихалдыасами. Но что же дальше?

Разноцветные твари кружились над полем, злорадно хохоча. Теперь они уже не смогли бы никого схватить, но в руках у них и без того находилась почти половина детей. Правда, лететь с грузом они могли совсем невысоко, лишь в нескольких метрах над землей. Но что толку?

- Неужели у вас нет никакого стрелкового оружия? – удивилась Вика. – Ни луков, ни арбалетов?

- Нет, - помотал головой Сарвет. - Ведь колдовству не поддается только оружие, сделанное из стали. А кто согнет стальной арбалет? Такое даже мне не под силу.

- Но ведь того, у кого есть хоть кусочек стали, колдовство тоже не берет? – возразила Вика.

- Только человека, или его коня, но не оружие, - объяснил великан.

Вика попробовала применить тот же прием, что и с последним ледьферфом на поляне – размахнулась и метнула свой меч в одну из курихалдыяс. Он просвистел в воздухе, но летучая тварь оказалась слишком проворной, и успела увернуться. Кизили первой подскакала к упавшему мечу и тут же вернулась с ним к подруге.

- Лапсед, а раньше такое бывало? – спросила Вика.

- Раньше алконьсикры и курихалдыясы нападали по отдельности, - откликнулся Ладвапунг.

– А вот подобную тактику их хозяева еще ни разу не применяли.

- А их нельзя перехватить на выходе? - произнесла Вика задумчиво.

- Там горловина слишком высокая, - ответил Лепотауко. - Нам все равно не дотянутся.

- Зачем же так строили? – удивилась Вика.

- Понятно, рассчитывали, что в будущем появится крупный транспорт, - ответил Сарвет. – А защита считалась надежной.

- Ну, давайте все же быстро к выходу, встретим их там, - подытожила Вика, и Луч поскакал в ту сторону, даже не дожидаясь особой команды. Остальные всадники, конечно же, кинулись следом.

Вика, пока что, убрала меч в ножны и обеими руками держась за уздечку, задрала голову вверх. Нагруженные курихалдыясы летели медленно, тяжело, и теперь можно было как следует рассмотреть их. Большинство из них было слеплено по одному образцу, и различалось между собою лишь цветом. Как вдруг Вика заметила в летящей массе одну фигуру, выбивавшуюся из общего строя. И, кажется, это был их вожак. Точнее, поскольку эти твари напоминали назойливых насекомых, это была их королева!

Эта тварь и впрямь не очень походила на остальных. Ее ярко-оранжевое тело было гораздо длиннее, конечности гораздо правильнее. Правда, головища все равно была здоровой – ведь за счет нее королева и летала. А еще у нее вокруг макушки виднелось какое-то кольцо из волос – типа короны, что ли. Глаза были меньше, чем у остальных курихалдыяс, а лицо напоминало, скорее, свиное рыло. И все-таки, оно почему-то показалось Вике знакомым. А когда тварь повернулась к ней спиной, девочка увидела, что "корона" переходит в длинную косу. И лишь теперь она поняла – эта тварь была пародией именно на нее саму, точнее, на деву Войтто! Ихмевалты решили таким образом испоганить величайшую легенду хонкийцев, самый дорогой для них образ!

И Вика поняла, что именно она сама должна во что бы то ни стало, собственноручно, уничтожить этот позор.

- Лучик, скорее! – выдохнула девочка в самое ухо коню.

Уже совсем скоро весь отряд Войтто оказался у самого входа в тоннель, ведущий с поля наружу, на поверхность. Враги пока что оставались далеко позади.

- Вот что, лапсед, произнесла Вика скороговоркой. – Соорудите мне факел и помогите подняться наверх.

- Наверх? – удивилась Кизили. – Но ты же в седле-то еле держишься! Скажи лучше мне, что задумала, и я попробую!

- Нет, - помотала головою Вика. – Оказывается, у меня к ним личные счеты. Я должна все сделать непременно сама.

За время этого разговора Ладвапунг и Лепотауко успели спрыгнуть наземь, подобрать какую-то палку, обмотать тряпкой и поджечь обыкновенными спичками.

Сарвет подогнал своего коня к самому входу в тоннель, встав боком к стене. Вика остановила Луча бок о бок с ним, а рядом еще пристроилась Кизили, которая стала помогать ей вскарабкаться на плечи великана.

Укушенная нога распухла уже до самой ступни, и боль все не унималась. Помимо прочего, начал нестерпимо жать сапог. "Давай же, лезь, - уговаривала себя Вика. – Ты ведь и не с таким справлялась. Задание по алгебре куда труднее".

Наконец, она все же оказалась сидящей на плечах Сарвета, а тот уже с легкостью поднял ее над головой, обхвативши за бока. Вика подтянула здоровую правую ногу и встала ею на плечо великана. Затем смогла подтянуть и левую и резким движением встать. Вот так. Сарвет придерживал ее за ступни, и теперь она смогла дотянуться до узкого каменного выступа в стене.

Девочка уцепилась за него руками и легко подтянулась. Когда приходится действовать руками, совсем другое дело.

Забросив свое тело на этот выступ, Вика села на нем и огляделась. Рой курихалдьяс уже приближался. Двигались они где-то на метр выше, чем сейчас находилась она. Значит, надо подняться. Опять задействовать ногу, вот гадство! А впрочем, ее план все равно не осуществить без помощи ног.

Вика поискала глазами, за что бы еще схватиться и заметила в стене два приветливых на вид булыжника. Тут же уцепилась за нижний из них и, опираясь на правую ногу, слегка подтянулась. После этого она смогла ухватиться за следующий камень и уже с его помощью встать на выступе в полный рост. Вот так, теперь уже можно будет действовать.

Враги все приближались и приближались. Вот их отделяют от девочки всего пять метров, вот четыре, вот три... А она думала лишь о том, как в нужную секунду половчее оттолкнуться от стены. Все-таки, здесь еще низковато, но дальше подняться уже невозможно, там нет никаких выступов. На Земле, конечно, есть такие скалолазы, которые умеют висеть, держась почти что ничем и ни за что, но ведь Вика специально альпинизмом не занималась, ее всю жизнь манили только лошади. Значит, придется довольствоваться имеющимися силами.

Тем временем, курихалдьясы оказались уже в паре метров от стены. Королева роя наклонила голову вперед, собираясь нырнуть в тоннель. Ее растянувшиеся руки сжимали сразу пятерых мальчишек и девчонок. Всё! Медлить больше нельзя!

Вытянув руки вперед, Вика оттолкнулась от стены и выступа обеими ногами. Левую, конечно, пронзила волна совсем дикой боли, но это стало уже почти привычным.

Поскольку прыгать пришлось чуть вверх, Вике не удалось свалиться прямо на спину королевы. По ней лишь ударили с размаху вытянутые руки. Но и этого оказалось достаточно.

Девочка сумела ухватиться за плечо оранжевой твари и тут же, переставляя руки, проворно перебралась ей на спину. Та не успела опомниться, а Вика уже сидела на ней верхом. Ее веса оказалось достаточно, чтобы королева не выдержала и начала опускаться. Остальные курихалдьясы в недоумении замерли совсем близко от тоннеля.

Вика оказалась сначала на талии у королевы, потом, цепко хватаясь руками, стала передвигаться все ближе к голове, и, благодаря этому, та опускалась все ниже и ниже. Тварь пыталась крутиться вокруг своей оси, но не могла этого сделать, поскольку, мешал груз, зажатый в руках.

Наконец, королева оказалась уже на уровне конских спин, и тут уже Сарвет, Кизили и Ладвапунг схватили ее за руки. Вика проворно, несмотря на разошедшуюся боль в ноге, соскочила на спину Луча и крикнула:

- Факел! Скорее!

Лепотауко, ожидавший именно этого момента, тут же протянул ей факел.

Вика схватила его одной рукой, а другой вцепилась в косу королевы. Всадники уже успели разогнуть той руки, и освободить детей, поэтому теперь она обрела былую легкость. Вика одним движением подожгла ей косу и крикнула:

- Лапсед, пустите ее! Сейчас же!

Всадники разжали руки, и королева, еще не чувствуя опасности взмыла в воздух. Но едва только она оказалась на одном уровне со своим роем, как прогремел оглушительный взрыв. Это коса, быстро догоревшая до основания, подожгла голову и, находившийся в ней газ, по-видимому, водород.

Тело мерзкой твари разлетелось на сотню горящих ошметков. Часть из них ударилась о стену и посыпалась вниз, затухая налету, а часть попала в головы нескольких курихалдьяс, отчего те тоже немедленно взорвались.

Началась цепная реакция. Головы, наполненные газом, взрывались одна за другой и поджигали соседние. Обезглавленные твари разжимали руки, и плененные дети падали вниз. Но теперь там уже собрались все консоумольцы, участвовавшие в битве, и они успевали вовремя подхватывать падающих. Таким образом, практически, никто не пострадал, если не считать тех, кто был уже отравлен ядом алконьсикров.

Те твари, что находились в задних рядах, вовремя отпустили свой груз и попытались разлететься в стороны. Но бесконечные взрывы настигали и их. Некоторые из-за суматохи опускались совсем низко, и тогда всадники встречали их клинками.

Вот Сарвет умудрился срубить мечом чью-то голову, и она тут же понеслась ввысь, словно шарик, из которого выходит воздух. Великан едва успел подхватить детей, которых выпустили разжавшиеся руки твари.

Вот одна из курихалдьяс опустилась почти что на голову Лепотауко, и тот, не долго думая, ткнул в нее факелом, и едва успел увернуться от взрыва.

В кого-то из всадников тоже попадали ошметки, но форменная ткань оказалась несгораемой. Лишь немногим обожгло руки или подпалило волосы.

Вика тоже металась среди защитников города и то и дело доставала острием своего меча какую-нибудь слишком снизившуюся тварь. То, что ее идея с факелом оказалась столь удачной, окрыляло ее, придавало новых, сил, хотя нога болела все сильнее.

Наконец, прогремел последний взрыв, и последнее обезглавленное тело, оранжевое, как и у королевы, рухнуло наземь. И вот теперь уже Вике оставалось только одно – выехать вперед, подальше от тоннеля и воскликнуть:

- Элякёён! Мы победили!

Многоголосый хор подхватил ее слова, потом начал прославлять деву Войтто. А сама дева думала лишь об одном – ну как же ей избавиться от этой немислимой боли?

Глава 9 Противоядие

- Слушайте, наверное, вы зря меня ждали – горько вздохнула Вика, когда ее отряд остался на поле последним. – Ну какой же из меня полководец – попала в первом же бою! Вы запросто обошлись бы без такой помощи. Да вот, хотя бы, Кизили – вполне могла бы заменить деву из легенды.

- Скажешь тоже! – тут же откликнулась девушка-медик. – Мне до тебя расти и расти! Как ты ловко придумала скакать прямо по ним!

- А с огнем и вообще блеск, - добавил Ладвапунг. – Как ты догадалась, что у них в башке именно водород? Я много раз пытался их исследовать, но разве следы водорода обнаружишь?

- Да я просто вспомнила, что он самый летучий из всех газов, - объяснила Вика. – А значит, было бы логичнее использовать именно его.

- Ну вот, а никто из нас до такой простой вещи не додумался, - вздохнул Ладвапунг. – А я то же хорош, химик фигов.

- И потом, - добавил Ладвапунг, - Прежняя Войтто тоже была ранена много раз. Да вот хотя бы, пальца у нее не было. А в самом первом бою, уже внутри крепости, стрела прошла ей бок, правда, не задев органы. Словом, не расстраивайся – ты самая настоящая Войтто.

Вика благодарно посмотрела на друзей. Кажется, впервые в жизни она не чувствовала себя победителем с полной уверенностью, а вот они по-настоящему помогли ей. Да, минутная слабость прошла и появилась уверенность в том, что рана – это отнюдь не поражение. Только теперь ей вспомнилось, что даже Жанна д'Арк была ранена стрелой в руку во время своего первого боя. Но это не спасло англичан от ее карающего меча.

- Лапсед, а что делать со всем этим? – спросила Вика, указывая на гору падали. – Удобрение для поля из них получится?

- Нет, - покачала головой Кизили. – Это закапывать в землю нельзя ни в коем случае. Там же один яд, в каждой клеточке. Можно только сжечь.

- Сейчас придет бригада мусоросжигателей, - пояснил Сарвет. – Теперь здесь только для них работа осталась, а нам пора в лабораторию.

- И часто такое бывает? – спросила Вика, когда они уже снова углубились в коридор. Их отряд покидал поле битвы последним.

- - Не очень, но все же бывает, - проворчал Сарвет. – На территории нашего отряда уже третий раз, а в целом где-то раз в полгода случается.

- Кстати, я засек по часам, - вмешался Лепотауко, - с твоей помощью, Войтто, мы справились вдвое быстрее обычного при том, что враги использовали новую тактику.

Вика вымученно улыбнулась. Ответить не было сил, все они уходили на борьбу с болью. Наконец, она все же решилась и спросила:

- А противоядье от яда алконьсикров есть? – она чувствовала, что нога, на которой болтался череп, начинает постепенно неметь, как будто челюсть при заморозке, а потом вдруг отходит и болит еще сильнее, и так повторяется без конца. Колено уже ничего не чувствовало, но жаловаться при ранениях она не привыкла. – Есть, Кизили? Ты знаешь его? Но ответил, как не странно, не медик, а руноилья.

- Да, средство есть, причем совсем не медицинское. Поскольку яд этот колдовской, то фармацевтика тут бессильна. Однако опытным путем удалось установить, что в подобных случаях помогает тайто.

- Тайто? Искусство? – удивилась Вика. – В каком смысле?

- В самом прямом, - откликнулся Лепотауко. – Больной должен целый день слушать хорошую музыку, читать хорошие книги, смотреть альбомы, или хотя бы общаться с творческими людьми.

- Всех покусанных, и детей и взрослых, сейчас повезут в концертный зал, - добавила Кизили. – На первых порах им прописана только музыка. Должно помочь даже тем, кто в полной отключке. Ну а тебе попытаемся помочь своими силами, а, лапсед?

Лепотауко и Ладвапунг радостно кивнули.

Отряд Войтто покидал поле битвы последним. Луч двигался мерным, хотя и довольно быстрым, шагом, чтобы не потревожить раненую хозяйку, и остальные кони приспособились к этому ритму.

Пилюля, которую Кизили дала Вике, все никак не хотела действовать. Боль пульсировала, уже, как будто, не только в раздувшейся ноге, а в голове или даже во всем теле. Вика больше не разговаривала, закусив губу и думая лишь об одном – как не рухнуть с коня при друзьях. Ей казалось даже, что сердце вот-вот разорвется, не выдержав такой нагрузки. Даже то, что вместо поля вокруг потянулись коридоры подземного города, она и то заметила с трудом.

Но вот, наконец, и знакомая дверь. Сарвет нажал на кнопку в стене, и открылись широкие ворота конюшни. Заехав туда, хонкийцы молча попрыгали наземь, а вот у Вики все никак не получалось. Нога совсем перестала ее слушаться, да еще и голова твари мешалась. Видя мучения девочки, Сарвет подхватил ее под мышки и стащил с седла, а Кизили при этом придерживала раненую ногу. Стоять Вика еще как-то смогла на одной ноге, а вот идти не получалось совсем, даже при всей ее стальной воле – нога просто складывалась, как будто была сделана из поролона.

- Для начала надо хотя бы эту черепушку снять! – объявила Кизили. – Лучше всего, прямо здесь попробовать!

Друзья усадили Вику на перевернутое ведро, и великан попытался разомкнуть челюсти алконьсикра своими могучими руками. Но они сидели слишком крепко, а уцепиться было почти не за что. Тогда Сарвет скрылся в лаборатории и притащил огромные пассатижи. Вставив их конец между челюстей, он принялся разводить их, и через минуту череп поддался, зубы разжались. Ладвапунг тут же потащил его в одну сторону, а Лепотако осторожно повлек Викину ногу в другую.

Теперь, освободившись от ненужного груза, девочка почувствовала, что все-таки может ходить. Пусть ценой невероятных усилий, пусть через дикую боль, но все же сможет.

Сарвет закрыл пассатижи, и челюсти отрубленной головы снова захлопнулись с громким лязгом. Кизили подхватила ее за гриву и воскликнула:

- Вот это трофей! Мы обязательно передадим его в музей девы Войтто! Как и твои изодранные штаны! На них ведь даже твоя кровь осталась! Это же уникальный экспонат!

Она отдала голову парням, и те вышли из конюшни. Ну а Кизили потащила Вику в свой медотсек. С трудом стащила с нее брюки – нога уже очень сильно распухла и посинела. Девушка-медик обработала ее какой-то мазью, затем шприцом вколола что-то прямо в каждую из ран и заклеила их пластырем. Только после этого боль начала несколько утихать. К тому времени, как Кизили натянула на нее новые форменные брюки со склада, постоянная боль уже сошла на нет. Теперь она возникала только при движении. Так что, не шевелясь, можно было как-то прожить. Но Кизили сказала, что для дальнейшего лечения необходимо перебраться в спальню-столовую. Ведь лекарства могли лишь на время приглушить боль, но не устранить ее причину.

Прежде Вике было неизвестно это чувство – ощутить счастье просто от того, что боль, наконец-то притихла. Давным-давно, когда она только начала тренироваться у Петра Леонидовича, болело вообще все тело, но такой болью она гордилась, ведь это был результат ее упорства. А теперь что? Укус какой-то подлой твари.

Вика кое-как смогла подняться и попрыгала через лабораторию на одной ноге, опираясь на плечо подруги. Левая нога волочилась по полу, и это движение снова вызывало боль, но уже не такую сильную. Оказавшись на месте, Кизили устроила Вику полу-лежа на закрепленный за нею диван, укрыла до пояса привычным пледом. Вика даже порадовалась, что здесь не принято раздеваться на ночь – еще только постельного режима не хватало!

- Ну вот! - сказала Кизили, - я пока что, тебя оставляю. – Мы с ребятами установим дежурство, и будем заниматься твоим лечением по очереди! И первым займется этим, конечно, Ладвапунг!

Счастливый руноилья, услышав все через распахнутую дверь, тут же ворвался в комнату и буквально сорвал со стены свой кантеле.

- Ну что, Войтто, ты, наконец, то готова послушать моё собственное? – выпалил он, сверкая глазами.

- Конечно, - кивнула Вика. – Давай.

Ладвапунг ударил по струнам и запел теперь уже совсем не таким тоном, каким пел древние руны, а как-то порывисто, размашисто:

Я скакал в табуне,
Был резов и высок,
И копытом луне
Я поглаживал бок.

Вдруг - за гриву рывок
И мне пятки в бока.
Я зверел, но не мог
Повалить седока.

Я бесился, хрипел, надрывался,
И от хрипа рвались перепонки-
Ну уж ладно бы, просто попался,
А то ведь попался девчонке!!!

Ну, а после я с ней пообвыкся,
Нет, с тоски я с ней не пропаду-
Ведь как парень умеет рубиться,
И с детства с конями в ладу.

...А в том бою, где кровь сочилась из камней,
Где головы летели и проклятья,
Оттяпали мне ухо и палец ей -
Теперь мы с девой той по крови братья!!!...

- Да ну тебя, - проворчал всунувшийся в комнату Сарвет, едва только замолкли гусли. - Полная чепуха!

- Ну, так ведь про нашу Войтто, - возразил Ладвапунг.

- Вот и не позорился бы перед нею, - не сдавался великан. – Это еще нам, мужланам, мог уши терзать, а ей не такой писака нужен.

- А по-моему, здорово! – вмешалась Вика. – Очень-очень точно.

- Ты... ты и впрямь так считаешь? Правда? – тут же оживился несчастный руноилья. – А то он меня совсем зашпынял.

- Зэм (правда). - улыбнулась Вика.

- Нет, ну ты в самом деле считаешь, что это не чепуха? – не унимался поэт, не веря своему счастью.

- Да, в самом деле, - твердо сказала Вика. – Иген дзеч рунуд (очень хорошие стихи). Особенно про братство понравилась. "Мы с девой братья" – просто чу... - она оборвала себя, вспомнив, что здесь запрещено упоминать о чудесах, и закончила: - просто замечательно!

- А, ну вот, видишь, неотесанный! - воскликнул поэт, размахивая гуслиями в воздухе. – Видишь, я доказал тебе, что только руноилья может прочувствовать лили настоящей сангарлань (героини)!

Сарвет махнув рукой, исчез из дверного проема, а Вика попросила:

- Ну же, спой еще своё.

И руноилья вновь запел, и вновь про Войтто. О том, как лихо она тренировала своих односельчан, как яростью громила врагов, и как горько плакала на пепелище отца, и о многом другом. У него получилась прямо опера, хотя в ней и не хватало сюжетных связок. Стихи казались местами корявыми, но лишь самую малость, которую с лихвой компенсировала увлеченность автора. Единственное, что слегка мешало восприятию, это

то, что кантеле не очень подходил для этих резких, порывистых стихов. Ведь это уже была куда более современная поэзия, чем повествовательные руны из глубокой старины. Тут явно не хватало гитары, да где ж ее здесь возьмешь...

Наконец, в комнату вошел Лепотауко, и едва закончилась очередная песня, объявил:

- Всё, теперь моя очередь!

Он поставил стул рядом с Викиным диваном, уселся и развернул огромный, отпечатанный в типографии альбом.

- Вот, смотри Войтто, это история нашей национальной скульптуры...

После того, как закончился альбом, в комнату зашел Сарвет и стал читать вслух стихи из толстой книги "Бырьем хонке руноус" (Избранная хонкийская поэзия). И Вика подумала, что образ непробиваемого физика – это лишь маска для великана. Он вполне понимал толк в поэзии, читал очень выразительно, с душой. Кстати, Вика узнала несколько рун из "Калевалы"- о сотворении мира девой Ильматар и непорочном рождении ею Вяйнямёнена, а так же о том, как Ильмаринен выковал себе жену, то есть, создал первого в мире фембота! В мире Хонки эти руны написал руноилья Ушторункс. И, кстати, как уверял Сарвет, это была чистейшая историческая правда. Надо будет, когда она вернется домой, поискать, не продает ли кто по интернету финский оригинал "Калевалы". Интересно, сможет ли она теперь читать его так же легко, как понимает хонкийский вариант? Скорее всего, получится примерно через слово, как бывает поначалу, когда впервые отваживаешься читать на полужнакомом языке.

Тем временем, из-за закрытой двери донеслись какие-то незнакомые голоса, потом голос Кизили, что-то выпрашивавшей и объяснявшей.

Наконец, дверь распахнулась и в комнату вошли двое мужчин. Один из них был очень худым, высоким, бледным, слегка сутулым и лысоватым, гладко выбритым, в очках и со значком академика на груди. На вид ему было уже за семьдесят. Другой был относительно молодым парнем, наверное, носившим значок консоумольца уже последний год – ростом чуть ниже своего старшего товарища, плотный, круглолицый, с недлинной бородкой и бритыми румяными щеками.

- Приветствую тебя, нейтсут Войтто! – почтительно произнес старший, протягивая Вике свою сухую ладонь. – Я Сюрес, доктор наук, руноилья и главный редактор газеты "Ильтатьеде" (Вечерняя наука).

- А я Нюлтянг, - представился младший, - руноилья и главный редактор молодежного журнала "Юуркаупунки"(Город космоса).

- О, у вас даже пресса есть! - поразила Вика.

- Да, есть, - улыбнулся Сюрес. – Правда, не так уж много. Кроме двух изданий, которые мы возглавляем, есть еще газета "Райаледьязэм" (Правда Первопроходцев). Она, понятно, для малышей.

- Ты уж извини, Войтто, что мы не пришли тебя встречать, - сказал Нюлтянг. – Но, ты, конечно, понимаешь – мы не только журналисты, у нас свои дела в лабораториях, мы как раз проводили важные опыты. А для нашего города - наука превыше всего. Я мечтал о встрече с тобою всю жизнь. Ты для меня гораздо больше, чем просто легенда, больше, чем единственная надежда нашего народа. Ты для меня – смысл всего. И все-таки, если хоть кто-то из нас позволит себе забрасывать науку, город развалится.

- Поэтому, - подхватил Сюрес, для передовицы пришлось довольствоваться снимками с автоматических камер.

Он развернул перед Викой газету большого формата, и она увидела свое изображение верхом на Луче. Сразу поняла, что снимок был сделан у городских ворот, когда она только подъехала со спасенными детьми. Получилось слегка смазано, но все же довольно сносно. Заметка была совсем сухой и краткой. А Нюлтянг протянул ей журнал объемом страниц в восемьдесят, где на обложке был запечатлен момент ее встречи с городскими властями.

Здесь кадр оказался чуть получше, наверное, из-за освещения. Вика принялась рассеяно листать журнал. Как она и поняла по названию, он в-основном был посвящен астрономии и футуристическим прогнозам.

- Так что, теперь уж позволь нам наверстать упущенное, – произнес Нюлтянг, и журналисты принялись доставать из сумок свою технику – огромные фотоаппараты, кажется пленочные, и диктофоны с кассетами, по размеру чуть более крупными, чем земные бытовые кассеты, которые все еще хранились у Викиного папы.

Началось с интервью. Журналисты расспрашивали Вику вперемешку, и все-таки, каждый о своем. Сюрес больше всего интересовался подробностями того, как она сюда попала, а так же уровнем земной науки. А Нюлтянг в-основном выпрашивал о прежней Викиной жизни и об искусстве. Кстати, лишь он один из всех хонкийцев догадался спросить Вику, как ее звали в родном мире, и как звали ее коня.

Надо ли говорить, насколько поразило журналистов устройство земного мира, то есть то, что там не запрещают науку, что существует множество институтов, библиотек, театров и музеев, а на колдунов все смотрят, как на мелких мошенников. Они даже чуть было не забыли перевернуть кассеты, когда девочка рассказывала о том, что земляне уже начали осваивать космос и океанское дно, что у них есть цифровые технологии и интернет.

- А чем занималась в своем мире ты сама? – спросил Сюрес.

- У меня пока еще нет профессии, - ответила Вика. – Я хожу в школу, последний год.

- Вот так вот запросто ходишь в школу? - поразился пожилой ученый. – И никто не запрещает?

- Конечно, никто, - улыбнулась девочка.

Нюлтянг посмотрел на коллегу с недоумением, и тот поспешил пояснить:

- Видите ли, лапсед, я ведь не уроженец Тьедекауpunkи. Я вырос далеко отсюда, поэтому мне приходилось ходить в подпольную школу. Это было очень рискованно – везде шныряли мухи-ледьферфы. К счастью, вскоре наш деревенский староста нашел путь сюда, и мы все эвакуировались. Сколько лет прошло, а до сих пор помню, до чего же страшно было собираться на тайные уроки и прятать у себя книги.

Интервью продолжалось около трех часов. Вика с наслаждением выложила все свои пятерочные знания, и, наверное, впервые в жизни почувствовала, что не зря штурмовала точные науки. И только когда у журналистов закончилось по две кассеты, они поднялись на ноги.

- Да, Нюлтянг, у меня одна просьба, сказала Вика. – Я так понимаю, твой журнал, в-основном, литературный?

- Да, там все вместе – и стихи, и проза, ну и статьи, конечно, - ответил молодой редактор.

- Тогда... пожалуйста, обрати внимание на одного человека из моего отряда. Он пишет хорошие стихи и песни.

- Ладно, вот ты сама мне его сейчас и представишь, - кивнул Нюлтянг.

- В смысле? – удивилась Вика.

- Так ведь ты еще должна попозировать нам вместе со всем отрядом, - объяснил Сюрес. – Мы понимаем, что ты ранена, но все же, народ ждал тебя столько лет...

И Вике пришлось с помощью верной Кизили встать с дивана и упрыгать в лабораторию. При этом она заметила, что нога уже не так и волочится, не бьется о пороги, а уже как-то ступает и кое-что чувствует, кроме боли. Неужели и впрямь помогает подобный способ лечения?

Позировать пришлось долго – и вместе со всем отрядом, и с каждым из ребят в отдельности, и даже за компьютером. Затем Кизили пришлось повторить сцену приема в консоумольцы и снова приколоть Вике значок. Потом она заново вручала деве Войтто ее кровный меч, и той пришлось поцеловать клинок, выдвинув его из ножен ровно наполовину, чего не было в первый раз из-за спешки. Под конец Вика позировала в конюшне – сперва

обнимала Луча, потом, чистила, ну а дальше пришлось взобраться в седло и взмахнуть мечом. Словом, оба журналиста извели по целой пленке, и обещали напечатать в своих изданиях все неиспорченные кадры.

В заключение они попросили Вику написать на большом листе что-нибудь для читателей, чтобы можно было сосканировать, и она вывела на всех четырех известных ей языках: "Да здравствует наука!" По глазам Нюлтянга было видно, что этот бесценный для него лист он после оставит себе.

Наконец, Кизили снова отвела Вику на диван. Ощупала через штанину ее коленку и в своей обычной манере выразила бурный восторг. После этого она села на стул и стала показывать пациентке альбом живописи.

Когда альбом закончился, Кизили ушла, и Вика принялась читать оставленный ей номер "Юуркаупунки". Там было несколько интервью с молодыми астрономами и футурологами, статья о возможном инопланетном происхождении богини Ильматар (которая, согласно преданию, свалилась в океан с неба), несколько интересных рассказов и стихотворений, в том числе о деде Войтто. А еще там печатался с продолжением роман самого Нюлтянга. В нем говорилось об отважной девочке, искавшей в космосе пропавшего брата, и по пути спасшей несколько планет. Фрагмент заканчивался тем, что героиня оказалась на планете пиратов. Вика вздохнула с досадой – очень захотелось дочитать до конца, но что поделаешь. Вот ведь какие люди здесь живут – сами вынуждены прятаться под землей, не имеют даже паровозов, а мечтают о временах, когда человек будет спокойно бороздить галактику от края до края.

И только отложив журнал в сторону, она заметила, что уже не полулежит под пледом, а сидит, подогнув ноги под себя, как ни в чем не бывало. А ее левый кулак лежит на той самой коленке – кажется, она даже колотила по ней, болея за героиню романа.

Девочка легко спустила обе ноги на пол, а потом резво вскочила на них. Даже постояла на одной левой. Никакого следа отравления!

- Лапсед, ма олен таза! (Ребята, я здорова!) – радостно выкрикнула она, врываясь в лабораторию.

- А я программу дописал! – воскликнул Лепотауко, будто бы не слыша ее, и только через пару секунд спохватился: - Здорова? Вот это да!

И все дружно кинулись обнимать свою Войтто. Правда, Кизили тут же отогнала парней и стала ощупывать ей ногу, потом, наконец, сказала:

- Да, действие яда полностью прошло! Раны еще пару дней поболят, но это уже не страшно!

- Вот никогда бы не подумала, что можно лечить искусством, - покачала головой Вика, потом ее вдруг осенило: - Слушай, а не самовнушенье ли это подействовало?

- Нет! – откликнулась, как всегда, жизнерадостная Кизили. – Я же говорила, так лечат даже тех, кто в полной отключке, кто никак не может себе ничего внушить! Пойдем-ка, я поменяю тебе пластырь, а вы, парни, давайте-ка, займитесь ужином!

Глава 10 Новая знакомая

- Вот видишь! – произнесла Кизили, поднимая бокал с шипучим сюкасем. – Как только ты у нас появилась, так пошли сплошные пирушки! Только вчера отмечали твое возвращение, а сегодня празднуем победу в битве! И твое исцеление от раны!

- Полученной по собственной вине, - проворчала Вика.

- Опять ты за свое! – воскликнул Сарвет. – Уж теперь-то мы точно знаем, что лучшей Войтто просто не может быть.

- Кстати, лапсед, - спросила Вика. – А в чем именно заключается моя миссия? Что я такого должна сделать, чтобы с чистой совестью отправиться домой?

- Ну, примерно, то же, что делала в прошлой жизни, - откликнулся Лепотоауко. – Ты должна повести народ на штурм ближайшей крепости ихмевалтов. Для начала, хотя бы одной. Ну а там видно будет. Может быть, мы дальше научимся громить их и без твоей помощи.

- И тогда ты сможешь вернуться, - добавил Сарвет.

- И, кстати, возвращаясь домой, я должна переодеться в свое, - заметила Вика.

- Тебе не нравится наша форма? – удивился Ладвапунг.

- Очень нравится, - заверила Вика. – Но подумай сам – что скажет папа, если я заявлюсь домой в новом костюме? Хорошо, если подумает, что украла, а если... – она даже не смогла договорить

- Ой, правда, извини, - покраснел руноилья.

Некоторое время он сидел молча, потом радостно воскликнул:

- Слушай, Войтто, я придумал, как тебе явиться домой в нашей форме! Ты привезешь с собой наши книги и газеты, и с их помощью докажешь своему папе, что была в параллельном мире, и что тебя здесь почитают. А книг только об одной тебе наберется целый мешок – и научные труды, и романы, и поэмы.

У Вики так и отлегло от сердца. Уж очень ей не хотелось заводить хоть какую-то тайну от папы. Да и книги из параллельного мира – что может быть круче?

- Я с утра напишу запрос академику Кахеняога, - продолжал руноилья, и он, конечно, согласится выдать мне все, что нужно.

- И еще вот, что, лапсед, - сказала Вика. – Поклянитесь именем Ильматар, что если я погибну в бою, вы доставите мое тело в мой мир, только не бросайте в той же точке, из которой я ушла, а отвезите к воротам моего дома.

- Зачем? – искренне удивился руноилья. – Мы тут тебе такой погребение устроим! Вся Хонка поклониться придет!

- Келекотья! Визьтэм! – проревел Сарвет, выражая сомнение в умственных способностях друга.

Однако Вика вовсе не обиделась на поэта, погладила его по голове и произнесла:

- Ну, понимаешь, это нужно многим людям. Прежде всего, чтобы мой папа знал, что я просто умерла, что со мною не случилось того, что гораздо хуже. Потом, мой учитель – я пропала прямо из его конюшни, и его могут обвинить в моем исчезновении. А еще у меня множество друзей-мальчишек, которые будут напрасно надеяться на мое возвращение.

Тут она вспомнила о Людмиле и добавила:

- Ну, и враги некоторые имеются – может быть, их совесть замучает, может, будут винить себя в моей смерти.

- Муйдуги, муйдуги (конечно), Войтто! – воскликнул руноилья с жаром. – До чего же ты мудрая! Я сам тебя и доставлю!

- Ой, визьтэм! - прорычал здоровяк.

- А, ну да, все, вчетвером доставим, - поправился поэт, думая, что дело именно в этом.

Вика же только мысленно улыбалась. Ну, что поделаешь – у него такое представление о героизме, жизнь кажется ему ничем, по сравнению с подвигом. Так ведь поэту положено быть слегка чокнутым.

Ужин прошел так же весело, как вчера. Вика расспрашивала хонкийцев об их жизни, и они ее – о земной. А когда все насытились, Вика специально попросила Ладвапунга спеть что-нибудь свое. Она не просто хотела сделать ему приятно, ей действительно понравились его песни, точнее, воплотившийся в них энтузиазм. И руноилья сразу же сорвался с места, подхватил кантеле и завелся на полчаса без перерыва.

- Войтто, а ты сама нам когда-нибудь, споешь? – спросил Сарвет, когда замолкли струны кантеле. – По легенде, ты раньше прекрасно пела.

Вика задумалась - конечно, она любила петь под гитару "лошадиные" песни Высоцкого, Розенбаума, "Любэ" и многих других, но ведь все они были написаны по-русски. А то, что она внезапно вспомнила здешний язык, еще не значило, что она сможет по-настоящему переводить на него стихи – ведь для этого нужен поэтический дар.

- Я могла бы, - сказала она наконец. – Но ведь здесь есть лишь кантеле, верно? А я умею играть только на гитаре. У вас вообще есть хоть один инструмент с грифом?

Местного слова "гриф" в ее голове не возникло, и только произнеся его по-русски, она поняла, что такого понятия здесь нет.

Ребята молча переглянулись и покачали головами.

- Не беда! – воскликнул Ладвапунг, выскочил в лабораторию и тут же вернулся с большим листом бумаги. – Вот, нарисуй нам свою гитару, хотя бы приблизительно, и я в два счета ее сделаю!

- Ты? – удивилась Вика.

- Ну да. А кто же, думаешь, ладит все инструменты? Только мы, поэты, этим и занимаемся, передаем это умение от отца к сыну.

- И это твоя работа? – Вика кивнула на его гусли.

- Ну да, один из первых образцов. Еще в пятнадцать лет соорудил. Без этого тебя не могут окончательно посвятить в руноилья.

Девочка посмотрела на него с невольным уважением – инструмент был и вправду мастерский, и парень играл на нем здорово. После этого Вика молча раздвинула опустевшую посуду и взяла в руки лист. Подхватила принесенный Ладвапунгом карандаш, потом, подумав, попросила циркуль.

Она вовсе не собиралась рисовать приблизительно. Нет, Вика-победитель все в жизни делала на совесть. Вот и чертеж гитары она сделала по всем правилам черчения, почерпнутым в школе – во всех проекциях и с тонкими изящными стрелками, указывающими размер в здешних единицах, как весь инструмент, так и каждую деталь.

- Ух ты! Как необычно! – воскликнул Ладвапунг, едва она протянула ему чертеж. – Какое удивительное расположение струн! А это и есть... как его... гриф, да?

- Да, - кивнула Вика.

- А для чего он нужен? – спросил руноилья.

- Для того, чтобы было легче зажимать струны, и чтобы их вообще было меньше, - объяснила девочка. – Так играть намного проще, да и темп можно взять более быстрый, и бить по струнам сильнее. Или, скажем, если ремня нет, можно все равно играть стоя, удерживая гитару одной рукой за гриф.

- Да-а, - протянул Ладвапунг восхищенно. – Вот до чего могут люди додуматься, когда над ними не довлечет гнет чудесников.

И тут же свернув чертеж в трубочку, выскочил за дверь.

Сегодня Вика чувствовала себя куда бодрее, чем вчера, поэтому убирала со стола вместе со всеми. И лишь когда ребята заняли свои диваны, она сообразила, что руноилья так больше и не появился.

- Кизили, - окликнула Вика подругу шепотом. Они лежали головой друг к другу на соседних диванах, стоявших вдоль стены. – Кизили, а где Ладвапунг?

- Ну, как где: - откликнулась та. – Ты ведь его заразила. Теперь не успокоится, пока не сделает эту твою гитару.

К завтраку поэт, не спавший всю ночь, все-таки явился, и дальше остался заниматься химией на своем обычном месте в лаборатории.

Вика же в течение всего дня довольствовалась тем, что с утра снова чистила лошадей и конюшню, а после помогала всем понемногу. То гайки затянет с Сарветом, то смешает растворы для Кизили... Так и дожили они до обеда. Ну а после обеда Ладвапунг вдруг завалился спать, и, проснувшись через пару часов, снова куда-то убежал.

Вика пристроилась было вновь помогать подруге, как вдруг раздался звонок в общую коридорную дверь. Кто-то, кажется, Сарвет поспешил открывать. И после этого, к удивлению Вики, лаборатория заполнилась звонкими детскими голосами.

Прислушавшись, Вика услышала и голос пожилого мужчины:

- Позвольте представиться – я Туныктышо, классный руководитель шестого класса сиротского приюта. У нас предусмотрена учебным планом экскурсия в отряд девы Войтто. Тем более, что теперь когда сама Войтто вернулась...

- Простите, но вы должны знать, что она была ранена в бою, - невозмутимо возразил Сарвет. – Ей необходим покой.

- Мы об этом не слышали, - изумился учитель.

И Вика подумала, что он прав – ведь она сама сделала все для того, чтобы о ее ране никто не узнал. А людей подводить нельзя, тем более, детей. К тому же, она ведь уже вчера престала ощущать следы отравления, разве что, при неловком движении давали о себе знать чисто физические следы зубов, но это мелочь. Поэтому Вика решительно распахнула дверь и шагнула в лабораторию со словами:

- Первопроходцам – пламенный привет!

- Элякёён! Элякёён! Нейтсют Войтто! – раздалось в ответ знакомые слова.

И дети тут же кинулись к ней, окружили, что-то радостно крича. Туныктышо пытался напомнить им о первопроходческой дисциплине, но куда там! Тут живая легенда, причем уже снова успевшая показать себя в бою, а он там с какой-то дисциплиной!

У всех детей, как у одного, оказался свежий номер детской газеты "Райаледьязэм", с которой явно поделились информацией Сюрес и Нюлтянг. В половину первой полосы красовался портрет Вики, размахивающей мечом в конюшне, стены которой, впрочем, успели заретушировать и заменить на деревья. Само собой, всем хотелось получить автограф.

Вика терпеть не могла, когда зажавшиеся "звезды" с презрением относятся к тем, кого приручили, бегают от собирателей автографов, поэтому решила написать посвящение для каждого лично и начала спрашивать имена, ну а раз так, то пришлось знакомиться по-настоящему, за руку. По глазам ребятишек было видно, что для них это настоящий праздник. Эти дети и так были обделены судьбой, росли без родителей, так что, надо подарить им хотя бы такую радость...

Класс оказался примерно таким же, как у самой Вики – тридцать человек, поровну мальчиков и девочек. Все они носили одинаковую брючную школьную форму – видимо, уже готовились в кавалеристы.

- Ошо, - протянула руку последняя девочка.

Вика пожалала ее, как и все остальные. Но что-то во взгляде этой шестиклассницы приковало ее внимание, и она долго не могла отпустить маленькую ладошку.

На вид девочка выглядела совершенно обычной – среднего для своих лет роста, с еще неразвитой детской фигуркой, но с уже широкими плечами, с короткими по здешним правилам волосами. А в глазах у нее горел огонь мечты, неистребимая жажда знаний. И в голове у Вики как-то сразу возникло понимание – это мой человек!

- А, ты, видимо, чуешь самых лучших, Войтто! – воскликнул Туныктышо, перехватив ее взгляд. – Ошо у нас первая отличница и активистка. За все шесть лет не пропустила ни одного урока, приходила в класс даже насквозь больная. Очень любит заниматься единоборствами, не уступит ни одному мальчишке. А уж на коне скачет лучше всех, лошади ее просто обожают. У нее даже уже есть специализация – она хочет стать учителем. И Викина рука сама собой вывела на газете: "От Войтто для Ошо, лучшей девочки приюта". Ну а дальше началась обычная экскурсия. Поскольку Вика уже достаточно хорошо знала, что находится за всеми дверями, она сама взялась знакомить школьников с устройством лаборатории. И лишь когда они добивались до чьих-то "владений", то на вопросы отвечали

уже остальные консоумольцы. Суровый Сарвет и то смягчился и рассказывал о своих физических опытах со всем возможным вдохновением. И, кстати, следует заметить, что теперь уже дети сами вспомнили о дисциплине, вели себя совершенно прилично, ничего не хватало, не переворачивали, а многие задавали вполне взрослые вопросы, видимо, по своей будущей специальности. На многие из них Вика даже не смогла бы ответить, при всех своих пятерочных знаниях. Ей оставалось лишь удивляться, насколько же все здесь захвачено наукой. И, надо ли говорить, что отличница Ошо расспрашивала молодых ученых больше всех.

В медотсеке Кизили угостила всех какими-то кисленькими витаминками. В кумирне дети не только кланялись богам, но разговаривали с ними, как с добрыми знакомыми. Ну а когда дело дошло до конюшни, то восторгу детворы не было предела. Ведь здесь находились не просто разумные лошади, а особо тренированные для путешествий в чужие миры. Сарвет поочередно сажал всех на спину Луча. Учитель стал было фотографировать каждого, но, заглянув ему через плечо, Вика заметила, что он совсем не умеет наводить на резкость, поэтому отобрала у него аппарат и принялась щелкать сама. У папы сохранились с незапамятных времен несколько пленочных аппаратов, и Вика с самых ранних лет умела с ними обращаться. Правда, проявлять пленку и печатать снимки ей не довелось – уж больно это хлопотный процесс, а мастерских везде полно.

Наконец, Вике все же пришлось отдать аппарат, чтобы сфотографироваться вместе со всем классом. На прощание она снова пожала руки всем детям. Ошо опять оказалась последней, и теперь в ее глазах явно читалась какая-то просьба, даже, скорее, мольба. И Вика все поняла без слов. Обернувшись к учителю, она произнесла:

- Пожалуйста,... В виде исключения... позвольте Ошо остаться на стажировке у нас. По моему, она это заслужила.

- Хорошо, я поговорю с директором, думаю, он не будет против, - ответил Туныктышо.

- Тау, ыпетая! (Спасибо, учитель!) – Ошо кратко поклонилась.

А Вика невольно притянула ее к себе, и та доверчиво прижалась к ее боку, как сама Вика прижималась к папе.

Если честно, временами Вике очень хотелось иметь младшую сестренку. Таковую, чтобы была маленькой копией ее самой, чтобы вместе и драться спиной к спине, и на конях скакать, и мастерить разные самодельную мебель для дома. И чтоб было кого уже по накатанной схеме пристроить на мальчишеские уроки труда. Ну и все такое. Вот только она прожила всю свою жизнь вдвоем с папой, а значит, и сестренке взяться было неоткуда. Поэтому она даже не заговаривала с папой на эту тему. И думала о том, что Жанне д'Арк, наверное, тоже всю жизнь не хватало своей единственной младшей сестренки Катрины, которая умерла от болезни еще совсем маленькой. Наверное, и Жанна вот так же думала, что были бы сразу две Орлеанских Девы, и уж вдвоем-то они наверняка взяли бы Париж, чего одна она так и не смогла.

Ошо довольно легко вписалась в жизнь лаборатории. Она оказалась спокойной, уравновешенной девочкой. В той же Кизили было гораздо больше детской непосредственности, чем в ней. Шестиклассница внимательно наблюдала за работой кого-нибудь из членов отряда, как правило, того, кому помогала Вика. И все настолько прониклись малышкой, что отвечали на ее вопросы, кстати, вполне взрослые, терпеливо и обстоятельно. Кроме того, она вместе с дежурным готовила пищу. А вот Вике до сих пор не пришло в голову попроситься в число дежурных – уж больно она не любила готовить, как и все смелые девчонки. Но ведь и Ошо, и Кизили тоже наверняка не любят, однако преодолевают себя ради товарищей, и теперь пристыженная Вика просто не могла не настоять на том, чтобы ей тоже поручили дежурство.

.Вскоре ребята признали, что с помощью двоих новых девчонок работа отряда стала продвигаться заметно быстрее. Тем более, что Вика, если надо, могла наслесарить и даже

натокарить недостающую деталь – вот ведь, не зря же занималась уроками труда с мальчишками. А раньше для подобных вещей приходилось обращаться к рабочим.

Впрочем, Вика уже сообразила, чем ей нужно заниматься, помимо помощи окружающим. Конечно же, ей следовало разработать стратегию похода против ихмевалтов. И для этого она изучала всю доступную информацию, рылась в огромных книгах, которые друзья приносили ей из библиотеки. Правда, пока ничего путного не вырисовывалось. Ближайшая, и довольно крупная крепость оккупантов находилась почти что на окраине того самого леса, под которым скрывался Тьедекапунки. В ней было множество пленных хонкийцев, и детей, и взрослых. Вот, собственно, и все, что пока удалось узнать. А на этом далеко не уедешь.

Пока Вика изучала книги, Ошо сидела рядом с нею и пыталась помочь хоть чем-то – сделать заметки в тетради, поднести очередной том... Ее преданный взгляд возвращал Вике веру в себя, которую она потихоньку начала утрачивать. Все сомнения тут же исчезали, стоило только вспомнить, что рядом это светлое существо.

Как-то раз Вика невольно проговорила о том, что ей хотелось бы иметь такую сестренку, как Ошо. И та тут же оживилась:

- Так за чем же дело стало? Давай проведем обряд, и станем сестрами!

- Обряд? – удивилась Вика. – У вас же, вроде бы, магия не в почете.

- Ну, какая это магия? – возразила Ошо. – Это, скорее, для того, чтобы ты вдвоем с сестрой об этом знала, чтобы это была ваша общая тайна. У нас в приюте многие это делают, особенно мальчишки.

И Вика тут же загорелась этой идеей. Пошла в медотсек к Кизилю и попросила у нее скарификаторы – такие штуки, которыми колют в палец для анализа. Здесь они оказались простейшими, многообразными, состоящими из сплошной железной пластины. Кизилю совсем не удивилась – если просит, значит, надо.

После этого Вика и Ошо закрылись в пустовавшей в этот час кумирне. Каждая уколола подруге указательный палец на левой руке и выдавила по несколько капель крови в кружку с сюкасем и по очереди отпила из нее. После этого девчонки просили богов сохранить их сестринские узы навечно.

Все Викино сердце наполнилось такой любовью и нежностью, которой она не испытывала ни разу в жизни. Наконец-то сбылась ее многолетняя мечта, наконец-то у нее есть сестренка, с которой они пройдут огонь и воду, будут выносить друг друга из боя, будут лечить друг друга раны, словом, будет все-все, чего не хватало в жизни. Этот день стал самым счастливым для Вики за все ее шестнадцать лет.

- Сестренка... - только и могла повторять она. – Сестренка... Настоящая, живая сестренка!

И ей даже хотелось выскочить на центральную площадь города и кричать во всю глотку: "Люди, смотрите – у меня есть сестренка!"

***

Вика, заперев дверь конюшни, чтобы случайно не заглянул никто из парней, одевала названную сестренку в парадную форму Первопроходцев. Они готовились к торжественной встрече ежегодного осеннего праздника девы Войтто. Он был приурочен к ее дню рождения, который, как оказалось, совсем не совпадал с Викиным, который был раннею весною.

Сидя на пустом ведре, поскольку здесь больше не на что было сесть, Вика натягивала на Ошо свежееотглаженные брючки. Затем продела в них парадный ремень – светло-коричневый, с медной пряжкой, на которой был изображен священный огонь солнечного бога Пейве. Маленькая Ошо, обычно спокойная, слегка расшалилась, неизвестно, почему, вертелась на месте, и Вика с большим трудом заставила ее натянуть белую рубашку с золотистыми пуговицами и желто-красной эмблемой все того же огня на рукаве. Наконец,

ей удалось застегнуть на рубашке все пуговицы, и она принялась за последнюю деталь – красный шейный платок, символизирующий, опять-таки, частицу священного огня Пейве. Сестренка теперь уже не вертелась, а шурилась от яркого света лампы, висевшей прямо над головой. Наконец, особый узел завязан. Вика поднялась на ноги и подвела Ошо к большому зеркалу, висевшему на стене. А как вы думали, в такой конюшне разве можно без зеркала? Ведь должны же разумные лошади полюбоваться собой.

Ошо окинула себя критическим взглядом, обернулась к Вике и произнесла:

- Сестра, ты знаешь, я носила эту форму и раньше. Но еще никогда она не сидела на мне так хорошо. Раньше меня одевала воспитательница, но для нее это лишь работа. А ты так... по-настоящему, с такой любовью...

Вика тепло улыбнулась в ответ и прижала маленькую сестренку к своему боку. Та доставала ей где-то до подмышки, а теперь уютно обхватила ее руками за талию. И все Викино сердце захлестнула волна такой неизмеримой теплоты, такой нежности, которой она еще не испытывала никогда прежде, теперь даже больше, чем в день обряда. Наверное, вот такое же чувство охватывало папу, когда она сама прижималась к нему. И в ее сердце в такие моменты тоже была сильная теплота, но наверное, у него все же больше. Словом, Вика впервые в жизни ощутила, что значит быть старшей и более сильной для близкого человека, отвечать за него, защищать там, где он сам еще не может отбиться по малолетству... Уже три дня они пробыли сестрами, а счастье всё никак не приедалось, не снашивалось, а только всё росло и росло.

- Пойдем, - сказала она, наконец. – Путь неблизкий, а на конях туда не пускают.

- А разве ты сама, не переоденешься, сестра? – спросила Ошо.

- Да ведь у консоумольцев нет парадной формы! – усмехнулась Вика. – И у Осенят, кажется, тоже нет.

- Да, про Осенят я знаю, - кивнула Ошо. – Сама ведь недавно была одной из них. А потом меня принимали в Первопроходцы у твоего памятника. А ты сама была у своего памятника?

- Нет, еще не была, - помотала головой Вика. – Мне же не до экскурсий.

И сама мысленно обругала себя – мол, чего выпендриваешься перед крохой, как же уработалась вся. Она по-прежнему испытывала невольный стыд перед друзьями, которые трудились, не покладая рук.

Тем временем, в дверь уже постучали, и голос вечно нетерпеливой Кизили произнес:

- Девчонки, ну где вы там застряли?

Вика поспешно открыла дверь, и вскоре уже вся компания покинула лабораторию.

Все население нижнего этажа направлялось на торжественное мероприятие – очередную годовщину основания подземного города. Вообще в Тьедекауpunkи было не принято тратить время на праздники, здесь очень редко что-либо отмечалось, разве что устраивалась внутриотдельческая пирушка, вроде той, что отряд устроил в честь появления Вики. Но в этот день по традиции народ собирался на главной площади и слушал годовой отчет мэра-академика. Впрочем, он не должен был затянуться надолго, здесь все любили краткость в речах.

Отряд впервые двигался по коридорам Тьедекауpunkи пешком, то есть, за то время, которое Вика пробыла здесь. Пока что она не увидела ничего нового – одни лишь бесконечные двери различных лабораторий и мастерских. Вот попалась дверь, на которой было написано "Старший отряд девы Войтто". И она тут же искренне пожалела тех, кто находился за этой дверью. Ведь они всю жизнь ждали ее появления, изо всех сил приближали его, готовились, воспитывали коней и еще много чего делали, но повидаться с нею им до сих пор не пришлось. Надо будет как-нибудь навестить их. Обязательно.

А потом она задумалась над тем, как бы так устроить, чтобы не расставаться с названной сестренкой. Хорошо бы взять ее с собою домой. Но что дальше? У нее ведь нет никаких

земных документов, и папа не сможет ее усыновить (да, такую смелую можно именно усыновить, думала Вика). А если она будет жить в доме без документов, то папу могут обвинить во всякой мерзости, время на Земле теперь такое поганое. Что же делать? Остается, наверное, только одно – подождать еще несколько лет, и, когда Ошо станет более-менее походить на совершеннолетнюю, уж забрать ее на Землю. Там она скажет, что потеряла документы. И когда ей их оформят, она сможет уже устроиться, где захочет. Наверное, как-то так. Да, ведь ее для этого еще надо обучить русскому языку. Ну, для начала, хотя бы главным фразам, чтобы знала, что говорить в полиции. Ведь она-то, в отличие от Вики, не вспомнит язык чужого мира. Вот, сразу, как они вернутся в лабораторию, так она и начнет обучать сестренку. И, кстати, ведь они могут после расставания встретиться совсем скоро. Надо попросить ребят, чтобы, если дева Войтто не понадобится им срочно, позвать ее сюда лишь тогда, когда Ошо подрастет, и при этом открыть портал на Земле всего через неделю от временной точки ее теперешнего возвращения. И тогда разлука будет для нее совсем недолгой.

Все это время Вика шагала, держа Ошо за руку, все наслаждаясь и наслаждаясь своим внезапно нахлынувшим счастьем. Их обгоняло множество людей, спешивших на праздник целыми семьями. И Вика сказала вслух:

- Вот! Все с детьми, и я с сестренкой!

Ошо тепло улыбнулась в ответ.

Но вот, наконец, и центральная площадь. Здесь уже собралось множество народу любого возраста, от дошколят до самых пожилых академистов. В руках у многих виднелись красные транспаранты, флажки и бумажные цветы.

А посреди площади возвышался памятник деве Войтто, тот самый, копию которого сделал Лепотауко. Статуя оказалась примерно такой же огромной, как памятник Салавату Юлаеву на берегу реки Агидель, или, Белой, который Вика видела, когда они с папой как-то ездили в Уфу. Пожалуй, сама она легко поместилась бы на "своей" четырехпалой ладони.

Постамент был также довольно высоким, а в передней стенке виделась какая-то дверь.

- А там что? – спросила Вика у своих друзей, указывая на нее.

- Там находится комната управления всей энергетикой города, - откликнулся Лепотауко. – Если там что-то случится, весь Тьедекаупунки будет обесточен. А под землей это равносильно гибели.

С правого бока памятника располагалась простенькая деревянная трибуна. Вскоре на нее поднялся сам академик Кахеняога. Толпа разразилась бурными аплодисментами. Над головой мэра, у самых копыт бронзового Киира, зажегся огромный экран, шириною во весь постамент, и на нем появилась лицо академика. Видимо, такой же экран находился и слева, чтобы было видно всем собравшимся.

- Сыберад! – произнес олавуй довольно бодрым для его лет голосом. Вика уже знала, что это типичное для хонкийцев обращение. – Сыберад, как вы знаете, сегодня у нас особый день!

Начался краткий доклад. Сперва речь шла об успехах в различных областях науки и производства, а так же об успеваемости школьников и их победах в научных олимпиадах. Потом пошла речь об успешной обороне города, о том, как отличались в боях консоумольцы и даже некоторые Первопроходцы. Всё это заняло не больше десяти минут. И, наконец, мэр произнес:

- Вы все, конечно, знаете, что на днях произошло самое великое событие за много веков – вернулась дева Войтто! Это произошло благодаря усилиям консоумольцев из ее молодежного отряда, которые будут отмечены государственными наградами.

Раздались бурные аплодисменты, крики "Браво!", и Вика ощутила, что хонкийцы и впрямь искренне радуются победе соплеменников. А академик Кахеняога продолжал свою речь:

- Вам, опять-таки, известно, что вернувшаяся дева Войтто уже успела поучаствовать в боях с превосходящим противником и спасти множество народу. В связи с этим я прошу ее подняться на трибуну и сказать нам несколько слов.

Вика понимала, что именно так и будет, поэтому заранее подготовила речь. Она собиралась сказать, что заслуга принадлежит вовсе не ей, а тем, кто способствовал ее возвращению на протяжении веков, кто непрестанно трудился ради этого события, и кто обеспечивал им возможность работать, словом, всем хонкийцам.

Но стоило только ей подняться на трибуну, как экран над ее головой замигал, и изображение трибуны куда-то исчезло.

Внезапно начали одна за другой гаснуть колоссальные лампы, освещавшие всю площадь. По толпе побежал ропот, раздались недоуменные крики.

А на экране в это время появилось лицо... Ошо! Только теперь Вика с трудом узнала его – оно было искажено гримасой ярости и злобы.

- Хонкийцы! Подземные крысы! – произнесла шестиклассница совсем чужим, скрипучим голосом. – Слушайте меня внимательно! Энергетическая система вашего города находится полностью в моей власти. Вы полностью лишились жизнеобеспечения. Поэтому вам даются всего одни сутки на то, чтобы покинуть город без оружия и защитной стали, и сдать ее нам, ихмевалтам. Наше войско уже ждет вас у северного выхода. Они будут строго проверять, нет ли у кого оружия и стали. Каждый, кто попытается обмануть, будет уничтожен на месте. Через сутки город будет разрушен с помощью вашей же компьютерной системы. Сопротивление бесполезно – система полностью в наших руках. Попытка перезагрузки приведет к полному уничтожению всех данных.

Ошо замолчала, и ее лицо на экране сменил зловеще ухмыляющийся череп.

Глава 11

В осаде

Вика огляделась по сторонам - в наступившем полумраке на лицах хонкийцев читалась лишь растерянность. А каково было ей самой, какой шок испытала она оттого, что существо, которое она успела полюбить всей душой, которое считала своей сестрой, от близости которого испытывала неизмеримое счастье, в одночасье обернулось врагом всего здешнего мира! Не говоря о том, что это она сама пригрела такого врага, сама помогла ему внедриться в отряд и разузнать там все государственные тайны! Она, которую здесь считали спасителем, ожидая в течение многих веков, оказалась почти что предателем, пусть даже и невольным. И все же, несмотря на шок и дикую душевную боль, Вика-победитель не растерялась. Она спрыгнула с трибуны и кинулась к своим друзьям.

- Лепотауко, ты имел дело с вирусами? – воскликнула девочка.

- С вирусами?- удивился программист. – Нет, это же по части Кизили.

Все ясно! В этом замкнутом подземном мирке, изолированном от электронного воздействия извне, никто не слышал о вредоносных программах!

- Ребята, я должна срочно попасть в комнату управления! – крикнула Вика.

Они вместе стали дергать дверь, но та не поддавалась.

- Заперто изнутри! – крикнул Ладвапунг.

- Дайте-ка я попробую! – откликнулся Сарвет. – Эх, жалко тут нет моей любимой сыянуи!

Он пару раз ударил плечом, но дверь не поддавалась. Тогда великан осмотрелся по сторонам и поднял в воздух всю трибуну, на которой сейчас никого не было. Воздев ее над головой, он обрушил ее на дверь, затем еще и еще раз... С пятого удара она слетела с петель. Сарвет едва удержался на ногах и отбросил трибуну в сторону.

Вика тут же ворвалась в помещение, за нею весь отряд. Сейчас никакой Ошо здесь уже не была, она смогла ускользнуть каким-то непонятным образом, наверное, колдовским, точно так же, как и попала в закрытое помещение. Впрочем, сейчас не до мести.

Центральный монитор сразу же бросился в глаза. Собственно, других мониторов тут и не было. На нем застыла все та же картинка с черепом. Вика подбежала и бухнулась в кресло, начала жать различные кнопки, но, конечно, толку от этого не было. На Земле, пожалуй, каждый сталкивался с подобной мерзостью – баннер, вирус-вымогатель, который очень часто не распознают антивирусы и который, как правило, можно удалить только с помощью другого компьютера. Ну а тут антивирусов и вовсе нет.

Вика стала припоминать все случаи, когда подобное зло настигало ее дома. Да, обычно это заканчивалось походом к ремонтникам, когда папа таскал системный блок на горбу. Но пару раз, кажется, удалось обойтись без этого. Как там сказала эта тварь – попытка перезагрузки приведет к потере данных. А если обойтись без перезагрузки?

- Лепотауко, - спросила она, ты знаешь, как полностью вырубить питание компьютеров?

- Конечно, - ответил тот. – Вот этим рубильником.

- Так вырубай! – приказала Вика.

- Но ведь сперва положено разгрузить компьютер, - возразил парень. – Вон той кнопкой на корпусе.

- Вырубай! – заорала Вика во все горло.

Программист послушался и рванул рычаг вниз. Комната погрузилась почти в полный мрак, только слабо мерцала аварийная лампочка.

- Ну что же, попробуем, - пробормотала Вика. - Врубай обратно.

Как только Лепотауко выполнил команду, она нажала на системном блоке кнопку включения и стала пристально вглядываться в черный экран.

Так, вот меню загрузки после некорректного отключения. Вика очень боялась, что здесь не предусмотрена безопасная загрузка, раз они тут не знают вирусов. Но вот, кажется, что-то похожее – "Облегченная загрузка. Многие параметры будут недоступны".

Вика нажала ее и с замиранием сердца ждала. Вот, наконец, и показался знакомый стандартный фон, вот очень медленно выскочили иконки. Вот сейчас должно повториться самое страшное. Прошла секунда, другая, десятая. Все, враг себя не проявлял – мгновенное отключение не дало ему заработать вновь. Но до победы еще далеко. Ведь вирус надо найти и уничтожить.

Сперва Вика оглядела рабочий стол. Был в ее жизни случай, когда вирус оказался совсем тупым и записал себя именно туда. Но нет, подобного везения сейчас не произошло – все иконки были явно необходимыми для работы. Тогда что же делать?

Вика напрягла память, затем отыскала здешнюю непривычную иконку командера и открыла его. Покопалась в настройках и выбрала упорядочивание по дате.

- Как называется системная папка? – спросила она.

- "Вальмяд", - откликнулся Лепотауко.

- Значит, "Вальмяд", - повторила Вика, ища ее глазами.

Ага, вот она. Подумав, девочка еще покопалась в настройках, назначила показ скрытых файлов и только потом задала поиск.

До чего же мучительно долго ползет список файлов. Один десяток, другой третий, не сосчитаешь, словом.

И тут, наконец, то, что надо – единственный файл, датированный сегодняшним числом!

Вика с торжествующим видом нажала кнопку удаления, затем очистила корзину – здесь она выглядела примерно так же, как на Земле. И только после этого запустила разгрузку.

Подождав положенные пятнадцать секунд, снова нажала кнопку включения. Теперь уже сам собою пошел обычный режим. И повторилась та же история с мучительным ожиданием. Впрочем, это для хонкийцев оно было мучительным, а Вика уже совершенно

успокоилась. Компьютер загрузился, и, как она и ожидала, никаких признаков угрозы больше не появлялось.

Вика устало поднялась на ноги, и друзья кинулись обнимать ее. А снаружи стали доноситься восторженные крики – это снова загорались лампы дневного света.

Однако Вика понимала, что нельзя терять времени. Если удалось спасти энергосистему, то это еще не значит, что враг не попытается напасть.

- Лапсед, - обернулась она к друзьям, - вы слышали, эта тварь велела идти к северному выходу? Почему именно туда?

- Это единственный прямой выход на поверхность, по наклонному тоннелю, без лифта, - откликнулся Сарвет. – Он создан именно на тот случай, если откажет энергосистема.

- Ну, я так и думала, - кивнула Вика. – И теперь там ждет вражеское войско. И ждет оно безоружных и беззащитных...

Она пулей вылетела на площадь, подобрала валявшийся на земле микрофон и воскликнула:

- Сыберад! Говорит дева Войтто! Слушай мою команду! Всем консоумольцам немедленно вернуться в свои конюшни, затем верхом и в полном вооружении направляться к северному выходу! Без моей команды на поверхность не выходить, дожидаться меня! Не загромождать весь коридор – оставить по правой стене проход для моего отряда!

И, с этими словами, она кинулась в сторону своей лаборатории. Друзья не отставали от нее. Вика невольно отметила про себя, как резво движется, казалось бы, еще недавно скованная ядом нога.

Люди расступались перед ними, давая дорогу. А за их спиной все нарастал и нарастал топот множества ног – это все остальные молодые парни и девчонки кинулись исполнять приказ.

Уже через несколько минут отряд Войтто ворвался в свою конюшню и начал опоясываться оружием, которое обычно хранилось здесь же. Да и кони, как всегда, ждали хозяев в полном снаряжении – так предписывает содержать их консоумольский устав.

Вика взлетела в седло и осторожно вывела Луча в коридор, где по-прежнему двигалось множество народу.

Вообще, быстро скакать не получилось, хотя надо отдать должное консоумольцам, никакой суматохи не было – все действовали слаженно и организовано, видимо отработывали нечто подобное на учениях. Вика почти сразу же сообразила, что не знает пути к северному выходу, поэтому попросила консорга возглавить движение отряда. Кизили молча кивнула и рванула вперед.

Оказавшись снова на уже опустевшей центральной площади, всадники проскакали небольшой участок по диагонали и свернули налево. Снова потянулся коридор, но теперь уже заполненный всадниками – видимо, теми, кто жил и работал именно здесь. Они, конечно же, окажутся у цели раньше всех.

А Вика во время пути думала только об одном – о том, что это она одна во всем виновата. Как она могла быть такой дурочкой? Как пригрела эту Ошо? Да еще испытывала при этом такое счастье? Как такое могло случиться? Прямо наваждение какое-то. Ну да, скорее всего именно наваждение, гипноз. Или даже магия, кто их разберет этих колдунов. Но это вовсе не оправдывало Вику в собственных глазах. Как и то, что под чары Ошо попал, видимо, весь отряд. Виновата одна лишь перехваленная неумеха из чужого мира. Ведь именно из-за того, что она утратила бдительность, Ошо смогла изучить компьютерную технику хонкийцев, с помощью лабораторного компьютера узнать о городской энергосистеме. Да и было ли это наваждение колдовством на самом деле? Похоже, их мевалты тоже тайно пользуются достижениями науки – ведь вирус-то был не магический, а самый что ни на есть цифровой, к тому же, по земным меркам очень слабый. И теперь остается только одно – со всей яростью кинуться на врагов, возможно, искупить свою вину кровью. То есть, вряд ли удастся по-настоящему искупить, себе-то она этого

никогда не простит, но можно попытаться хоть как-то сгладить последствия случившегося. Ох, как девочка презирала себя сейчас! И все же думала о том, что те три дня, пока она считала, что у нее есть сестренка, были самыми счастливыми в ее жизни. Самыми счастливыми в жизни, а потом эта жизнь разбилась навсегда. Теперь ей даже уже не хотелось, чтобы в случае гибели ее тело доставили домой, пусть выбросят куда-нибудь, на растерзание диким зверям. Вот только папу жалко, он-то чем виноват?

И похоже, она сейчас и впрямь станет Жанной д'Арк, но только не настоящей, а из пьесы Фридриха Шиллера. Эта пьеса была, пожалуй, самым первым произведением в жанре альтернативной истории, и там Жанна, проявившая душевную слабость, теряет силу, но после все же ведет войско к победе и погибает в бою, а не на костре. Вот что-то такое видимо, предстоит и ей – вести народ в бой, а о себе совсем забыть... Кстати, Вика прекрасно знала эту пьесу и в оригинале, у нее дома было сделанное по ней учебное пособие.

Но вот, наконец, и показался строй неподвижных всадников, вставших друг за другом. Как она и приказала, справа был оставлен узкий проход, рассчитанный на одного коня. Кизили придержала своего скакуна, и Вика двинулась первой.

В строю послышались радостные крики в ее честь. Но теперь они не доставляли ей ничего, кроме жгучего стыда. Ага, а вот и пост у ворот. Вика остановилась и оглядела ряды собравшихся консоумольцев. Подумав, попросила своих друзей провести переключку отрядов. Когда, наконец, оказалось, что собрались все, кто мог, Вика крикнула:

- Слушай мою команду! Выступаем все разом! Держаться единым строем до тех пор, пока не врежемся во врага! Пока я сама не вступлю в битву, меча не обнажать, не отвлекаться на нападающих с флангов! И даже не кричать! Ударим точно по центру. Всем все ясно?

И услышав утвердительный гул, она обернулась к стражам и приказала:

- Открыть ворота!

Маскировка и решетка поднялись одновременно. В подземелье хлынул неожиданно яркий солнечный свет. И Вика рванула своего скакуна с места.

Луч вихрем вылетел на зеленую траву. Оказалось, здесь лес уже кончался и начиналось бескрайнее поле. Боковым зрением Вика заметила, что по сторонам тянутся шеренги чернородых вражеских всадников. Значит, сюда прислали ледьферфов. Ну что ж, с ними хоть как-то привычнее, все же какое-то подобие людей. И если уж ранят, то не так мучительно. И даже расположение их она угадала верно – основная масса находилась прямо по курсу, а по бокам – лишь цепочка из единичных воинов, на тот случай, чтобы никто из сдающихся не попытался бежать. Ну что ж, сейчас увидите, как мы сдаемся...

Проскакав сотню метров, Вика с разгону влетела в самую середину основной массы. Похоже, ледьферфы ничего подобного не ожидали. Копыта Луча ударили вражеского коня, стоявшего к нему вполборота, и тот завалился, увлекая и того, что стоял рядом. Оба всадника тут же обратились в рой мушек.

- Тьетейскирйаллисуус! – только теперь позволила себе выкрикнуть Вика и тут же опустила меч на чью-то неряшливую голову.

- Тьетейскирйаллисуус! Тьетейскирйаллисуус! – словно эхо раздалось у нее за спиной.

Волна консоумольцев врзалась в скопище врага, и завязалась сеча.

Еще несколько коней наскочили на ледьферфов так же успешно, как и Луч. И вражеские лошади, оставшиеся без седоков, начали сеять сумятицу в своих же рядах.

Вика старалась сейчас не думать ни о чем, кроме боя. Просто взяла и отключила свои недавние терзания. Все-таки, она командует войском, от нее зависит жизнь множества людей, доверившихся ей. А значит, никаких эмоций, только холодный расчет.

Строй хонкийцев проделал глубокую полосу в рядах ледьферфов, и теперь те пытались нападать с флангов. Вика хладнокровно орудовала мечом, прокладывая путь все дальше и дальше. Ее отряд, как обычно, следовал за нею. Вот кто-то замахнулся мечом, метясь ей по

шее, но она легко увернулась и нанесла ответный удар прямо в грудь противника. Надо заметить, что даже в такой свалке Вика щадила лошадей – она еще в первый раз убедилась, что они ни в чем не виноваты, в них нет ничего колдовского.

Вот кто-то рубанул по плечу, но девочка успела двинуть рукой, и удар прошел по касательной, клинок соскользнул с консоумольской формы. С этим врагом расправиться самой не довелось – Сарвет разнес ему черепушку своей сыянуей.

Резкая боль пронзила спину. Ага, вот и первая рана в этом бою. Даже форма не помогла от такого удара, но, пожалуй, все же смягчила его, острое меча лишь пропороло кожу, кажется, не задев органы и кости. Вика наклонилась и, поднырнув под следующий удар, проткнула врагу живот. Из образовавшейся в кожаных доспехах дыры вырвался рой мушек, и только теперь почему-то до Вики дошло, насколько приятнее воевать с ледьферфами, чем с людьми – никаких вывалившихся кишок, кровавых луж и вообще трупов.

Вот Луч схватил зубами какого-то всадника за развевавшуюся черную бороду. Тот повис в пустоте, неловко размахивая руками, и Вика тут же обезглавила его. Свободной рукой подхватила освободившиеся доспехи и швырнула их на голову другого врага, целившегося мечом в спину Ладвапунга. Всадник потерял ориентацию и налетел прямо на случайно выставленный меч кого-то из хонкийцев. А оставшегося без седока ближайшего коня Вика плашмя хлопнула мечом по крупу, и тот, взвившись на дыбы, невольно обрушил копыта на кого-то из ледьферфов.

В этом бою отряд Войтто снова действовал точно так же, как и в предыдущем – каждый использовал собственный стиль. И только Вика рубилась со всей отчаянностью, не жалея себя, как будто все ее тело было стальным. Уже несколько раз врагам удавалось нанести ей легкие раны, но это лишь придавало ей сил, бодрило ее, подхлестывало. Ну а кровь на темной ткани была не так уж заметна.

Вскоре Вика заметила, что продвигаться вперед уже не нужно – ей удалось рассечь массу противников пополам. Значит, теперь враги не будут нападать лишь с одной стороны. И она повернула налево, продолжая рассыпать яростные удары. Ее отряд по-прежнему держался рядом. Сарвет метко крушил врагов своей сыянуей, иногда расшибая их от макушки до самого седла. Все остальные так же ловко орудовали мечами. Почти ни один удар не оказывался напрасным.

Вот один из ледьферфов схватил Вику за косу и попытался стащить ее с седла. Но она сама резко прогнулась назад, ему навстречу и вонзила меч снизу, куда-то прямо под черную бороду. Оказавшись в подобной позе, ну прямо как настоящий каскадер, полоснула клинком по подпругам сразу нескольких седел, а кого-то из всадников задела и по ногам. Четыре или пять ледьферфов оказались под копытами собственных коней, которые тут же затоптали их, превращая в рой мушек.

Вот в руках Лепотакуо треснул меч, но он умудрился ударить наседавшего врага оставшимся обломком в грудь и тут же выхватил оружие у него.

Вот Кизили привстала на стременах, чтобы достать особенно высокого противника, видимо, одного из командиров. Рубанула по руке, но этого оказалось недостаточно, враг остался жив и нанес ответный удар. Девушка едва сумела увернуться и ткнула противника в мечом в живот. Вот этого удара уже хватило на то, чтобы в воздух взвился очередной рой.

Вот Сарвет и Ладвапунг взяли в клещи сразу десяток всадников и начали методично изничтожать их. Конечно, сыянуей действовала внешне эффективнее, чем меч, но продвигались они в принципе, с одинаковой скоростью.

Обернувшись назад, Вика увидела, что правый фланг вражеского войска так же не остался безнаказанным. Шеренги консоумольцев теснили противника, не оставляя ему никакого шанса выжить. В воздухе над полем битвы кружилась такая огромная туча мух, что уже почти заслоняло солнце, и светлый весенний день казался пасмурным осенним.

Луч, как и остальные разумные кони отряда Войтто, по-прежнему не зевал, то и дело хватая противника зубами или сшибая копытами.

Однако не все было так уж гладко в нынешней битве. Вика отчетливо видела, как некоторые хонкийцы валятся из седла на землю, и многие из них больше не шевелятся. В прошлом бою такого не было – никто не погиб, всех отравленных удалось исцелить. И теперь Вика невольно вешала на себя ответственность за то, что кто-то из консоумольцев уже не вернется домой. А отвечать за это она должна только кровью, только кровью. И она без всякого страха продолжала врубаться в ряды ледьферфов. И теперь получая очередную рану, она думала – мол, так тебе и надо, сентиментальная дуреха!

Вике вспомнилась ее первая битва с ледьферфами, и она поняла, что теперь уже не чувствует такого упоения, как тогда на лесной поляне. Хотя тогда она была одна, против двадцати врагов, а теперь с нею были друзья (если только они не отвернутся от нее после случившегося) и вообще целое войско, но теперь битва казалась ей лишь тяжелой работой. Даже в недавнем сражении на поле, с прокушенной ногой и то было куда легче.

Впрочем, уже было очевидно, что остатки вражьего войска отступают. Некоторые ледьферфы разворачивали своих коней и пускали их в галоп. И у Вики появилась безумная мысль – а что, если теперь, на плечах отступающего врага ворваться в крепость, и навести шороху уже там, как это делала настоящая Войтто? Может быть, тогда даже ее миссия будет считаться завершенной, и ей разрешат вернуться домой? Впрочем, это было бы слишком эгоистично после всего случившегося. Ну, или хотя бы, она лишь заскочит домой, оставит записку для папы и вернется сюда, отмывать свою вину кровью.

Вика взмахнула мечом еще несколько раз, отбив пару ударов и прикончив еще одного противника. И, кажется, это стало последней каплей.

- Тагаси, эрёдсе! (Назад, в крепость!) – прокричал высокий бородач, по-видимому, командовавший войском, и развернул своего коня прочь от подземного города. И теперь уже все остальные ледьферфы кинулись прочь, последовав за командиром. Кажется, их было не больше четверти от того числа, что пришло сюда.

- Хонкид, мина ялийессяке! (Хонкийцы, за мной!) – тут же выкрикнула Вика, а Луч, даже не дожидаясь, пока она прищипит его, понесся вслед за удирающим противником.

Консоумольцы дружно выполнили приказ, и все-таки белокурая молния вырвалась далеко вперед. Викина коса развевалась у нее за спиной, словно знамя, меч сверкал в поднятой над головой руке. Похоже, отступление врага все-таки вернуло ей веру в себя, вернуло упоение битвой. Она сейчас и впрямь походила на грандиозную статую с городской площади.

Как вдруг в ее голове прозвучал скрипучий голос: "Сестра, что ты делаешь? Остановись! Я кому говорю, остановись! Придержи коня!"

От неожиданности Вика чуть не вылетела из седла. А ее рука, помимо воли натянула поводья. Луч как будто налетел на невидимую преграду и так резко встал на дыбы, что всадница не удержалась в седле – впервые в жизни! Она скатилась с его выпрямившейся вертикально спины и грохнулась бы наземь с размаху, если бы не сжимала одной рукой уздечку. Это помогло Вике приземлиться на ноги, но по инерции она после этого все же упала. Верный конь склонился над нею, впрочем напрасно – она тут же вскочила. Но стоило только ей попытаться занести ногу, чтобы вскочить в седло, как в ее сознании снова прозвучал все тот же скрипучий голос: "Сестра, прекрати! Остановись!"

Лишь теперь Вика узнала его – именно этим голосом обращалась к хонкийцам изменившаяся Ошо. И эта ведьма еще смеет называть ее сестрой. А она сама... она сама слушается ее? Нет, не может быть, она остановила Луча просто от неожиданности, и сейчас, конечно же, сядет в седло и поскачет дальше. Но стоило только сделать новую попытку, как опять прозвучал зловещный голос, а все тело как будто налилось свинцовой тяжестью.

Вика рванулась изо всех сил, но так и не смогла оторвать ногу от земли. Наконец, собрав всю свою волю она сделала еще одну отчаянную попытку, но ноги будто вросли в землю, а мускулы не слушались.

Все это произошло за несколько секунд. А уже в следующее мгновение все остальные консоумольцы налетели на нее и чуть было не затоптали. Впрочем, скакавшие впереди разумные кони Викиных друзей не сплеховали и здесь, сумели вовремя остановиться и сдерживать вал остальных. Всадники сгрудились нелепой кучей посреди поля, а противник, тем временем, все отдалялся и отдалялся. Погоня была безнадежно испорчена. Крики, топот, ржание, суматоха – никто не мог понять, почему сплеховал их бесстрашный командир, почему внезапно погасла белокурая молния.

Консоумольцы толпились вокруг Вики, не в силах предпринять что-нибудь самостоятельно. Впрочем нет, не все. Какой-то одинокий всадник вырвался из общей кучи и рванулся вслед за ускользящими ледьферфами. Или, точнее... всадница! Сквозь поднявшееся пыльное облако Вика смогла разглядеть щуплую фигурку Кизиля.

Враги все продолжали удаляться, когда отважная девушка врезалась в их беспорядочную толпу, сыпля удары направо и налево. Два-три роя взвилось над опустевшими седлами. Но это продолжалось совсем недолго. Вика отчетливо видела, как кто-то рубанул мечом по ноге разумного коня, и всадница рухнула наземь. Ее тут же окружили, скрыв из виду.

Викино сердце так и сжалось, как еще никогда в жизни. Но тело снова не слушалось ее. А в голове снова зазвучал знакомый скрипучий голос: "Войтто, остановись! Остановись, сестра, я прошу тебя! Остановись!" Ее разум, конечно же, не собирался слушать этих слов, но мускулы стали как будто чужими, и она по-прежнему оставалась в столбняке. Даже кровь, как будто, отказывалась двигаться по венам.

Внезапно она почувствовала резкую боль в левом плече. С трудом обернувшись, увидела, что это Луч впился в него зубами. Впился настолько глубоко, что под металлизированной формой, кажется даже, проступила кровь. И только это привело Вика в чувство. Теперь она могла хоть как-то двигаться. Сунула в ножны меч, который все это время сжимала в руке, с трудом, со второй попытки, взобралась в седло и слабым, но все-таки твердым голосом скомандовала:

- Эдаси! (Вперед!)

И войско преобразилось, словно по волшебству, которого здесь так не любили.

Однако когда конница преодолела холм, за которым скрылся неприятель, стало очевидно, что время упущено безвозвратно. Последние вражеские всадники уже втягивались в ворота видневшейся вдали мрачной крепости.

А на том месте, где последний раз видели Кизиля, лежал лишь ее раненый конь. Он был жив, но правая передняя ногу у него бал перерублена мечом. Перехватив Викин вопросительный взгляд, Сарвет откликнулся:

- Не бросим, конечно, и добивать не станем. Нам не впервой.

Несколько парней спешили и подогнали двоих скакунов, оставшихся без всадников. Сарвет приподнял раненого коня и подлез под него, позволив опираться на три оставшихся ноги. Остальные ребята крепко привязали коня ремнями через спину к двум другим, и эта тройка относительно резво двинулась в сторону подземного города.

На обратном пути Вика и ее отряд молчали – вероятно, просто вымотанные битвой. Но ей казалось, что никто не хочет с нею разговаривать. Только когда они все так же молча расседлали коней и ввалились в спальню-столовую, она первой нарушила молчание.

- Ну вот, лапсед, - устало сказала Вика. – Наверное, пожалуй, теперь вы должны судить меня на консоумольском собрании. Меч я сдам, форму тоже. А дальше я готова к любому приговору. Словом, не та оказалась ваша новая Войтто. Другая жизнь, другой мир – все это, видимо, нарушило мой характер. Я жутко виновата перед всей Хонкой – я не оправдала многовековых надежд, пустила прахом труды вашего отряда и всех предыдущих

отрядов, все эти поиски, создание порталов и разумных коней. И теперь вам больше нечего ждать. Я должна была сразу сказать, что я простая школьница Вика Никифорова, а никакая не Войтто, что я не справлюсь с ее ролью, и всё.

Повисло неловкое молчание. Подняв глаза, девочка увидела, что друзья смотрят на нее с недоумением. Наконец, тишину нарушил Ладвапунг:

- Войтто, что ты такое говоришь? Да у нас здесь никогда не было таких успехов! За несколько дней тебе удалось обезвредить столько врагов, сколько мы не могли за многие годы! И впервые за долгое время врагам достался всего лишь один пленник, причем в результате трех налетов! А уж как ты спасла энергосистему, как легко и просто – до этого никто из нас не додумался бы!

- И не кокетничай, - усмехнулся Сарвет. – Небось, как все девчонки, набиваешься на комплименты.

Это несколько отрезвило Вику – больше всего в жизни она не любила, когда ее ставили на один уровень с обычными девчонками. И комплиментов тоже не любила.

- Но ведь это из-за меня Консоумол понес потери, - возразила она уже другим тоном. – Из-за меня есть убитые и раненные. И Кизили пропала.

- Румалусед! (Глупости!) – возразил Лепотауко. – Мы все бойцы, и всегда готовы отдать жизнь за Хонку! И потом, кто знает, может быть, Кизили еще жива. Ведь если ее не нашли, значит, она, скорее всего в плену. Ее наверняка будут пытаться и приговорят к сожжению, но это может случиться еще не так скоро.

- Словом, надо сперва привести тебя в порядок и отправиться за нею! – подытожил Ладвапунг.

А Вика, услышав о сожжении, подумала, что, пожалуй, одна лишь Кизили из них настоящая Жанна, а из нее самой не получилось даже альтернативной шиллеровской.

В этот момент повисшую было тишину нарушил звонок телефона. Лепотауко взял трубку, долго молча слушал, потом сообщил ребятам:

- Крестьяне случайно нашли тело маленькой девочки. Следов насильственной смерти не обнаружено, эксперты установили внезапную остановку сердца. По приметам это та самая Ошо, учителя ее уже опознали. Но самое главное – смерть наступила за несколько часов до того, как дети пришли к нам на экскурсию, примерно сразу после битвы в восемнадцатом секторе. Так что, та, с кем ты общалась, была засланной ведьмой.

- Вот как... - вздохнула Вика. – Значит, настоящая Ошо была и впрямь такой хорошей, как нам ее представили. И она тоже умерла из-за меня. Если бы я сюда не пришла, то зачем бы ведьме ее убивать? И битву ту мы тоже, выходит, проиграли, раз враг добился своей главной цели, внедрил своего агента.

- Ничего он не добился! – горячо возразил Сарвет. – Ты разрушила все их планы – спасла энергосистему, и ледьферфов мы знатно потрепали, и лошадей множество захватили...

- Все не так просто, - покачала головой девочка. – Я смотрю, никто не решается спросить, почему я сорвала преследование, почему задержала вас и не спасла Кизили?

Все молча уставились на нее, и она, словно ступая в ледяную прорубь, произнесла:

- Я больна. Эта тварь заразила меня. Теперь она может управлять моей волей.

И она, сдерживая рвущиеся наружу слезы только прежней волей Вики-победителя, выложила им все о названной сестре и о кровном обряде.

- Видите, - закончила Вика, - я до сих пор двигаюсь с трудом, я как будто деревянная.

Она попробовала встать с дивана, но негнувшиеся ноги тут же кинули ее обратно.

- Видите? – повторила она. – А стоит только подумать о битве, так снова в голове звучит голос ведьмы.

- Ну что же, - произнес могучий Сарвет. – Такой обряд среди наших детей и впрямь дело обычное. Власти с ним борются, как с суеверием, но детям он почему-то нравится, и они

продолжают его совершать. Словом, тебе не в чем себя винить, подобное предложение никому не показалось бы подозрительным.

– В твой организм проникла кровь ведьмы, - добавил Ладвапунг. – Но, как ни странно, тебя спасла битва. Точнее, раны. Ты потеряла часть заколдованной крови, и влияние ведьмы ослабло.

- И что мне теперь, всю кровь выпустить что ли? – грустно усмехнулась Вика.

- Нет, конечно, - покачал головой Лепотауко. – Может быть, попробуем тебя лечить, как в прошлый раз?

- Увы, прежний метод лечения здесь уже бессилён, - возразил Ладвапунг. – Кровь ведьмы - это далеко не яд алконьсикров. Тебе не могут помочь другие люди. Ты должна сама найти радикальное средство.

- Сама... - повторила Вика. – А лучшее лекарство, наверное, все-таки искусство. А это значит... Ну да, конечно! Вы говорили, что прежняя Войтто пела! Значит, и я теперь должна спеть! Самое лучшее, что только знаю!

- Так за чем же дело стало? Я сейчас! – воскликнул Ладвапунг.

Теперь он даже не выскочил за дверь, как обычно, а рванулся в конюшню и вылетел из лаборатории верхом. А уже через несколько минут снова влетел в дверь, спрыгнул с коня и протянул Вике настоящую гитару!

- Вот! – сказал он. – Я делал ее все это время, и хотел еще проверить чистоту звука. Но раз тебе срочно надо, то держи!

Гитара, сделанная Ладванунгом, приятно удивила Вику. Все-таки, подобного инструмента еще не знали во всей Хонке (или на всей – так и не удалось выяснить до сих пор), поэтому она ожидала, что получится нечто нескладное. Однако юный поэт, похоже, вложил в свое произведение всю свою лили, и гитара получилась, как будто у известных мастеров. Он даже струны сумел изготовить специально для нее – ведь струны от кантеле были бы коротковаты. И даже уже, как оказалось, настроил инструмент именно так, как Вика написала на чертеже – ми-си-соль-ре-ля-ми.

- Ну, ты и мастер! – воскликнула Вика восхищенно и, как могла в таком состоянии, пожала руку руноильи, затем повернулась к остальным и произнесла: - А вы чтобы больше никогда не смели ругать и задевать его! Сарвет, тебя это особенно касается!

Дальше, опершись о диван, она с трудом села прямо. Поудобнее пристроила гитару на колене. Попробовала взять хотя бы простейший аккорд. Пальцы слушались Вику с трудом. Сило ей только изогнуть пальцы левой руки, как в голове снова прозвучало: "Войтто, сестра, остановись!" Вот тут Вика и поняла, что она на правильном пути!

Она собрала волю в кулак, но пальцы по-прежнему оставались деревянными. И тогда, может быть даже не отдавая себе отчет, а просто размышляя, что бы сейчас следовало спеть, девочка мысленно произнесла слова, которые слышала с пеленок: "Вдоль обрыва, по надпропастью..." И не поверила своим глазам – все четыре пальца встали по местам и прижали струны. "...по самому по краю..." – мысленно продолжила она, и в ее голове тут же раздался визгливый вопль бессилия – ведьма явно сдавала позиции, не в силах справиться с живой поэзией. Она еще пыталась командовать, но ее голос становился все слабее, снизойдя в конце концов до комариного писка.

И девочка, уже уверенно ударив по струнам, вдохновенно спела "Коней привередливых", а потом, уже окончательно разошлась и повторила их на английском и немецком. И хотя хонкийцы и не могли оценить ее знаний, и даже понять хоть слово, их все равно поразила харизма этой песни, которую обычно, не удается воспроизвести никому, кроме автора.

- Эх, а Кизили-то не слышала, - горько вздохнул Лепотауко.

- Так за чем дел стало? - Вика тут же вскочила на ноги. – Всё, я здорова, помчались ее спасать!

- Точно здорова? – спросил Лепотауко недоверчиво. – С одной песни?

- Точно, - кивнула Вика. – Голос ведьмы, так, лишь слегка фонит. Так что, пока там нашу Кизили не запытали до смерти, спасем ее!

Никто не посмел возразить деве Войтто. Могла бы Кизили, будучи медиком, но ее-то ведь здесь как раз и не было.

- Ворвемся туда и взорвем крепость! – продолжала Вика.

- Взрывать нельзя, - возразил Ладвапунг. – Там много пленных. Да и взрывчатка у нас не действует, ты же знаешь.

- Ну... я не в прямом смысле, - пояснила Вика. – Я как раз и имела ввиду – поднимем на ноги пленных.

- А у тебя уже есть план действий? – спросил Сарвет.

- Ну... - Вика вспомнила, что за те дни, пока прохлаждалась с Ошо, все-таки сумела изучить по книгам устройство вражеской крепости. – Просто так, с налету, туда не прорваться. Вокруг крепости прорыт глубокий ров, заполненный водой, кипящей при помощи колдовства. Приблизиться к крепости незаметно тоже нельзя – над ее стенами беспрерывно парят курихалдыасы. Но именно они-то нам и помогут.

Она развернула на столе карту крепости, и ребята принялись обсуждать план нападения. За этим занятием они незаметно провели несколько часов.

Глава 12

Вылазка

За эту неделю иштеньюмал Пейве что-то отвернулся от здешних краев, в буквальном смысле, прятал свой лик за нехотя проплывавшими тучами, поэтому темнело довольно рано. И без того мрачная крепость ихмевалтов погружалась в сумерки. Лишь отсвечивали в темноте разноцветные бока курихалдыасы, неустанно паривших над зубчатыми стенами.

Вот одна их головастых тварей различила в сгущающейся темноте какой-то отдаленный крик и прислушалась.

- Дети! – звал густой мужской бас. – Дети, остановитесь, я кому говорю!

- Ну, ыпетая, ну можно мы еще погуляем, пожалуйста! – откликнулся плаксивый девчачий голос.

- Нельзя! – отозвался бас. – вас тут сорок оболтусов, а я один! Разве мне за вами всеми уследить?

В крошечном мозгу курихалдыасы, по размеру не превышавшем горошину, так и отщелкнуло – здесь дети! Их обычная добыча! Целых сорок штук! Вот это да!

Она дала сигнал парившим неподалеку подругам, и они вместе направилась в ту сторону, откуда доносились голоса.

Приблизившись к земле, твари и впрямь увидели несколько человеческих существ в знакомой им форме Первопроходцев. Поэтому курихалдыасы, не раздумывая ринулись к ним. Но стоило только одной из них, той самой, что первой услышала голоса, протянуть свои цепкие руки к ближайшему человеку, как тот неожиданно распрямился, вырастая на глазах, одной рукой крепко схватив ее за шиворот, а другой выхватив из-за спины пылающий факел!

Она попробовала было вырваться, но человек держал крепко, к тому же она заметила, что и еще троих из ее подруг постигла та же участь. Тогда она издала было тревожный вопль, прося о помощи, но здоровяк, державший ее, громко произнес:

- А ну-ка, тварь, вели всем остальным опуститься и не двигаться, иначе разлетишься на куски!

Пленница издала несколько нечленораздельных криков, и все курихалдыасы встали ногами на землю.

- Вот так, - продолжал командовать здоровяк. – Теперь ложись, и я на тебя сяду.

Исполнив это, как и его друзья, так же оседлавшие пленниц, он произнес:

- А теперь прикажи, чтобы остальные залезли под наших коней, по три штуки на каждого. И везите нас в крепость, в свое логово. Да смотрите, если хоть одна попробует что-нибудь выкинуть, сдохните все на месте!

Когда вся эта странная процессия начала подниматься в небо, вперед вырвалась девчонка с длинной светлой косой. Она уверенно погнала свою курихалдыясу, то и дело пиная ее каблуками в бока, чего никогда не делала с лошадьми.

Вот уже земля оказалась совсем далеко, а под ногами проплыли зубчатые стены крепости. Вика оглянулась назад. Прямо за нею по воздуху плыли четверо коней, включая Луча. Ладвапунг и Лепотауко держались по бокам от них, следя за безопасностью и угрожающе помахивая факелами, а великан Сарвет тащился в самом конце, поскольку не подумал о том, что одной курихалдыясы для него будет маловато.

Только теперь Вика узнала, что на стенах нет вооруженных стражников. Видимо, ихмевалты считали, что курихалдыяс, парящих в воздухе, вполне достаточно. А может быть, тут еще было какое-то охранное колдовство, но разве о нем узнаешь заранее?

Процессия двигалась не прямо, а немного влево – видимо, именно там находилось жилище курихалдыяса. Внизу проплывали внутренние постройки крепости. В отличие от подземного города, здесь не было даже второго этажа. Высокими оказались лишь стены, а все помещения находились внизу, на земле. Наверное, именно поэтому и крепость была столь обширной.

Вика в душе побаивалась, что внутри крепости влияние ведьмы снова усилится, однако скрипучий голос в голове продолжал по-прежнему лишь фонить. Но девочка на всякий случай мысленно твердила про себя строки любимых песен.

Вот, наконец, ее курихалдыяса начала снижаться. Она повисла в полуметре над землей, и Вика спрыгнула с нее, по-прежнему продолжая держать за шиворот. Вскоре ее примеру последовали и парни. Последними опустили наземь тяжелые кони.

- Это ваше жилище? – спросила Вика, кивнув в сторону приземистого каменного строения.

Курихалдыяса молча кивнула.

- Веди внутрь, - приказала Вика, помахав факелом у нее перед носом.

На тупой морде курихалдыясы проступила злобная гримаса, ее маленькие глазки так и пылали ненавистью, но что она могла поделать?

Курихалдыяса что-то прокричала, и дверь распахнулась сама собой. Вика толкнула тварь в спину и вслед за нею зашла в помещение. Все оно оказалось забито свободными от смены курихалдыясами. Они не спали на постелях или даже на лежанках, а висели гроздьями под потолком. Видимо, удерживаться внизу при их надутых водородом головах было очень трудно.

Посторонившись, Вика приказала курихалдыясам, тащившим коней, влететь внутрь. Затем парни втащили в помещение последних трех.

- Ну, теперь все дружно! – воскликнула Вика.

Все четверо консоумольцев молниеносно сунули свои факелы в волосы курихалдыяс и оттолкнули их от себя. Затем швырнули факелы в висевшие под потолком гроздьи тварей и пульей вылетели за дверь. Вика, выскочившая последней, задвинула засов снаружи. После этого отряд взлетел в седла и погнал прочь. Все это заняло лишь несколько секунд.

Когда всадники находились уже метрах в ста от жилища курихалдыяс, прогремел сперва один оглушительный взрыв, потом еще и еще. Вика приказала своим друзьям не оглядываться и гнать коней как можно быстрее. И ее опасения оправдались. Еще через десять секунд прогремел взрыв такой силы, что строение разлетелось на куски. Град камней и досок обрушился наземь прямо за спиной всадников, едва успевших ускользнуть.

Вика не боялась, что взрыв заденет кого-нибудь из живущих в крепости пленников. Из книг она знала, что их держат на противоположной стороне, а здесь базировались, помимо курихалдьяс, лишь алконьсикры, ледьферфы и приставленные к ним младшие ихмевалты.

Только оказавшись на безопасном расстоянии, Вика приказала ребятам сбросить скорость.

- Ну что, по-моему, начало отличное, - произнес Ладвапунг. – Вот что значит – с нами Войтто!

- Да, громыхнуло здорово, - заметил Сарвет. – Но как же мне хотелось поскорее подпалить эту пададь – она меня раз десять чуть не сбросила.

- Куда нам теперь, Войтто? – спросил Лепотауко.

- Теперь, как и планировали – погнали к школе и мастерским, - откликнулась Вика. – Попробуем сперва освободить всех пленников.

И она направила Луча вперед быстрой рысью.

- А это ты ловко придумала – одеть нас в детскую форму, - заметил Ладвапунг.

- Ага, для меня так еле нашли, - откликнулся Сарвет.

Вообще-то на него самого настоящей формы не нашлось, его просто замотали в ткань соответствующего цвета, точно так же, как и коней. Теперь кони и Сарвет легко избавились от этих тряпок, а вот всем остальным приходилось по-прежнему невольно изображать Первопроходцев.

Чтобы добраться до жилища пленников, следовало проехать примерно четверть крепостной окружности. Пока что, мимо пролетали мрачные строения, в которых явно не могли жить люди – в них совсем не было окон, и лишь колдовские твари могли обходиться без света. К счастью, в этот час все они уже спали, а может быть, они вообще спали все свободное от набегов время. Вика подумала о том, что хорошо бы было заодно все это поджечь, но строения были каменными. Да и, пожалуй, не следует поджигать все без разбору. А вдруг тут окажутся конюшни?

В той стороне, где прежде стояло жилище курихалдьяс, слышались крики и непонятный шум. Тоже неплохой отвлекающий маневр, хотя он и не был запланирован – летучих тварей уничтожили просто как свидетелей.

По-видимому, в этой крепости не было принято держать ночную стражу, и ребятам не встретилось никаких патрульных с алебардами, которых ожидала увидеть Вика. Лишь однажды из-за угла выскочила какая-то неясная фигура в сером плаще с капюшоном. Кажется, это был один из колдунов. Но все произошло так стремительно, что он даже не успел ничего предпринять. Копыта Луча ударили ему прямо в грудь, и он полетел наземь. В отличие от ледьферфов, ихмевалт не превратился в стаю мух, а так и остался лежать на булыжной мостовой кучей тряпья. Ноги остальных троих коней крепко потоптались по нему.

Вика подумала, что в обычном человеческом городе люди бы уже давно высыпали на улицу, услышав взрывы. А здесь они то ли крепко спят из-за колдовства, то ли столь же крепко запуганы. Да и вообще им, наверное, нельзя ходить по крепости без присмотра.

Как вдруг она резко натянула поводья, разглядев в полутьме вывеску с надписью "Школа". Да, именно здесь это заведение и должно было находиться по плану. А поскольку у здешних детей не было родного дома, не было даже чего-то напоминающее детский дом, то им даже ночевать приходилось прямо в классах.

Первым спешил великан Сарвет и тут же с помощью своей любимой сыянуи в дребезги разнес деревянную дверь. Посторонился, пропуская вперед белокурую молнию. Вскоре все четверо оказались в темном помещении. Оставлять разумных коней без присмотра они не боялись – те вполне могли постоять за себя.

Вика молча огляделась по сторонам. Ничего примечательного здесь не было, кроме плакатов, на разные лады призывавших любить и почитать магию. Ладвапунг, не долго

думая, сорвал один из них и соорудил из него факел. Теперь можно было смело двигаться вперед.

Эта школа была совсем не похожа на ту, к которой привыкла Вика. Здесь не было полустеклянных стен, в классы вели лишь глухие двери. Сарвет дернул за ручку ближайшей из них и распахнул дверь, вырвав замок "с мясом". Освещенное неровным светом факела помещение оказалось пустым. Сперва это никого не удивило – здесь стояли парты, и может быть, в этой школе все же существуют отдельные спальные помещения. Но когда такое повторилось еще несколько раз, когда они прошли уже почти весь коридор, Вику начали терзать смутные сомнения. А что если детей тут вовсе нет? Правда, оставалась еще надежда, что отдельные спальни находятся за дверью, находившейся в самом конце коридора, точнее перегораживавшей его.

Дверь открывалась от себя, поэтому Сарвет не стал дергать ее, а опять высадил палицей. За нею снова продолжался коридор, но теперь уже ярко освещенный. Точнее, стоило только двери упасть, как разом вспыхнули многочисленные факелы, закрепленные на стенах. И в их свете ребята увидели заполнившую коридор нестройную толпу ледьферфов. Логичнее всего было бы скомандовать отступление, но Вика подумала – а вдруг в этом здании все-таки есть дети? Значит, надо прорубаться к ним.

- Тьетейскирийаллисуус! – выкрикнула она во все легкие, надеясь, что может быть, этот крик разбудит или взбудоражит пленников.

И, не давая врагам опомниться, белокурая молния врубилась в их ряды. Ей впервые довелось сражаться за свою жизнь пешей, но и здесь уроки Петра Леонидовича не прошли даром. Первым же ударом она срубила голову предводителю, или, по крайней мере тому бородачу, что стоял впереди всех. Первый рой мух поднялся не слишком высоко из-за низкого потолка, и тут же запахло паленым – мухи наткнулись на факел. Но Вика, не обращая ни на что внимания, продолжала размахивать мечом, и прежде, чем ошеломленные ее наглостью враги успели опомниться, срубила еще пару голов и кого-то проткнула.

Она чуть было не оказалась в клещах, так как, по своей обычной тактике, старалась как можно сильнее углубиться в ряды врагов, но друзья уже оказались рядом, так же уверенно орудуя мечами.

Впрочем, здесь было куда менее удобно, чем в чистом поле. В одном ряду помещалось всего трое-четверо ледьферфов, и их строй все никак не уменьшался, и уже скоро они перешли в наступление, тесня консоумольцев обратно.

Неожиданно Вике пришла в голову совсем необычная мысль.

- Сарвет! – крикнула она. – Можешь перебросить меня к ним в тыл, в самый конец строя?

- Попробую! – откликнулся великан, продолжая размахивать своей палицей.

Вика присела на корточки и вся сжалась, попутно ткнув мечом снизу кого-то из врагов. Сарвет подхватил ее на руки вот в таком "свернутом" виде, размахнулся пошире и швырнул вперед по коридору, словно ядро. Вика за секунду пролетела над головами ошалелых воинов и, успев распрямиться в полете, приземлилась на ноги за их спинами.

Эти твари, хотя и походили на людей, не заслуживали благородного обращения. Поэтому Вика без всяких угрызений совести начала рубить их прямо в затылок и в шею. Прежде, чем враги успели опомниться, трое уже воспарили к потолку по частям.

Наконец, когда часть ледьферфов догадалась развернуться, Вика стала отступать вглубь коридора, уводя их за собой.

Этот маневр подействовал – теперь уже воины не знали, куда направить основной напор. Кажется, они уже знали про Вику и ее манеру драться – вероятно, от тех соплеменников, что вернулись в крепость в виде мух и смогли снова собраться. Поэтому, видать, и боялись ее больше, чем троих ее друзей вместе взятых. Словом, ей удалось отвлечь на себя внимание большего числа врагов. И парни сразу же заметно проредили их ряды со своей стороны.

Вика же все продолжала уводить врагов за собой, огрызаясь лишь понемногу. Вот один из воинов взмахнул мечом, целясь ей прямо в лицо. Она успела пригнуться и перерубила ему ноги. Он завалился на клинки своих же соплеменников и испустил дух, то есть мух. А Вика сумела воспользоваться замешательством врагов и проткнула еще двоих, заходивших с боков.

Надо сказать, здесь ее все-таки доставали гораздо чаще, чем в седле – ведь прежде Луч успевал отражать половину направленных на нее выпадов. Но все-таки враги чаще рубили, чем кололи, а пробить металлизированную форму консоумольцев можно было только колющим ударом. Поэтому, как правило, дело обходилось лишь синяками. Но и почувствовав очередной укол, Вика не отчаивалась, думая о том, что это поможет ей избавиться от ведьминой крови.

Срубив очередную голову, Вика случайно схватилась за ручку одной из дверей, тянувшихся по бокам. Машинально дернула за нее, и дверь открылась. В свете факелов ее глазам предстала комната, в которой вместо парт были многочисленные нары. Совершенно голые, даже без какой-нибудь там травяной подстилки, но все-таки специальные места для сна. Так значит, спальни здесь все-таки есть, но и они пусты, точно так же, как и классы.

Вика нырнула в дверной проем, и несколько ледьферфов, преследовавших ее, машинально проскочили мимо. Высунувшись обратно в коридор, белокурая молния немедленно сразила их сзади и мгновенно отступила обратно. Несколько чернородых ввалились вслед за нею. Вика, не выпуская меча, подпрыгнула, оперлась руками о стоявшие по бокам нары и ударила врагов ногами в грудь. Они повалились в коридор неразличимой кучей, и один-два точно напоролась на клинки. Вика перепрыгнула через эту кучу и, сорвав со стены пылающий факел, сунула прямо в чью-то бороду.

Но тут ее ждал неприятный сюрприз – пламя как будто, охватило и бороду, и шевелюру врага, но те и не думали заниматься! Огонь не причинял ледьферфам никакого вреда. А ведь в первом бою, на лесной поляне, было совсем не так. "Ну, конечно, - сообщила Вика, – это же наверняка колдовской огонь, и он вспыхнул здесь сам собою лишь в тот момент, когда мы вломились сюда!"

Изо всех сил саданув кого-то бесполезным факелом между глаз, она снова пустила в ход свой кровный меч. Один из поверженных на пол врагов попытался укунить ее за руку, но она развернув клинок всего лишь градусов на десять, буквально разрешила ему пасть и едва успела отвернуться от взметнувшегося роя.

Теперь уже Вика увидела, что врагов значительно поубавилось, и ее отделяло от друзей всего метра три. Правда, видно их было плоховато из-за буквально кишевших в воздухе насекомых.

Впрочем, даже в этом месиве трудно было не узнать могучую фигуру Сарвета, врезавшегося глубоко в толпу ледьферфов. Его палица ходила из стороны в сторону, точно маятник, отсчитывая последние секунды множества бессмысленных жизней. Лепотауко и Ладвапунг усердно работали мечами с флангов, теперь уже просто разя, словно заведенные автоматы, без какого-то особенного стиля, который Вика наблюдала у них прежде.

Ледьферфы только теперь сообразили, что им не уйти отсюда живыми, и забормотали что-то непонятное. Кажется умоляли своих хозяев забрать их отсюда. Но те, похоже, не слишком дорожили им, а может, были заняты. Поэтому мух вилось в воздухе все больше и больше.

Наконец, как будто бы по написанному сценарию, в живых осталось всего лишь четверо чернородых, и друзья прикончили их красивыми одновременными ударами.

- Лапсед! – крикнула Вика первым делом. – Детей здесь все-таки нет! Я нашла спальню, но она тоже пуста!

После этого ребята начали вышибать любые двери наугад, но результат оставался прежним. Весь коридор был завален опустевшими кожаными доспехами.

Вика чувствовала себя изрядно вымотанной. Все-таки, она не рассчитывала, что сражаться придется именно здесь, в людском районе крепости. Может быть, потом, когда дело дойдет непосредственно до спасения Кизили, а сейчас получилось все же как-то неожиданно. Программист и химик, вроде бы, чувствовали то же самое. И лишь физик, как всегда выглядел бодрым.

- Да, славная была разминка, - произнес Сарвет, вешая свою сыняну обратно на пояс.

- Вот только детей-то так и не нашли, - вздохнул Лепотауко.

- Сдается мне, что их тут нет уже давно, то есть, задолго до нашего прибытия, - произнесла Вика задумчиво.

- Ты хочешь сказать, что ихмевалты специально готовили засаду? – спросил Ладвапунг.

- Нет, они не как не могли ждать нас, - покачала головой Вика. – По-моему, детей увели по какой-то другой причине, а вот ледьферфов перебросили сюда, может даже, телепортировали, как только узнали про уничтожение курихалдьяс.

- Значит, и взрослых хонкийцев тоже не стоит искать на привычном месте, - заметил, Сарвет.

- А для чего бы ихмевалтам куда-то уводить пленников? – Лепотауко задумчиво потер подбородок.

- Кизили! – вдруг выкрикнула Вика так, что все сперва подумали, будто она увидела подругу, и заозирались по сторонам.

- Кизили! - повторила она. – Конечно же, все это из-за нее! Народ повели смотреть казнь!

И она, забыв про усталость, пульей вылетела из школы.

Вопреки ее опасениям, кони мирно дожидались своих хозяев, никто не пытался на них напасть. Значит, злосчастных ледьферфов в здание и впрямь телепортировали.

И только когда ребята взлетели в седла, Лепотауко проворчал, покосившись на мешки, притороченные к седлам:

- Эх, не совсем удаются наши планы. Снова такую тяжесть с собой таскать...

- Тебе-то что, - огрызнулся Сарвет. – Не на себе же везешь.

- Разговорчики в строю! – прикрикнула Вика полушутливо. – Сейчас для нас главное успеть, пока не началась казнь.

- Судя по тому, что дыма не видно, не началась, - откликнулся Ладвапунг. – Они очень дымную смесь используют для розжига, такую, что даже из нашего леса видно.

- Ну, все равно копать ни к чему, - подытожила Вика и рванула Луча в галоп.

Жилища пленников располагались по краям крепости, точно так же, как и жилища колдовских тварей – видимо, ихмевалты не видели разницы между ними. Ну а жилища самих колдунов, их лаборатории и прочее окружали центральную площадь, на которой и происходили бесконечные сожжения ученых или бунтовщиков. Булыжник этой площади знавал пепел еще самых первых борцов за свободу Хонки, и взрослых, и даже детей, осмелившихся посещать нормальную научную, а не колдовскую, школу. Даже с тех пор, как появился подземный город, череда костров не прекращалась хотя бы на неделю – ледьферфы, алконьсикры, а в последние годы еще и курихалдьясы исправно делали свое дело. Тех детей, что Вика спасла в лесу, скорее всего, ожидала та же самая участь – ведь они были детьми свободного народа и уже успели отучиться в нормальной школе несколько лет, а значит, умели мыслить критически и не поддались бы на увещевания колдовской школы.

Доскакать до площади было делом нескольких минут. Вика довольно хорошо изучила план крепости, и уверенно гнала Луча по узким улицам. Кстати, она отметила про себя, что ближе к центру строения стали более опрятными, и в них появились довольно крупные окна.

Вот уже и показался огромный просвет между домами. И тут пришлось, натянув поводья, придержать коней. Издалека было видно, что площадь заполнена народом. Но колдунов,

обряженных в темные плащи с капюшоном, там было совсем мало, черноволосых ледьферфов – немногим больше. А в основном там виднелись светлые головы хонкийцев. Спиной к всадникам стояли, конечно же, взрослые, а дети находились ближе к центру.

В такую толпу нельзя было врезаться на полном скаку, поэтому всадники поехали медленным шагом. Им удалось сильно приблизиться к зрителям так, что те не обратили внимания. Все были слишком подавлены и запуганы, чтобы обращать внимание на тихий цокот копыт по мостовой.

И тут Вика наконец-то увидела Кизили. Прямо на ее глазах двое ледьферфов подтащили пленницу к возвышавшемуся посреди площади столбу. Ее ноги не ступали по земле, девушку волокли, держа под руки. Поэтому втащить жертву на возвышение, где уже были сложены дрова, им удалось с трудом.

Наконец, палач в плаще с капюшоном, таком же, как у всех ихмевалтов, начал деловито приматывать ее веревкой. Но вот, наконец, он спустился вниз, и теперь можно было как следует разглядеть Кизили.

Да, это, несомненно, была она, но во что ее превратили всего за несколько часов! Где ее привычный румянец, где задорный блеск в глазах? Девушка, так и пышевавшая здоровьем, бодростью, юностью, вечно восторженная и нетерпеливая, заражавшая всех своим энтузиазмом, теперь превратилась в развалину с посеревшим лицом и головой безвольно болтающейся на шее. Волосы свалялись, превратившись в сплошную массу из-за запекшейся крови. Лицо покрывали многочисленные ссадины. Вместо консоумольской формы на ней было какое-то рубище неопределенного цвета. Кажется, ее держали в стоячем положении даже не ноги, а лишь веревки, которыми она была привязана к столбу. Сперва Вика даже не поняла, жива ли еще ее подруга – ведь у ихмевалтов было принято торжественно сжигать даже уже мертвых ученых, чтобы навести еще больший страх на пленных. Но вот, когда судья закончил читать приговор, и палач приблизился к будущему костру с факелом, Кизили нашла силы гордо запрокинуть голову и плюнуть в лицо врага. Палач стоял спиной к всадникам, поэтому они не видели, достиг ли плевков цели. Но судя по тому, как неистово заругался палач, девушка все-таки попала ему прямо под низко надвинутый капюшон.

Над площадью пронесся надсадный звук невидимых труб, вероятно колдовских. Один из ихмевалтов вышел вперед и, развернув свиток, принялся читать приговор:

- Именем великого сообщества ихмевалтов, приговаривается к смертной казни через сожжение опасная бунтовщица, имени которой узнать не удалось!

Последние слова сильно порадовали Вику – вот она какая, наша Кизили – не сказала им вообще ничего!

Тем временем, колдун, видимо, верховный судья, принялся перечислять вопросы, которые отказалась разъяснить пленница. Но, вопреки ожиданию, закончил он довольно быстро, и палач уже сунул свой факел в кучу дров.

Больше медлить было уже нельзя!

- Калык, хаянтуаке! (Народ, разойдись!) – крикнула Вика изо всех сил и подняла своего скакуна на дыбы.

Луч заржал, перекрывая давящий на мозги трубный звук. Люди, ничего толком не понявшие, невольно расступились, чтобы не попасть под копыта коня.

Вика погнала своего скакуна вперед, на середину площади, где уже вовсю полыхал костер. Она видела, как подол рубища, в которое была одета ее подруга, уже вспыхнул.

Колдуны, видя, что кто-то нарушил церемонию, заметались по сторонам. А четверо всадников мгновенно пронеслись по площади и оказались у самого костра. Луч вспрыгнул прямо к самому столбу, разбросав копытами пылающие поленья. А белокурая молния взмахнула своим кровным мечом и, словно бритвой срезала все веревки, державшие Кизили. Та попробовала протянуть к ней руки, и стало видно, что они ее не слушаются,

должно быть все переломаны, к тому же, она тут же начала заваливаться. Вика стремительно подхватила подругу на руки и боком усадила перед собою на седло, затем тут же, не замечая боли, голой ладонью сбила огонь с ее рубища.

Колдуны и впрямь растерялись – такого еще не было за всю историю их господства – чтобы кто-то атаковал их прямо в центре собственного логова, без всякого штурма и осады!

Судья протянул руку в сторону Вики и начал бормотать какое-то заклинание на непонятном языке, но Луч взмахнул в воздухе копытами, и подкова из оберегающей стали навсегда запечатала его зловонные уста.

- Ты все-таки пришла за мною, моя Войтто, - прошептала Кизили слабым голосом. – Я так и знала, я верила в это.

- Молчи, молчи, береги силы, - ответила Вика, размазывая по лицу копоть и слезы, проступившие то ли от едкого дыма, то ли от радости.

Да, руки подруги и вправду не могли обнять ее, болтались словно тряпки. А Вика, тем временем обернулась к толпе.

- Люди! Хонкийцы! – прокричала всадница. – Я дева Войтто! Я наконец-то пришла, чтобы вас освободить! И я дарю вам оберегающую сталь!

С этими словами она проворно развязала один из мешков, притороченных к ее седлу, и швырнула под ноги собравшимся пленникам пригоршню длинных гвоздей. То же самое проделали и ее друзья.

Надо сказать, что в подземном городе всегда хранились довольно большие запасы оберегающей стали, и гвозди были общепринятой формой для ее хранения. В случае надобности их можно было переплавить во что угодно, ну а в таком виде можно было использовать, как оружие. Вика и ее друзья прикинули, сколько может быть пленников в крепости и взяли на складе такой запас гвоздей, чтобы для всех хватило в избытке. Надо ли говорить, что требованиям девы Войтто никто не удивлялся и не противился. Ребятам отсыпали ровно восемь мешков гвоздей.

Пленники, в отличие от колдунов, практически не растерялись – видно, ждали этого дня всю жизнь, передавая легенду о деве Войтто из поколения в поколение. Наверное, здесь, вдалеке от города ученых, эта легенда обросла какими-нибудь небывалыми подробностями, например о том, что дева непременно явится с неба, что ее пошлет сам Пейве или Таару. Ведь свалилась же с неба непорочная Ильматар, породившая весь этот добрый край и его народ. И, в принципе, они были правы – спасение и впрямь явилось по воздуху.

Словом, почти никто из хонкийцев не остался стоять на месте, все расхватывали гвозди и угрожающе наставляли их на пришедших в себя ихмевалтов.

Когда мешки опустели, Вика крикнула:

- Сарвет! Возьми Кизили к себе!

Великан молча кивнул и перетащил израненную девушку на свое седло. Решение было совершенно верным – ведь его конь, как и хозяин, был гораздо массивнее и выносливее остальных. Ну а Вика все-таки была командиром, ей требовалось быть самой подвижной.

Именно в этот момент один из колдунов отдал приказ, и ледьферфы пошли в атаку. В отличие от ихмевалтов, они могли нападать на людей, вооруженных чем угодно - против них стальная защита не действовала, но люди все же пытались обороняться хотя бы гвоздями. Больше в них не было той рабской покорности, которую веками прививали им колдуны. Теперь они предпочитали рискнуть жизнью за возможную свободу, чем опять вернуться в рабство. Несколько мужчин упало под ударами мечей, хотя и успело вонзить сталь в тело врага. А черноволосые воины уже пробивались к детям – ведь именно с ними они, прежде всего привыкли иметь дело.

Но на помощь пленникам уже кинулась четверка всадников. Белокурая молния сверкнула в очередной раз, отрезая ледьферфов от детей. Лепотауко и Ладвапунг врубались в пеший

строй со всей методичностью ученых. И Сарвет тоже работал своей сыянутой из всех сил, ни чуть не опасаясь повредить раненой Кизили, которая полностью скрывалась за шеей его могучего скакуна.

По толпе пронесся испуганный гул – кажется, они здесь никогда не видели, во что превращаются ледьферфы после смерти. К тому же, костер, из которого вытащили Кизили, продолжал полыхать. А мухи летели на него, как и все насекомые, и тут же падали вниз в поджаренном виде. "Чипсы для птиц", – мрачно усмехнулась про себя Вика.

Она сразу же подумала о том, насколько легче сражаться, когда ты в седле. Недавняя стычка в школе, пожалуй, стала для нее самой утомительной. А сейчас, вместе с Лучом, они были двумя равноправными бойцами, и она даже сама не знала, кто из них нанес врагам больший урон. В голове у нее продолжало фонить, даже, может быть, несколько сильнее из-за того, что она находилась совсем близко от врага, но строки любимых песен, которые она твердила про себя, действовали безотказно. И вообще, рубиться под музыкальный ритм оказалось куда проще.

Вот очередной противник попытался поднырнуть под живот коня и перерезать подпругу седла. Вика метким ударом срубила ему голову. А распрямляясь, полоснула по касательной еще одного, вспоров ему брюхо.

Вот сразу целая толпа попыталась окружить Сарвета, видимо, собираясь отбить у него пленницу, и Вика поспешила ему на помощь. С ходу проткнула ближайшего к ней чернобородого, а освободив меч, врезала рукоятью по зубам еще одному, попытавшемуся влезть на круп тяжеловоза. Враг грохнулся на мостовую, и тут же был затоптан ногами сразу двоих коней. Сарвет своей палицей уложил двоих наиболее наглых, попытавшихся схватить его коня за уздечку, а Вика дорубила еще двоих.

Чернобородые шли в бой, как будто даже не по своей воле – видя, что противник превосходит их во всем, что даже еще совсем недавние рабы переходят в наступление, ледьферфы пытались пятиться, но, кажется их мевалты подталкивали их чем-то вроде силового поля. Вскоре Вика даже заметила нескольких колдунов, стоящих в самом дальнем конце площади, почти что в проходах между домами, и вытянувших руки вперед, держа раскрытые ладони под прямым углом. Они повторяли одни и те же пихательные движения, отчего гигантские невидимые ладони толкали ледьферфов в спину. Тем, кажется уже и не хотелось драться, настолько неожиданным было нападение белокурых всадников. Некоторые даже в отчаянии бросали оружие и пытались бежать, но наталкивались на невидимую стену.

Вика мысленно прикинула расстояние, отделявшее ее от их мевалтов. Далековато, меч настолько не бросишь. Да и не стоит лишний раз кидаться своим кровным клинком. И тут она вспомнила, что на всякий случай, еще в подземном городе сунула несколько гвоздей в карманы брюк. Проворно выхватив парочку, она тщательно прицелилась и метнула один из них в сторону колдуна, стоявшего в центре. Она сделала это совершенно спокойно, не суется, так как метала дротики в мишень, висевшую на двери ее комнаты.

Окрестности прорезал истошный вопль, такой от которого кровь застыла в жилах. Гвоздь угодил колдуну под самый край капюшона точно в центр. И теперь тот рухнул, как подкошенный, заметался на брусчатке из стороны в сторону. Схватившись руками за длинный стержень, он изо всех сил пытался его выдернуть, но светлая стал сидела крепко и не хотела отпускать его. Еще через несколько мгновений он затих, раскинув руки по сторонам. Видимо, сталь действовала на здешнюю нечесть так же, как на земную – серебро или осина.

Не теряя времени, Вика метнула еще один гвоздь, потом выхватила из кармана еще пару и тоже пустила их в дело. Все три гвоздя достигли цели – два сразили колдунов, стоявших по бокам, а последний прошил ладонь одному из находившихся в центре, из-за того, что тот дернулся, когда гвоздь уже был в полете. Но в любом случае, он больше не мог управлять

ледьферфами, и гвоздь вытащить тоже не мог, а размахивал в воздухе пробитой рукой, словно собираясь воспользоваться пращей.

И несколько чернобородых воинов сразу же бросились бежать. Раненый ихмевалт схватил одного из них за бороду здоровой рукой и приказал вытаскивать гвоздь. Тот сумел это сделать – ведь ледьферфы имели совсем не ту природу, что колдуны. Ихмевалт снова вытянул руку, и Вика увидела, что рана мгновенно затянулась. Без всякой благодарности к своему спасителю, колдун пихнул его в грудь, пихнул не рукой, а с помощью магии, и тот мгновенно вылетел в передний ряд сражавшихся, сразу же окончив свои дни под палицей Сарвета.

Видя, как эффективно действуют гвозди, пленники, до этого, в основном, просто сжимавшие их в руках, в качестве оберегов, теперь тоже стали все активнее пользоваться ими. Толпа ошетилилась, словно гигантский дикобраз, и даже мечи ледьферфов порою отскакивали от светлой стали.

Тем временем, Вика прорубала себе проход к оставшимся в живых ихмевалтам. Только теперь она поняла, что дальнейший план действий еще не продуман. Когда ребята раздумывали над картой крепости в своей лаборатории, все казалось довольно простым – перелететь через крепостную стену, прикончить курихалдыяс, ворваться в жилища пленников, раздать им гвозди, узнать у них, что известно о Кизили, и тогда уже такой толпой нагрянуть туда, где ее держат, забрать ее, возможно ликвидировать нескольких колдунов и, не вступая в крупную битву, увести людей в подземный город.. А теперь вот пришлось импровизировать.

В который раз Вика применила свою излюбленную тактику – разрезать строй врагов на части. Она довольно быстро продвигалась вперед, рассыпая удары направо и налево. Деморализованные ледьферфы отбивались ожесточенно, но в панике уже не успевали как следует подумать, и один за другим превращались в стаи мух. Толкаемые колдунами смертники буквально лезли под мечи и копыта.

Но вот, наконец, и прорублен проход. Трое оставшихся ихмевалтов пытаются сдерживать всадников все той же силой, с помощью которой гнали в бой ледьферфов. Их руки с выставленными ладонями тянутся, тянутся вперед, как будто пытаются оторваться.

Вика взмахнула мечом и ударила перед собою в пустом пространстве. Сперва клинок натолкнулся на что-то, и все-таки это не была такая глухая стена, как казалось. Скорее, податливая густая масса, в которой меч на мгновение завяз, но уже через мгновение пошел вниз довольно бодро, как будто разрезая студень. Да, оберегающая сталь запросто справилась с защитой колдунов, и теперь им оставалось только бежать.

Но не тут то было! Четверо всадников подскочили к ним, прежде, чем они успели скрыться. В воздухе засвистели клинки, и три кучи тряпья полетели под копыта коней. Раньше Вике приходилось расправляться лишь с искусственными тварями, но она и на этот раз не колебалась ни секунды. Ведь даже если это и были почти что люди, они представляли собою зло, а значить жалеть их не стоило. Поощадить зло, поощадить убийц – значит не поощадить их многочисленные жертвы, и настоящие, и будущие. Хотя бы из-за одной только маленькой Ошо, предательски убитой ведьмой, эти мерзавцы не заслуживали жизни.

Вика остановилась, оглядываясь по сторонам. Кажется, врагов на площади больше не осталось. Как вдруг какой-то мальчишка разбежался и прыгнул прямо на Викино седло! Она думала, что он хочет укрыться рядом с нею, но вместо этого пацаненок впился зубами ей в свободную руку. Она чуть было не ударила его мечом, но вовремя успела остановиться – ведь это самый настоящий хонкиец, такой же светловолосый, как и остальные дети, разбежавшиеся по площади.

- Мальчик, что с тобою? – спросила она удивленно. – Я же своя, я дева Войтто, ты не узнал меня?

Но мальчишка продолжал сжимать зубами ее руку. Вике пришлось сунуть меч в ножны и освободившейся рукой схватить его за волосы. После крепкого рывка он все же разжал челюсти, и поднял на нее глаза, горящие ненавистью:

- Смерть ученым! – прокричал мальчишка. – Да здравствует магия, главная сила во вселенной!

Одолеть его оказалось вовсе несложно – пацаненок был совсем мал ростом, к тому же, кажется, очень плохо питался, так что Вика, сунув меч в ножны, свободной рукой дала ему крепкий подзатыльник. Всадница крепко прижала его к седлу, не давая двигаться, но на лице ее оставалось недоумение – как это, свой, хонкийский мальчишка, и вот так с ней? Она даже произнесла это вслух.

- Да это Инанашузи! – объяснила подскочившая к ним высокая девочка-подросток, крепко сжимавшая гвоздь. – Первый ученик в нашей школе. Ему колдуны основательно мозги промыли.

- И много у вас таких? – спросила Вика.

- Да нет, всего двое-трое на всю школу, - ответила девочка. – Так-то мы колдунов слушаем-слушаем, а на переменах стишки про них сочиняем... разные, - она слегка покраснела, потом воскликнула: – Как же нас эти колдуны замучили! Вон, видишь, всех девчонок заставляют платье носить! Гадость какая! А я всю жизнь мечтала одеваться как ты, Войтто, чтобы драться было удобнее!

- Ох, ладно, скажи лучше, что с этим оборотом делать? – спросила Вика.

- Давай пока его в твой мешок, - предложила девочка. – А уж ученые разберутся, правда? Ведь наука всесильна?

- Всесильна, - кивнула Вика и подумала о том, сколько детей в мире могли бы прожить счастливую жизнь, могли бы принести огромную пользу людям, если бы им в детстве не промывали мозги всякой хренью!

С помощью девочки, Вика и впрямь запихала дурачка в опустевший мешок и крепко завязала его. Вот так. В городе с ним будут заниматься психологи, и, возможно, смогут вернуть ему человеческий облик.

- Что дальше, Войтто? – спросил подскакавший к ней Лепотауко. – Попробуем добить ихмевалтов?

- Нет, - покачала головой Вика. – Если бы с нами было настоящее войско, хотя бы небольшой отряд консоумольцев, тогда можно было бы. Но с нами множество пленников, а это все дети и совершенно необученные драться взрослые. Ты только взгляни на них – кажется, их тут голодом морили, чтобы они не могли восстать. Так что, уводим их, и на этом пока всё.

- Ну, может, хоть твою ведьму поищем, - предложил Ладвапунг. – Ну ты, что лезет к тебе в сознание?

- Некогда, - возразила Вика. – Кто знает, где она прячется, и каков ее настоящий облик? Да и вообще, сколько тут колдунов, мы тоже не знаем. Думаю, их должно быть на целую крепость не меньше сотни. Вот сейчас они очухаются, и тогда не знаю, успеем ли мы спасти пленных.

Слыша ее слова, пленники ринулись было к выходу с площади.

- Стойте! – крикнула Вика. – Не убегайте! Сначала захватим коней! Уведем всех, какие только есть!

- Я знаю, где у них конюшня! – тут же откликнулась та самая девочка, что объяснила ей про отличника.

- Тебя зовут-то как? – спросила Вика.

- Л-12-3-14, - откликнулась та. – Я не отличница, личного имени не заслужила.

Вот даже как! Свободомыслящие дети у ихмевалтов даже не имеют имени. Что же это за ублюдки такие? Ведь на Земле в античные времена даже у рабов были имена.

- Хочешь зваться Пикшумдо? – Вика назвала первое пришедшее ей в голову из здешних имен.

- Да, мне это имя очень нравится! – восторженно воскликнула девочка.

- Ну что же, тогда дева Войтто нарекает тебя так, - подытожила Вика.

Она вовсе не боялась, что перед нею очередная скрытая ведьма – ведь Пикшумдо крепко сжимала в левой руке гвоздь из оберегающей стали. А правой рукой, кстати, подхватила один из разбросанных повсюду ледьферфских мечей. То есть, теперь они уже не валялись на мостовой, пленники мгновенно разобрали их. Но хватило далеко не всем парням, а вот эта девчонка успела разжиться оружием. Чувствовалось, что из нее выйдет славная консоумолка, несмотря на полное отсутствие образования.

- Ну что же, веди нас, Пикшумдо, - произнесла Вика. – Без лошадей такой массе народа не успеть достигнуть города.

Она даже не стала уточнять, все ли люди собрались на площади – было очевидно, что на казни они должны были присутствовать обязательно. Колдуны с помощью магии согнали сюда даже тех, кто не мог встать с постели из-за болезни.

Пикшумдо взялась за повод Луча и решительно двинулась в один из узких проходов, который Вика даже сперва не заметила.

Ее друзья-консоумольцы держались рядом. Вика обернулась к Сарвету и спросила:

- Ну, как там Кизили?

- Жива, - откликнулся великан, приглушая свой рокочущий голос. – Кажется, спит. Они успели ее помучить изрядно, все руки ноги переломали, так что нашему консоргу придется долго проваляться в постели.

- А точно спит? – беспокойно спросила Вика. – А что, если...

- Точно, точно, - успокоил ее Сарвет. – Я же чувствую, как у нее ребра ходят.

И, как будто в подтверждение его слов, израненная девушка заворочалась на седле и во сне заверила проклятых ихмевалтов, что ничего им не скажет, а после пробормотала такие слова, которых, обычно, нет в словарях.

Друзья невольно рассмеялись, но, конечно же, приглушенно, чтобы ее не потревожить, и продолжали путь.

Тем временем, кто-то больно ударил Вику по ноге, и она только теперь вспомнила, про придурочного отличника Инанашузи, которого сама же запихнула в мешок. Хотела было так же отдать его Сарвету с его тяжеловозом, но тут же сообразила, что такое соседство может повредить раненой Кизили.

- Пикшумдо, - окликнула она. – Ты не знаешь, кому можно сплавить этого хулигана?

- Пожалуй, знаю, откликнулась та. – Тут его родители где-то мелькали.

Она нырнула в толпу и уже через несколько секунд появилась вместе с каким-то худым мужичком. Как и у всех взрослых пленников, его светлые хонкийские волосы были перепачканы то ли землей, то ли сажей. После того, как Вика объяснила ему ситуацию, он спокойно взвалил мешок на плечо и пригрозил:

- Ну, я тебя! Ходил в отличниках, ремня не знал, так теперь узнаешь!

И Пикшумдо повела всадников дальше. Вика заметила, что в крепости стоит тишина, если не считать негромкого гула толпы. Видимо все дело в том, что теперь стало некому работать в мастерских. Уже давно совсем стемнело, но высоко, под самыми крышами домов, пылали факелы, видимо, такие же колдовские, как попались им в школе.

- Ну вот, мы и пришли, - сказала, наконец Пикшумдо. – Всех коней держат здесь.

Она указала на широкие двустворчатые ворота, запертые огромным грубым засовом. Сарвет тут же подскочил к ним и сдернув этот засов, оттащил одну из створок в сторону. Четверка всадников проскочила внутрь, собираясь выводить коней из стойл, как вдруг пришлось срочно натягивать поводья.

Коней тут не было, а вместо них было их отвратительное подобие – алконьсикры.

Разноцветные круглоголовые твари заполняли все пространство обширной конюшни. Их огромные круглые глаза глядели на людей с безотчетной злобой.

- Не может быть! – воскликнула Пикшумдо.

На ее лице был написан неподдельный ужас и недоумение, и Вика сразу поняла, что она не врет. Одним рывком втянула девочку к себе на седло, и вовремя – зубы ближайшего алконьсикра лязгнули в воздухе именно том, где только что стояла юная хонкийка. Его голова тут же полетела под копыта Луча, срубленная кровным Викиным клинком, но остальные были совсем близко.

Вика все поняла. Еще несколько минут назад здесь и вправду были нормальные кони, но их мевалты успели телепортировать их отсюда, а сюда загнать эту мерзость. Как ловко они, однако овладели этим искусством! Хорошо хоть, переместиться в подземный город им не дает стальная оболочка. Но вот если они попали туда обычным способом, то могут перемещаться в любое внутреннее помещение, что доказала Ведьма, убившая Ошо.

- Ладвапунг, у тебя еще не осталось смеси для факелов? – крикнула Вика, но тот только покачал головой. Значит, поджечь этих тварей, как курихалдьяс, не получится. И не выпустить их на улицу, к безоружной толпе тоже уже невозможно – несколько тварей проскочили наружу под ногами коней.

Впрочем, она забыла, что толпа теперь уже не безоружна. И мечи засвистели не только в конюшне, но и там, на улице. Пленники, почувствовавшие аромат близкой свободы, решили биться до последнего, но только не попасть в руки врага. Тем более, к алконьсикам у них была особая ненависть, ведь именно эти твари многих из них приволокли сюда в раннем детстве.

Здесь, в тесном пространстве, применить какую-либо тактику было просто невозможно. Разноцветные твари пытались просто накрыть всадников волной, подмять и уничтожить. Но это было не так-то просто. Викин кровный клинок так и летал в воздухе, копыта Луча равномерно поднимались и опускались на спины мерзких созданий. Остальные всадники и кони действовали не менее отчаянно. Вот только теперь было одно осложнение – на седле у Вики сидела Пикшумдо, а у Сарвета – и вовсе раненная Кизиля. Это заставляло проявлять осторожность, но как такое возможно в подобной свалке?

Впрочем Пикшумдо была вовсе не робкого десятка. Когда один из разноцветных уродов выставил в ее сторону свою зубастую пасть, она с размаху сунула ему прямо в глотку кулак с зажатым в нем гвоздем. Алконьсикр испустил такой невыносимый визг, что остальные твари на секунду остолбенели, и этого хватило, чтобы всадники прорвались в пустовавший угол конюшни, на три четверти отгороженный деревянной стеной, не достававшей до потолка. Ладвапунг и Лепотауко быстро повалили в проход какие-то ящики, и стало можно отдышаться. Расслаживаться, конечно, не стоило – надо было как-то пробиваться на улицу, к пленникам, которым пришлось куда хуже.

Внезапно Вика почувствовала, как левую коленку пронзила дикая боль. Но взглянув на нее, она не заметила ничего особенного. Ей вспомнилось, что именно в эту коленку ей когда-то впился алконьсикр, и именно на ней долго болталась его отрубленная голова. Получается, эти твари посылают какое-то излучение, вызывающие боль давно зажившей раны? Ну нет, уж этот номер не пройдет! Вика старательно припомнила песню Ладвапунга, написанную от лица Киира, с которой когда-то началось ее лечение. Может быть, ей показалось, но волна боли, как будто слегка отхлынула. Ну, значит, переживем!

Алконьсикры пытались проломить стену, отделявшую их от всадников, и бились об нее своими несокрушимыми головами. Видимо, копыта, не выделявшиеся на ноге, были гораздо более слабым местом. Что творится за пределами конюшни, не было видно, поскольку разноцветные тела давно завалили проход, в своей тупо злобе, возможно даже передавив друг друга.

- Ребята, здесь крыша держится на столбах! – крикнула Пикшумдо. – Если один из них повалить, то...

- Понятно, - кивнула Вика.- Сарвет, помоги допрыгнуть!

Великан тут же подхватил ее на руки и перебросил через стену. В полете Вика вытянула руки и уцепилась за самый верх столба, а потом обхватила его ногами. Выхватив меч, принялась рубить столб под самой крышей. Алконьсикры внизу шелкали зубами, пытаясь достать ее, но росту не хватало. Вика мысленно посмеивалась над ними, жаль только боль в коленке снова усилилась. Наконец, почувствовав, что прорубила столб на три четверти, она крикнула:

- Сарвет, веревку!

Тот метнул в ее сторону конец каната, который всегда был приторочен к седлу его тяжеловоза. Вика обмотала веревку вокруг столба и по ней легко перебралась к своим, держа за нее руками и ногами. И, вновь оказавшись в седле, скомандовала:

- Тяни!

Великан изо всех сил дернул за веревку, и надрубленный столб рухнул наземь. А вместе с ним и вся крыша конюшни посыпалась на спины алконьсикров. Послышался визг сотен глоток, от которого просто заложило уши. Что там творилось, под этим завалом, даже вообразить невозможно, похоже, перепуганные твари грызли друг друга, рвали зубами и разноцветную плоть, и древесину, но, конечно не могли освободиться. А Викину коленку внезапно совсем отпустило! Правда, снова дал о себе знать голос ведьмы, но загонять его вглубь сознания она уже давно научилась.

В той части помещения, где находились всадники, крыша лишь слегка накренилась и легла на стену, ранее отделявшую их от врагов. Так что, никого не задело. Теперь настало самое время пробиваться на улицу.

- Сарвет, - приказала Вика, - сделай проход, только аккуратно, чтобы всё не рухнуло.

Великан размахнулся своей сыянутой и ударил по бревнам. От гулкого удара сотряслось все строение, но с первого раза все-таки не уступило, как и со второго, и с третьего. Но разве что-то может устоять под напором Сарвета? И вскоре одно из бревен все-таки треснуло посередине, из него вылетел наружу здоровенный кусок. Доломать остальные бревна уже было не трудно, и через несколько минут всадники один за другим выскочили на улицу.

Здесь битва была в самом разгаре. К удивлению Вики, необученные пленники оказались вовсе не так уж безнадежны в бою. Скорее всего, им придавала силы ярость. Вся земля под ногами была завалена обезглавленными или разрубленными алконьсикрами. Впрочем, и среди людей было немало потерь. Не меньше полутора десятков детей и взрослых распростерлись на земле, а некоторые пытались безуспешно разомкнуть челюсти разноцветных тварей. Но этих людей, в отличие от тех, что погибли на центральной площади, скорее всего, еще удастся откачать.

- Войтто! Войтто! – пронеслось над толпой, едва только Луч вынес ее из развалин конюшни.

И она, конечно же, не стала терять времени, а первым же ударом срубила голову бледно-желтой твари, терзавшей какого-то парня.

Снова закипела жаркая сеча. Всадники и их кони месили разноцветную массу с таким ожесточением, какого раньше даже не наблюдалось. Пикшумдо еще несколько раз проделала свой трюк с гвоздем, и несколько детей последовали ее примеру. Один, правда, зазевался, и зубы твари сомкнулись на его руке, но подскочивший Лепотауко тут же отсек мерзкую круглую голову. А парень, в которого вцепились ее челюсти, тут же стал орудовать этой головой, словно дубинкой.

Вика не знала, сколько продолжалась эта странная битва, но через некоторое время противника все же удалось одолеть. Лишь несколько алконьсикров продолжали

барахтаться среди безжизненной массы своих собратьев, но уже не могли подняться. Видя это пленники тут же кидались на них с мечами и срубали ненавистные круглые головы.

- Оставьте их, сейчас не до того! - крикнула Вика.

Но пленники не слушали ее – видимо слишком велика была их ненависть именно к алконьсикрам, когда-то затащившим их сюда. Только когда последняя фиолетовая голова покатилась по мостовой, люди начали строиться в шеренги.

- Так, - произнесла Вика устало. – Столько времени потеряли, сколько людей покaleчилось, а к цели мы так и не приблизились. Теперь бы еще узнать, где настоящие лошади?

- Так это же совсем просто – откликнулась Пикшумдо. – Они там, где жили алконьсикры. Колдуны просто поменяли их местами. Я тоже знаю, где это.

И снова пришлось тащиться на другой конец города, так как оказалось, что жилище алконьсикров находилось совсем рядом с жилищами пленников, видимо, для запугивания.

На этот раз не возникло никаких сложностей. Кони оказались за запертыми дверями сараев. Было сразу видно, что здесь они чувствуют себя совсем неуютно, поскольку строения были рассчитаны на низкорослых разноцветных уродов. Возможно, во время телепортации многие лошади даже серьезно ударились о здешние потолки.

Распахнув ворота, консоумольцы выводили всех находившихся в помещении коней, Вика лично проследила, чтобы ни одного не осталось врагам.

Пленники с трудом, иногда с помощью одного-двух товарищей, влезали на спины неоседланных лошадей. С особой заботой усаживали тех, кто пострадал от зубов алконьсикров. И даже погибших хонкийцев тоже погрузили на коней, чтобы уже в подземном городе проводить их в последний путь. Оставлять тела колдунам было нельзя – они могли послужить материалом для новых ледьферфов.

Убедившись, что теперь уже все оказались верхом, Вика уже уверенно двинула свой отряд, не спрашивая ни у кого дороги.

- Ты что, собираешься прорваться через главные ворота? – через некоторое время изумленно спросила Пикшумдо.

- Конечно, - откликнулась Вика.

- Но ведь они заколдованы! – воскликнула юная хонкийка. – У нас многие пытались их открыть, но так ничего и не добились. – Колдуны их даже особо и не охраняют.

- Ничего, попробуем, - ответила Вика.

Ворота она увидела еще издалека. Перед ними оцетинилась мечами горстка ледьферфов. Всадники смяли их так быстро, что даже не успели почувствовать вкуса битвы. Затем Сарвет спрыгнул с коня и скрылся в будке где находился подъемный механизм. Оттуда вылетело еще два роя мух, затем раздались громкие удары – кажется, великан крушил там все подряд. И его палица, усаженная шипами из светлой стали, подействовала безотказно. Цепь, державшая расколдованные теперь ворота, начала разматываться, и они стали опускаться, превращаясь в мост через ров.

И толпа всадников, прославляющая деву Войтто, ринулась на свободу.

Стоило только последнему человеку, имевшему при себе светлую сталь, покинуть мост-ворота, как они сами собой поднялись и захлопнулись.

Глава 13 Новая угроза

Вика направила отряд к северному выходу Тьедекауpunkи – ведь погрузить такую массу народу на лифт было бы невозможно.

Еще на подходах их ожидал отряд всадников-консоумольцев – Вика специально заранее распорядилась об этом. Стражи открыли ворота, а встречающие всадники стали

внимательно осматривать освобожденных пленников, проверяя у каждого ли из них есть с собою оберегающая сталь. Подделок они не опасались, поскольку колдунам так и не удалось имитировать ее особый светлый цвет. Процедура проверки оказалась совсем недолгой - у всех нашлось по гвоздю, а то и по два. Трофейные мечи отбирать не стали, раз людей уже проверили. Все понимали, что для каждого из спасенных такой меч, с помощью которого он сам добыл свободу себе и близким, станет самой драгоценной реликвией.

Вика и ее друзья теперь замыкали шествие. Пикшумдо пришлось спрыгнуть на землю и идти вместе со своими родителями, но Вика была уверена, что они еще увидятся.

Во второй раз приходилось ей возвращаться в подземный город по северному выходу. В прошлый раз она была еле жива от стыда, боли за подругу и голоса ведьмы. Теперь же Вика возвращалась триумфатором, и уже почти была довольна своими делами. Почти – потому, что конечная цель ее прибытия на Хонку по-прежнему оставалась далека. Ну ладно, хоть Кизили жива, и то хорошо. Так что, несмотря на дикую усталость, глаза девочки так и светились.

У дверей лаборатории их уже ждали неутомимые Сюрес и Нюлтянг, пронюхавшие об успешной операции от всадников, дежуривших у входа. Заклацали затворы фотоаппаратов, защелкали вспышки. Впрочем, их присутствие совсем не помешало ребятам, даже наоборот. Это же были нормальные научные журналисты, а не придурки из земной желтой прессы. Репортеры помогли всадникам спустить наземь раненую Кизили, отнести ее в медотсек, расседлать коней.

Ну а дальше Вика стала выпроваживать мужчин из медотсека, хотя все предлагали свою помощь. Конечно, она почти не разбиралась в медицине, но и допустить никого к подруге не могла. К счастью вскоре сама Кизили распахнула глаза и спросила:

- Мы уже дома, да?

- Да, - коротко ответила Вика.

- Ну, тогда я сама займусь своим лечением, - заявила раненная слабым, но твердым голосом. – Я уже все диагностировала. У меня лишь переломы костей, ну и несколько гематом.

- Так, все слышали? – грозно крикнула Вика. – Ну-ка, выметайтесь отсюда!

И она с самым суровым видом погнала мужчин в основную лабораторию и тут же заперла за ними дверь.

- Знаешь что, - сказала ей Кизили, когда она вернулась. – Мои травмы не требуют срочного вмешательства, так что для дезинфекции сперва ополоснись сама.

Вика послушно побежала в душ, и только потом вернулась, раздела подругу и на руках потащила ее туда же. Для ее тренированных мускулов такая ноша оказалась совсем легкой. Вот только сердце так и сжималось оттого, что конечности Кизили болтались совершенно безвольно.

Наконец, когда девчонки снова вернулись в медотсек, полностью очищенные от копоти костра и крови алконьсиков, Вика взялась за дело.

Кизили доходчиво объяснила ей, как накладывать гипс, и четко следуя ее инструкциям, Вика исполнила все, что нужно. Надо сказать, что она еще никогда не делала настоящих перевязок, но сейчас все шло, как по маслу.

Наконец, с гипсом было покончено. Напоследок Вика смазала синяки и ушибы подруги какой-то мазью и собиралась было устроить для нее спальное место, но та сказала:

- Послушай, при моих травмах нет необходимости в постельном режиме. Налечься я еще успею, а пока хочу побыть с ребятами. Да и они, наверное, волнуются.

- Да, я бы, пожалуй, вела себя так же, - кивнула Вика.

Обрядив Кизили в белый халат прямо поверх белья, поскольку ничто другое на нее сейчас не влезло бы, она сбегала отперла дверь, потом подхватила подругу на руки и потащила в спальню-столовую.

Все ребята и впрямь уже собрались там и колдовали... ах, простите, трудились над ужином. Журналисты, коротко расспросив их о подробностях вылазки, уже умчались, чтобы срочно верстать экстренный номер "Ильтатьеде". При виде Вики, волокущей Кизили перед собой, Ладвапунг и Лепотауко разразились дружными аплодисментами, а Сарвет кинулся навстречу, чтобы помочь. Впрочем даже в гипсовой броне, раненая оставалась все такой же легкой.

Бережно водрузив Кизили на ее привычное место, Вика принялась помогать парням. И уже вскоре все сидели за столом.

Утолив аппетит, разыгравшийся после битвы, ребята стали расспрашивать спасенную о том, что ей довелось пережить.

- Сперва меня стали поить какими-то колдовскими зельями, - начала объяснять Кизили. – Но я выплевывала их прямо им в лицо. Попытались обкуривать каким-то дымом, но я держалась. Тогда они стали меня пытаться на такой машине... не знаю, как называется. Вытянули руки и ноги и зажали их в деревянные колодки. А потом начали вращать их в противоположные стороны, как будто выкручивая белье. Я слышала, как хрустят мои кости, но по-прежнему молчала. А потом отключилась. Так повторялось несколько раз, пока они не поняли, что им меня не сломить. Ну и потащили на костер.

- Бедная моя, - у Вики проступили невольные слезы.

- Ну, не плачь, - улыбнулась Кизили. – Со мной ведь не сделали ничего непоправимого. Например, не выкололи глаза. А кости срастутся, я же знаю, как медик.

Вика посмотрела на нее с невольным восхищением. До нее вдруг дошло, что рядом с нею сидела настоящая героиня, такая же, как те, что во время Великой Отечественной без страха кидались на врага, а оказавшись в плену, терпели любые пытки, стойко переносили все мучения, и даже перед смертью успевали достойно ответить палачам. Зоя Космодемьянская, Зина Портнова Лиза Чайкина, Люба Шевцова, Марите Мельникайте – сколько их было таких лучезарных девчонок, сразу и не перечислишь. Большинству современных школьников, знающих лишь селфи да видеоигры, их имена ничего не скажут, а вот Викин папа изучал жизнь этих девушек с самых давних пор, пытался составить их энциклопедию, ну и само собою, дочь переняла все это. И вот теперь именно такая девушка, спасенная волею невероятного случая, сидела на одном диване с нею. Именно случая и мужества ребят – ведь свои заслуги, как всегда, казались Вике мизерными. И захотелось сделать для нее хоть что-то, ну хоть самую малость, на которую она была способна.

Вика отозвала Ладвапунга в главную лабораторию и стала что-то диктовать ему, затем оставила его наедине с чистым листом бумаги.

А уже минут через пятнадцать все собрались возле дивана, на котором лежала израненная Кизили. Вика сняла со стены гитару, устроилась с нею на стуле, а между левой коленкой и обечайкой зажала исписанный листок.

- Ну вот, ты меня лечила, теперь я тебя попробую, - улыбнулась она.

Вика ударила по струнам и вновь запела "Коней привередливых", снова на русском, английском и немецком. А после этого уставилась в листок... и песня зазвучала по-хонкийски! Да, Ладванунг буквально совершил невероятное – по подстрочнику, надиктованному Викой, сделал очень точный и красивый поэтический перевод, полностью попадающий в песенный размер. Впрочем, она сама не очень этому удивилась. Ведь хонкийский язык, по-видимому, был прародителем финского и всех родственных ему языков, а финны очень любят Высоцкого, очень много его переводят и исполняют. А "Песня о друге" так и вовсе стала для них чуть ли не народной. Ее кто только не записывал – от маленьких девочек, до хора полицейских.

Поскольку все, кроме руноильи, впервые ознакомились с переводом, они так и застыли, в немом восхищении. Тут было даже не до аплодисментов, тут была встреча с чем-то

настолько великим, что об этом можно было сказать одними лишь глазами. А израненная Кизили, которая всего несколько минут назад вообще не держалась на ногах, неожиданно вскочила и, сорвав Вику со стула, обняла ее вместе с гитарой и закружила ее по комнате.

- Стой, сумасшедшая! – далеко не сразу опомнился Сарвет, подбежал к Кизили и остановил ее за плечи. – Ты что, весь гипс поломаешь! Ну-ка, ложись!

И та, похоже, лишь теперь вспомнила, в каком плачевном состоянии находится ее тело и разжала объятия. Вика, не глядя, сунув гитару кому-то из ребят, вместе с Сарветом уложила подругу на диван.

- Лапсед, а вы знаете, но мне и впрямь гораздо лучше! – объявила раненая, уже почти своим обычным восторженным тоном. – Ноги – как новенькие, уже не болят ни чуточки! Совсем не чувствую переломов! А вот руки... С правой да, я погорячилась, конечно, сейчас разбалывается. А вот левая - смотрите, пальцы шевелятся! Побаливают, но шевелятся!

И она действительно, хотя и медленно, но все же пошевелила забинтованными пальцами.

- Знаешь, Войтто, это ведь наверняка от твоей песни! – подытожила она.

- Но почему? – удивилась Вика. – Ведь ты же не отравлена колдовским ядом, у тебя же чисто физические травмы.

- Ну, наверное, - вмешался Ладвапунг, - у этой песни невероятно сильная энергетика. – Ведь ее автор был великим человеком, правда?

- Правда, - кивнула Вика. – Человек, написавший ее, был не просто величайшим из наших руноилья за последнее столетие. Он был в глазах людей... ну, как будто народный герой, что ли, вроде тех, что грабят богатых и раздают бедным. То есть, в реальности ничего такого не делал, вел именно жизнь руноилья – выступал с концертами, а еще играл в театре и кино. Но воспринимали мы его именно так, именно как народного героя. И голос у него был такой... магнетический, мне, девчонке этого, конечно, не передать. Но его голос возвращал людям волю к жизни, возвращал веру в победу, будто маяк, неожиданно проступивший в тумане. Его жизнь была очень тяжелой, хотя он и жил в самое лучшее время, когда в нашей стране люди почти покончили со злом. Но в нашем мире у руноилья жизнь почему-то всегда мучительная, когда бы они ни жили, против них всегда действует какой-то злой рок.

- Ну спой еще, а? - попросила Кизили. – Если не устала, конечно.

- Не устала я, - вздохнула Вика. – Это вот он струны стальные рвал и руки сбивал до крови. А я так... петь чужое – дело не хитрое. Только больше переводов нет.

- Ну и что, пой на своем языке, я все равно настрой почувствую! - возразила Кизили.

- Пой, пой, мы почувствуем! – подключились парни наперебой.

И Вика выдала все, что ей пришло в голову. Сначала свои любимые "лошадиные" песни, потом военные, а потом песни, которые пели в кино ее любимые героини – "Давным-давно" и "Бей, барабан"...

- Да, да! Кто не с нами – тот и трус, и враг! – неожиданно выкрикнула Кизили в самом конце, снова порываясь вскочить.

- Чего? – изумилась Вика. – Ты когда выучила наш язык?

- А? – подруга недоуменно уставилась на нее.

- Да ведь в этой песне именно такие слова, - пояснила Вика.

- Не знаю... - пожала плечами Кизили. – Просто как-то в голове эта фраза возникла.

- Знаешь что? – сказала Вика. – Я же говорила, ты бы вполне могла бы занять место девы Войтто. Ты выдающаяся девчонка, у тебя способности к великим делам.

- Да брось ты, - раненая махнула левой рукой, словно здоровой, теперь уже гораздо проворнее, чем после одних "Коней".

- Ничего не "брось"! – горячо возразила Вика. – Мой папа всегда учил – если только смелая девчонка поверит в себя, то ей любое дело по плечу!

Она обернулась к парням и строго произнесла:

- Лапсед, я вас и прошу, как друг, и приказываю, как дева Войтто – в мое отсутствие всегда и во всем слушайтесь Кизили! Слушайтесь и уважайте ее, как меня, поняли? И академику Кахеняога я тоже об этом скажу – отныне Кизили – вторая Войтто!

Раненая молча улыбалась, по ее уже начавшим розоветь после плена щекам текли слезы радости и смущения.

А Вика, до сих пор винившая себя в том, что подруга попала в плен, подумала, мол, ну вот, наверное, все же и от меня какой-то толк есть. Потом, подхватила Кизили под мышки и сказала:

- Вот что, пойдём-ка в медотсек. Тебе все же лучше переночевать там.

Отведя подругу в ее же родные стены, Вика сама стащила с нее халат и уложила на кушетку у стены – все-таки, при ее ранах не следует спать одетой. Срезала гипс, который раненая все равно испортила своим неосторожным порывом, и наложила новый, опять же, следуя ее указаниям, оставив свободными лишь пальцы на левой руке. Наконец, придвинула вторую кушетку, разделась и улеглась на нее сама – на всякий случай, чтобы импульсивная Кизили не вскочила посреди ночи. Впрочем они обе дико устали, и не открывали глаз до утра.

На утро Вика отвела подругу в столовую, сама почистила ей зубы и сама покормила с ложечки. После этого та попросила вновь отвести ее в медотсек. Вика уложила ее на кушетку, а сама с чистой совестью отправилась заниматься своими обычными делами – ухаживать за конями и помогать ребятам.

Но когда она зашла к подруге, чтоб отвести на обед, то застала ее за рабочим столом! Накинув на плечи простыню, Кизили пыталась что-то писать в толстой тетради! Сразу было видно, что работать левой рукой она совсем не привыкла, да и пальцы все еще слабо слушались ее. И все-таки она упрямо выводила какие-то непонятные формулы.

- Ах ты, негодница! – то ли в шутку, то ли всерьез воскликнула Вика. – Сама медик, и вон что себе позволяешь!

- Да ладно! – отмахнулась та. – Не могу же я не работать – наука не простит! Видишь хоть какие-то пальцы движутся, значит, можно трудиться! А если бы пальцы не двигались, я бы и зубами писать попробовала бы!

Вика только вздохнула и принялась одевать ее к обеду.

***

Время шло, а дела снова застопорились. Хотя ихмевалтам и значительно отбили их длинные руки, они не оставляли попыток навредить хонкийцам. По лесу по-прежнему шастали патрули ледьферфов, теперь, правда, пешие, видно, лошадей в крепости и впрямь не осталось, как не осталось ни алконьсикров, ни курихалдьяс.

Вика снова погрузилась в изучение книг, ища хоть малейшую зацепку, и каждый вечер собирала друзей на военный совет. Они занимались мозговым штурмом, пытаясь решить проблему с налета, высказывая самые невероятные предложения, но из этого ничего путного не выходило.

- Теперь мы точно знаем, что в крепости больше нет хонкийцев, - произносит Сарвет.

- И коней, - добавляет Вика.

- И коней, - кивает великан. – А это значит, что можно с чистой совестью сравнять ее с землей.

- Вот только каким образом? – вставляет Кизили.

- А что если сделать огромный подкоп, чтобы они провалились под землю? – предлагает Ладвапунг. – Тогда уж и перебьем их.

Лепотауко тут же бежит к своему компьютеру, что-то прикидывает и возвращается мрачным:

- Ничего не получится. У нас не хватит ресурсов – ни машин, ни энергии.

- А если вызвать землетрясение? – предлагает Кизили.
- Тогда накроет и нас, - тут же возражает Ладвапунг.
- А стальная оболочка? – напоминает Вика.

Лепотауко снова срывается с места и снова возвращается мрачным:

- Не выдержит тут никакая оболочка. Она должна быть раз в десять толще.

И так продолжается до глубокой ночи. Много раз обсуждалась возможность просто взять крепость штурмом, но каждый раз ребята приходили к выводу, что для этого не хватит бойцов. Все же, штурм не сравнить с краткой вылазкой, а основная сила крепости – сами ихмевалты, оставалась почти цела.

Лечение Кизили продолжалось весьма успешно. Вика больше не позволяла ей мучить свою левую руку, не выпускала ее с кушетки, а сама сидела за столом и писала под диктовку. И только когда больная засыпала после еды, Вика принималась за свои изыскания. А иногда Кизили просила ее спеть, и Вика с радостью исполняла эти просьбы. Гитарный ритм и звуки великих песен буквально оживляли больную, воздействовали на нее буквально физически. И она заявила, что закончив нынешнюю работу, попробует исследовать именно этот феномен.

То, что кости у девушки срстаются невероятно быстро, очень радовало Вику, но одна вещь очень сильно огорчала. С самого начала выяснилось, что у Кизили началось выпадение памяти. Видимо, произошло это оттого, то враги обкуривали ее каким-то дымом. Она забывала вещи, относившиеся к совершенно разным областям – то, как звали ее первого учителя, то синус и косинус тридцати градусов, то имя крупнейшего хонкийского скульптора, то сколько будет шесть семь, то как выглядит значок Осенят. Вика решила, что лучше всего ничего не подсказывать ей, а заставлять тренировать память. И некоторые вещи Кизили действительно вспоминала, хотя и с большим трудом.

И вот, как-то раз, когда все собирались ложиться после ужина, Кизили самостоятельно вскочила с дивана и воскликнула:

- Ребята! Опасность!

Все обернулись к ней. За последние дни к девушке вернулся ее прежний румянец, но теперь на ней прямо лица не было. Она вся побледнела, глаза горели лихорадочным блеском, вовсе не таким, какой был у нее раньше.

Вика тут же вскочила вслед за нею, и усадила обратно, приговаривая:

- Что ты, Кизили? Что ты? Успокойся.

И только когда ей дали попить, больная смогла перевести дух и произнесла:

- Ребята... Всем нам угрожает страшная опасность. Только что я вспомнила одну вещь, которую случайно услышала в крепости.

Все напряженно слушали ее, никто не смел перебивать.

- Вы помните, что когда меня пытали... - продолжала она, - когда меня стали выкручивать в костоломной машине, я быстро потеряла сознание. Меня стали колотить по лицу, и я очнулась, но сумела не подать виду, и вскоре они на время оставили меня в покое. Они начали обсуждать свои планы, а я напряженно прислушивалась. А может быть, они обсуждали их, даже зная, что я слышу, поскольку все равно приговорили к смерти. Так вот, колдуны обсуждали план полного уничтожения нашего города. И план этот был уже вполне продуманный, и осуществление его было в самом разгаре!

Она замолчала и окинула взглядом друзей. Вика, не потерявшая присутствия духа, произнесла:

- Так в чем же этот план состоит?

- Этот план, разумеется, колдовской, - ответила Кизили. – Они собираются создать прямо под нашим городом искусственный вулкан!

Все невольно вздрогнули, но, похоже, никто из парней особо не удивился. Они здесь привыкли к тому, что для ихмевалтов нет ничего невозможного. И видя их реакцию, Вика

не стала задавать скептических вопросов. Если они поверили, то значит, это и впрямь возможно. А вслух она спросила:

- И когда же это должно произойти?

- В том-то и дело! – воскликнула Кизили. – Это должно случиться всего через пару часов – сегодня в полнолуние.

- Точно? – спросил Лепотауко.

- Точно, - кивнула Кизили. – Из их разговоров я поняла, что у них в центральной зале на столе лежит колдовская карта, на которой отмечены координаты для появления вулкана. Все уже давно готово, и они ждут именно полнолуния, ну, вы знаете, оно всегда важно для колдунов.

- Вулкан под нашим городом, - произнес Сарвет. – То есть, лава станет подниматься с самого низа и затопит все этажи. И мы просто не успеем что-либо предпринять.

В глазах ребят не читалось никакой паники. То ли оттого, что их народ вообще отличался предельным хладнокровием, то ли новость была слишком невероятной, чтобы в нее поверить.

- Надо срочно эвакуировать город! – воскликнул Лепотауко. – Людей вывести еще успеем.

- А книги? А записи музыки? Разве все это успеешь вывезти? – возразил Ладвапунг. – Помоему, эвакуация – это не выход. Нужно напасть на крепость.

- Ну да, пока будем ломиться в ворота, они успеют привести алан в исполнение, - мрачно произнесла Кизили.

- А что, если перетащить всех в наш мир? – предложила Вика.

- Не получится, - откликнулся Сарвет. – Окна перехода еще слишком слабы, действуют всего лишь несколько минут. Даже если задействовать все мощности, удастся перебросить не больше сотни человек.

И тут у Вики возникла совершенно сумасшедшая мысль. Братание с ведьмой так и не прошло для нее даром – скрипучий голос по-прежнему продолжал фонить у нее в голове. Просто за прошедшее время она успела настолько привыкнуть к нему, что почти не замечала. А что, если попробовать его использовать в своих целях?

- Вот что, - сказала Вика вслух. – Кизили, ты по-прежнему консорг, свяжись с олауем, объясни обстановку и потребуй немедленной эвакуации. Ребята, помогите ей. А я попробую осуществить одну идею. Не мешайте мне, я должна побыть одна. Кони будут ждать вас в коридоре, Киира тоже заберите, он может кому-то понадобится. Да, и скажите академику, чтобы всех коней вывели, не только людей!

- Ты собираешься остаться? – вскрикнула Кизили. – В гибнущем городе? Ты с ума сошла!

- Ничего особенного, - ответила Вика. – В нашем мире, точнее даже, в моей стране, на великой реке Волге, когда-то был славный и древний город Молога. Безумные власти, совсем не думавшие ни об истории, ни об экологии, решили его затопить, чтобы там получить какую-то выгоду от повышения судоходности реки. Всех жителей оттуда вывезли, но около трехсот человек решили остаться, чтобы быть со своим родным городом, со своим домом до конца. Они все утонули, но это была прекрасная смерть, они стали настоящими героями, сражавшимися за Родину, ничуть не хуже солдат, павших на фронте. Ну а я... Не торопитесь меня хоронить. Или вы больше не верите в деву Войтто?

И она молча развернулась и направилась к конюшне, не оборачиваясь на крики друзей. Оказавшись на месте, заперла внутреннюю дверь и, открыв внешние ворота, приказала всем коням выбираться наружу. Четверо выполнили приказ, и только ее верный Луч не двигался с места, как будто понимая, что они могут больше не увидаться. Вика приблизилась к нему, обняла за длинную морду и сказала по-русски:

- Держись, Лучик. Видишь, как все устроено – когда-то мы умерли вместе, но теперь я не отдам тебя им. Уходи с друзьями, они тебя тоже любят, не меньше, чем я. Кизили так вообще тебя вырастила. Помнишь, как она радовалась встрече? Ну вот, с ними не

пропадешь. А может быть, мы с тобой еще встретимся, не в этой жизни, так в следующей. Ну, давай!

Белый красавец закивал своей разумной головой, прощально заржал и присоединился к сородичам. Вика поспешно закрыла ворота и заперла на засов, чтобы нельзя было открыть кнопкой снаружи. А коридор, тем временем, заполнялся встревоженными голосами, кажется, академик Кахеняога уже объявил всеобщую эвакуацию.

Впрочем, здесь, за плотно закрытой дверью, было совсем тихо. Как раз то, что нужно. Вика огляделась по сторонам. Она выбрала именно это место потому, что именно здесь совершила свой самый опрометчивый поступок – побраталась с ведьмой, пустила в свой организм ее поганую кровь. Значит, здесь связь должна быть сильнее. Скарификаторы, которые она сначала собиралась хранить, конечно, уже давно уничтожены. Но вот, например, сохранилось ведро, на котором Вика сидела, одевая фальшивую сестренку к празднику. Да вот оно, Вика узнала его по частично облупившейся надписи. Ну что ж, на него и сядем.

Для того, чтобы окончательно сосредоточиться, Вика выключила свет, задвинула ведро угол, и села на него. Вытянула ноги, привалилась затылком к сходящимся стенам. Ну вот, вроде бы достигла максимального расслабления, ничто больше не отвлекает.

За прошедшие дни, голос ведьмы, продолжавший фонить у нее в голове, иногда становился чуть громче, иногда почти исчезал. Если уж совсем наглед, то Вика спокойно глушила его парой песенных строчек.

Сейчас, прислушавшись к своим ощущениям, Вика поняла, что все по-прежнему. Скрипучий голос в ее голове еле слышно повторял: "Сестра, где ты? Откликнись, сестра! Послушай меня, сестра!" Как будто радиостанция передавала записанный сигнал на одной и той же волне. Конечно, у ихмевалтов нет радио, но принцип действия в чем-то похож.

Вика глубоко вздохнула, медленно выдохнула и мысленно громко произнесла:

"Я здесь, сестра! Я слышу тебя! Я зову тебя!"

Монотонный сигнал на мгновение прервался, как будто на том конце раздумывали, потом раздался уже осмысленный ответ:

"Сестра, я слышу тебя! Я здесь! Где же ты была?"

"Ну, наконец-то! – поддельно обрадовалась Вика. – Я так долго ждала тебя. Я пыталась звать тебя, но эти проклятые ученые глушили твой голос. У них есть какое-то средство".

"Какое же?" – тут же насторожилась ведьма.

"Я не знаю, - соврала Вика. – Они держат его в секрете, даже от меня, хотя я для них героиня".

"Постарайся узнать, ладно, сестра?"

"Ладно, постараюсь".

Еще некоторое время они продолжали болтать о каких-то пустяках, Вика старалась заговорить ведьме зубы, чтобы покрепче войти к ней в доверье. Она успела выработать у себя сразу два мысленных голоса. Одним, громким, она разговаривала с ведьмой, а другим, едва слышным, шептала спасительные строки стихов. И это сочетание, вроде бы, действовало – ведьма ничего не расслышала, не заподозрила и, кажется, начала терять контроль над собой!

"Сестра, как же мне тут плохо без тебя, как же я тоскую, как страдаю!" - повторила Вика несколько раз. Голос ведьмы становился все более приветливым.

Наконец, Вика решила, что пора действовать.

"Послушай, сестра, какая же я глупая! Совсем забыла на радостях!"

"Что такое?" - насторожилась та.

"Ты знаешь, сестра, эти проклятые ученые придумали для вас каверзу".

"Какую же?"

"Я слышала краем уха... - произнесла Вика с наигранной неуверенностью. – Вы там готовите какое-то мероприятие. Вроде очень веселое. Что-то связанное с картой. Так вот – они заслали к вам своего шпиона, который испортил эту карту, написал на ней неправильные координаты, чтобы вам все веселье сорвать".

"Это правда?" – ведьма заметно всполошилась.

"Да, они же от меня мало что скрывают", – ответила Вика.

"Что же теперь делать?" – спросила ведьма.

"Сестра, вся надежда на тебя, - сказала Вика. – Ты должна, пока никто не видит, пробраться на место проведения обряда и исправить карту на то, как было".

"А почему никто не должен видеть? – спросила ведьма. – Пойду и расскажу обо всем магистру".

- "Ты что, глупенькая! – воскликнула Вика. – Да ведь у вас же там шпион! Он один из вас, из ихмевалтов, вот в чем штука! Ученые его подкупили".

"Но магистр..." – начала было ведьма, однако, Вика перебила ее.

"Откуда тебе знать, может это он сам и есть? Может быть, он хочет вас всех обмануть, а все ваши денежки себе заграбастать? В таких делах никому доверять нельзя!"

"Да, ты права, сестра, - откликнулась ведьма после некоторого раздумья. – Ну что ж, скажи, что надо делать".

"Прежде всего, сестра, иди в зал с картой," – произнесла Вика.

"Иду, иду," – откликнулась ведьма.

И тут девочка даже как будто начала видеть ее глазами. Существо, которое когда-то выдавало себя за Ошо, было одето в такой же темный плащ с капюшоном, как и все ихмевалты, которых довелось увидеть Вике. Вот оно приблизилось к стене и сняло с нее факел, горевший все тем же колдовским огнем, которым освещалось все в крепости. Далее ведьма открыла тяжелую дверь, по-видимому, своей комнаты, и стала бесшумно красться по коридору, стены которого были сложены из крупных необработанных камней. Вика несколько раз подбадривала ее: "Так сестра, молодец, давай дальше". Пару раз ведьма замирала перед очередным поворотом, прислушивалась, приноживалась совсем позвериному. Но потом все же продолжала двигаться дальше.

Наконец, она взялась за массивное кольцо, врезанное в тяжелую дверь, как будто, тоже сделанную из камня. Факел осветил просторное круглое помещение. В нем не было ничего, кроме небольшого каменного стола в самом центре. На этом столе и была расстелена карта. Вика даже уловила мысли ведьмы о том, как она вместе со своими сообщниками встанет вокруг этого стола, взявшись за руки, и начнет колдовать.

"Ну вот, я на месте, – доложила ведьма. – Что дальше?"

"Осмотри карту, – скомандовала Вика. – Где там на ней написаны координаты цели?"

"Вот, вот, нашла!" – радостно сообщила ведьма.

"Что там написано"? спросила Вика.

Ведьма назвала ей несколько цифр – да, это были в точности координаты подземного города – его самого сердца, площади с памятником Войтто.

"Ну, вот эти цифры неправильные, их шпион написал, - произнесла Вика. – Сотри их и напиши вот что"...

И она продиктовала координаты самой крепости ихмевалтов, точнее, той самой площади, где чуть было не сожгли Кизили.

Вика увидела, как ведьма склонилась над картой и стала делать магические пасы. А когда она убрала руки, то там уже красовались именно те цифры, которые продиктовала Вика.

"Ну вот, сестра, я справилась. Теперь, наверное, отдохну. Все равно скоро всем здесь собираться!"

"Ты что, а про шпиона забыла? – прикрикнула на нее Вика. – Если ты здесь останешься, он же сразу все поймет! Скорее возвращайся к себе и сделай вид, что никуда не ходила!"

Ведьма послушно поплелась обратно по коридору. Вика проследила за нею до самого конца, пока она не заперла дверь и не прикрепил факел обратно на стену.

"Вот так сестра, молодец, хорошо управилась," - похвалила ее Вика.

"А что мне делать теперь? – спросила ведьма.

"А теперь ВСЁ ЗАБУДЬ!" – приказала Вика изо всех мысленных сил и тут же мысленно врубила на полную мощность динамик с песней.

И в ее сознании наступила мгновенная тишина. Последние стихотворные строчки отзвучали в ее голове, и больше не было ничего. Голос ведьмы исчез раз и навсегда, теперь не было даже самого малейшего намека на назойливый фон. Похоже, ведьма и впрямь выполнила последний приказ – забыла все напрочь.

Вика перевела дыхание и почувствовала, что взмокла до нитки. Сколько сил, оказывается, отнимает мысленное общение, по крайней мере, в столь сложном сочетании.

Она утерла лоб рукавом и поспешно поднялась на ноги. Рассиживаться не стоило. Нужно посмотреть, что там с наружи.

Вика отперла ворота и распахнула их. Пустынный коридор был освещен тусклым светом, совсем не таким, как обычно. Значит, жители уже покинули город. Придется выбираться самой.

Девочка мысленно пожалела о том, что отослала всех коней, а значит, теперь придется тащиться к северному выходу пешком. Но что же было делать? Ведь она не имела права рисковать никем, кроме себя и, тем более, лошадьми.

И Вика, с трудом заставляя себя переставлять негнущиеся ноги, двинулась в путь. За последние дни она успела прекрасно запомнить дорогу к северному выходу, но насколько же она оказывалась длиннее теперь, когда она шла пешком!

В покинутом городе не было ни души. И ее удивило то, какой царил порядок в оставленных людьми коридорах и на центральной площади, через которую пришлось пройти. Видимо, хонкийцы много раз отработывали эвакуацию. Кругом не было ни одной поваленной скамейки, ни одной распахнутой двери, ни одного раздавленного прибора. Правда, Вика не знала, сколько прошло времени с тех пор, как началось ее общение с ведьмой – в этом мире она так ни разу и не надела свои любимые часы – как-то не вписывались они в здешний ритм, что ли. Возможно, люди покидали свой город долго и мучительно. Но все равно операция отработана блестяще.

Вика совсем не боялась, что сейчас пол под ее ногами вспучится, и из разверзнувшейся бездны хлынет поток всепоглощающей лавы. Нет, она вовсе не была настолько уверена в успехе своей задумки. Могло случиться всякое. Возможно, ведьма все-таки опомнится и побежит исправлять сделанное. А возможно ихний магистр, или кто-нибудь еще заметит правки и вернет все на место. Правда, правки были внесены не каким-нибудь пишущим инструментом, а колдовским способом. Но кто знает, может быть, ихмевалты умеют чувствовать недавнее использование магии?

Да, все это могло быть возможно, однако Вика просто не думала о подобных вещах. Впервые после того самого вечера, проведенного в лесу, ее охватило чувство совершенной невероятности всего происходящего. Подумать только – она идет по покинутому жителями подземному городу на немыслимо далекой планете, может быть, за миллионы парсеков от Земли, совсем одна. Это могло показаться причудливым сном, навеянным чтением какой-нибудь старинной книжки, особенно, не переведившейся на русский... Все, что происходило здесь за эти дни – битвы, открытия, погони, полеты – все это не могло произвести такого впечатления, как прогулка по обычной заброшке. Пожалуй, ничто на свете не может казаться таким таинственным, таким мистическим, как что-то созданное человеком и покинутое им. Эхо собственных шагов гулко отдавалось в ушах, а в голову назойливо лезли мысли о привидениях. Впрочем, хонкийцы вряд ли любили истории о призраках, ведь эти создания, так или иначе, связаны с магией.

Наконец, впереди показалось темное пятно – незакрытый выход из тоннеля. Не иначе, его оставили лично для нее.

Вика выбралась наружу, и сразу же невольно вздрогнула от ночной прохлады. Когда глаза постепенно освоились с царившим на поверхности мраком, она увидела, что толпа беглецов удалилась от города на довольно большое расстояние. Сейчас они находились примерно на полпути между Тьедекауpunkи и крепостью ихмевалтов. Теперь, когда цель была близка, у Вики пробудились новые силы, и она ускорила шаги.

Вскоре она поравнялась со всадниками, находившимися в самом конце обоза. Ее никто не узнал в темноте, и она молча продолжала путь вперед, в начало колонны. Вика успела заметить, что здесь, похоже, и вправду все население подземного города – и старики, и совсем маленькие дети. Она даже разглядела несколько огромных возов с книгами – видимо, это был специальный мобильный фонд, всегда готовый к эвакуации.

Вика уже успела добраться почти до самой головы колонны, как вдруг землю сотрясло глухим гулом. Почва под ногами задрожала, и несколько человек, шагавших пешком, даже повалились с ног. Началось! Проснулся искусственный вулкан!

Толчки усиливались, следовали один за другим. Планета, как будто сопротивлялась вторжению в ее недра столь неестественным способом, готова была стряхнуть всех, кто находился на ней. Крики людей смешались с испуганным ржанием.

Однако, как успела заметить Вика, этот гул доносился не сзади, а спереди, то есть со стороны вражеской крепости. Оттуда же, из крепости, донесся дикий вой, исторгнутый из нескольких сотен глоток. И в тот же момент в окнах и бойницах крепостных стен появились багровые пятна. Но это был не огонь, пусть даже колдовской – это была раскаленная лава! Искусственный вулкан, который ихмевалты готовили для подземного города, настиг их самих!

По толпе пробежал растерянный ропот. Люди уже успели сообразить, что жерло вулкана раскрылось в крепости, но теперь им грозила новая опасность – лава прямо на глазах затопила все внутреннее пространство крепости, и теперь была готова вот-вот хлынуть наружу. Багровая шапка поднялась над крепостными стенами на несколько метров и начала уже спускаться по бокам, словно тесто, убегающее из кастрюли.

Люди, теперь уже затаив дыхание, словно завороченные, смотрели на эту беспощадную массу, готовую обрушиться на равнину, сметая все на своем пути.

Внезапно подземные толчки прекратились, и раскаленная масса, вроде бы тоже застыла на месте. Ее колоссальная шапка начала блекнуть, тускнеть, и на глазах превращаться в обычный камень! Ну, конечно же – теперь, когда все колдуны погибли, природа планеты взяла свое, и лава больше не хотела извергаться.

Вика точно не знала, может ли так быстро застывать обычная лава, но ведь этот вулкан был колдовским, поэтому все процессы в нем могли оказаться и ускоренными.

Она выдохнула весь воздух из легких и уронила лицо в ладони, как это бывает по окончании очень тяжелой, но необходимой работы. Только сейчас ей стало ясно, что страх неудачи с ведьмой все это время сидел глубоко в ее подсознании. И вот теперь это закончилось – на многие километры вокруг не осталось ни одного ихмевалта. Враг канул в ту самую яму, которую пытался вырыть другим. Неужели и вправду всё? Даже не верилось. Кругом слышались радостные крики, люди обнимались, плясали, хлопали друг друга по спинам. Ничего этого Вика не слышала. Ее ребра тяжело вздымались, слезы радости бежали по щекам... Наконец-то закончилось... Наконец-то закончилось... Раньше, на Земле, она могла ожидать всякого – не даром же училась и на коне скакать, и рубиться. Но вот такое, чтобы переиграть ведьму в ее же игре, причем в такой, где ставкой была жизнь целой цивилизации... Ведь ясно же, что эвакуация, на самом деле, мало что давала. Люди все равно были обречены попасть в руки колдунов, и вот тогда уже от хонкийского народа

не осталось бы ровным счетом ничего. Нет, вот уж магические игры в Викины планы точно никогда не входили, а она взяла и выиграла! Так и впрямь свихнуться можно. И тут чей-то огромный и влажный нос ткнулся ей в плечо. Лучик! Ну, конечно же, он стоял рядом, и в его разумных глаза читалось, что он понял всё, понял, кого следует благодарить за чудесное спасение города.

Глава 14 Новые знакомства и потери

После уничтожения крепости ихмевалтов, Вика могла с чистой совестью отправиться домой вместе с Лучом, о чем ей сразу же сказали ребята.

Хотя страна еще не была окончательно очищена от захватчиков, наступила долгая передышка. У ихмевалтов не было радио, а связываться с помощью колдовства они, вроде бы, не умели. Поэтому случившееся в здешней крепости навсегда осталось для остальных колдунов загадкой. Возможно, они списали катастрофу на неумелые действия своих собратьев и даже не догадались о спасении узников.

С освобожденными пленниками городу прибавилось забот – ведь все они, и дети, и взрослые были совершенно не образованны. Правда, читать они умели, но лишь на таком древнем, архаичном языке, который был во времена завоевания Хонки, а значит, даже в этом их придется переучивать. Впрочем, никто не отказался от учебы, все взялись за нее с энтузиазмом. Даже прежние отличники, вроде Инанашузи, увидев своими глазами достижения науки, отказались от всего того, что вдалбливали им в голову колдуны. Конечно, возникло два отдельных класса – для детей и взрослых. И дети должны были пройти все стадии, которые проходили обычные школьники. Пикшумдо была единогласно избрана председателем своего отряда Осенят и взяла обязательство за год, к следующему осеннему празднику девы Войтто, пройти курс первых трех классов и стать Первопроходцем, а за следующий год – еще четырех, чтобы догнать сверстников, рожденных в подземном городе. Это обязательство тут же подхватил весь класс. Ну а сама девочка решила уже сейчас начать участвовать в научных олимпиадах, чтобы в свое время войти в новый отряд Войтто. И само собой, взяла шефство над раненой Кизили – ведь ей еще долго понадобится помогать одеваться и все такое. А Вика никак не могла остаться дожидаться ее окончательного выздоровления. Может быть, со следующего раза она начнет задерживаться здесь подолгу, но пока надо посмотреть, к каким последствиям привело ее исчезновение в родном мире. Словом, без дополнительной девчонки в отряде было никак не обойтись. И ребята совершенно не боялись повторения истории с Ошо – ведь Пикшумдо так до сих пор и таскала при себе тот самый гвоздь, даже повесила его на шею, как первый в жизни оберег. К тому же, после всего случившегося, служба безопасности города повысила бдительность, и ученые создали несколько специальных приборов, способных выявить ихмевалтов. Все освобожденные пленники прошли ряд специальных тестов, и диверсантов среди них не оказалось.

Конечно, после победы Вика решила провести среди хонкийцев еще несколько дней. Нельзя же было вот так сразу взять и упорхнуть. За это время было много всего, в том числе и концерт, устроенный Викой и Ладвапунгом для всех свободных от работы жителей города. Собственно, Вика организовала его специально, чтобы дать своему другу возможность выступить перед большой аудиторией. Раскрутить, как сказали бы сейчас на Земле, но ей очень не нравилось это слово. На этом концерте сама Вика пела только на земных языках, а Ладвапунг сначала исполнял свои собственные песни под кантеле, а потом взял у Вики гитару и запел Высоцкого. За эти дни он успел не только освоить инструмент, но и сделать еще несколько переводов. Правда, Вике пришлось объяснять

публике некоторые непонятные ей вещи. Например, что такое скачки. Ведь хонкийцам были совершенно чужды подобные развлечения и, тем более, азартные игры – всю свою жизнь они полностью отдавали науке.

Кроме того, Вика решила исполнить обещание, уже давно данное самой себе – посетить старший отряд девы Войтто. А чтобы явиться к ним точно так же, как когда-то к младшему отряду, захватила с собою и Луча, и оружие.

Ехать было недалеко, но кто-то из ребят уже, видимо, успел предупредить старших товарищей по телефону. Поэтому, когда Вика приблизилась к двери, которую прежде несколько раз видела мельком, поняла, что ее уже ждут.

В коридоре стояли только трое, и Вика сразу поняла, что это и есть весь отряд – ведь она уже знала, что раньше в отрядах не было должности программиста. Как она и ожидала, это были люди совершенно не сломленные старостью – от младших коллег их отличала лишь седина да редкие морщины. У всех троих виднелись на груди значки академистов, но было видно, что, в отличие от олауя и его администрации, это по-прежнему совсем не кабинетные ученые. Да и одежда их была сделана из той же металлизированной ткани, что и консоумольская форма.

Приблизившись к ним, Вика спешила и двинулась навстречу. Первой шагнула к ней высокая широкоплечая воительница. Протянув Вике ладонь, торжественно произнесла:

- Здравствуй, дева Войтто. Меня зовут Тылзе, я медик и биолог, а так же лидер нашего отряда.

И, уже совсем не официально, притянула девочку к себе и крепко обняла ее, прямо до хруста в костях, точно так же, как Кизили при первой встрече. Вообще, хотя эти две ученых-воительницы внешне были совсем не похожи, но в их поведении сквозило невероятно много общего. Вот и старая Тылзе, едва отпустив Вику, тут же переключилась на Луча.

Удивительно, но специальности здесь распределялись точно так же, как и среди Викиных друзей. Наиболее могучий с виду воин, которого звали Дьюлеш, оказался физиком, как и Сарвет, а другой, куда менее массивный, по имени Регень, был, как и Ладвапунг, химиком, и, что окончательно поразило Вику – руноильей!

После бурного знакомства, все прошли в лабораторию. Она была устроена примерно так же, как и у младшего отряда, хотя в глаза тут же бросилось, что многие приборы выглядели довольно обветшалыми, ну и конечно, то, что здесь не было компьютера.

Стоял еще ранний час, поэтому, Вика попросила не устраивать никаких пиршеств, а просто стала расспрашивать старых ученых об их жизни. И у них, конечно же, нашлось, о чем рассказать. За время, проведенное на Хонке, Вика уже довольно хорошо изучила здешний уровень науки, прониклась проблемами, которыми живут ее друзья, поэтому теперь могла сравнить достижения старшего и младшего отрядов.

Но, конечно, больше всего она уделила внимания старой Тылзе, обсуждая вопросы наделяния лошадей разумом. Выяснилось, что опыты ставились не только на конях, но и на некоторых других животных – на собаках, кошках и еще на каких-то местных, неизвестных на Земле. Но выяснилось, что только у непарнокопытных мозг предрасположен к развитию почти до человеческого уровня. У Вики возникла даже шальная мысль – а что если все-таки пойти работать в цирк, вместе с Лучом, или даже прихватить с собою нескольких здешних коней. Уж они-то смогут показать зрителям такое, что отбою от публики не будет. Может, даже на пианино сыграют. Но она тут же отогнала от себя эту мысль, подумав, что не для такой же ерунды старались многие поколения хонкийских ученых. А работа, была, проделана громадная – повышать интеллект лошадей пробовали и с помощью химии, и небольших доз радиации, и генной инженерии, и обычной селекции. Многие ученые заплатили за эти попытки жизнью, особенно те, что работали с радиоактивными веществами. И все это только ради того, чтобы отыскать ее, Вику! При этих мыслях опять

накатила мысль о том, что она не очень-то оправдывает возложенные на нее надежды, что бы там ни говорили ребята.

Наконец, Вика отправилась осматривать все прилежавшие к лаборатории помещения – конюшню, медотсек и прочее. В кумирне, увидев деревянные скульптуры богов, она от души поклонилась им и даже расцеловала изображение Таару. Теперь она уже полностью ощущала себя жителем этого мира, и его светлые боги, составлявшие часть здешней природы, так же вошли в ее сердце.

По возвращении в лабораторию, вновь потекла бесконечная беседа. И хотя журналисты выпросили у Вики, казалось бы все, что только можно, и это давно прочел весь город, у старшего отряда все равно нашлась масса новых вопросов. Чувствовалось, что эти уже пожилые ученые очень сильно надеялись, что Вика заглянет к ним, но ни один из них не выразил недовольства тем, что это произошло с такой задержкой. Ведь они сами привыкли полностью отдавать себя общему делу и понимали, как для других важно вести себя точно так же. Когда Вика разговорилась с ними, выяснилось, что все они посвятили свою жизнь только работе над возвращением легендарной девы, не отвлекаясь ни на любовь, ни на создание семьи, и что так было принято во всех отрядах Войтто. Узнав об этом, Вика произнесла с восхищением:

- Это вы, а не я, настоящие герои! Это я должна восхищаться вами, а не вы мною!

И с особым трепетом пожала руку старой Тылзе, этой рослой, худой и жилистой, но совсем не сгорбленной деве – назвать ее старушкой язык не поворачивался. И ее волевое лицо совсем не портили несколько недавних морщин.

- Вам, наверное, очень досадно, что я попала к вам, когда ваш отряд уже стал старшим, и поэтому все мои приключения происходили не с вами? – спросила Вика. – Ведь, как говорится, счастье было так возможно? Оно ускользнуло у вас прямо из-под носа?

Старая Тылзе прижала ее к себе и сказала:

- Главное, что теперь мы знаем, что в твоих подвигах есть частица и наших стараний, а значит, наша жизнь прошла не зря.

- А вы могли бы провести ее по-другому? – спросила Вика.

- Думаю, нет, - ответила старая Тылзе. – Если бы нам не выпала честь служить в твоём отряде, то мы просто посвятили бы себя другим направлениям избранных нами наук. – Например, не разуму коней, а борьбе со старением.

Вот такой целеустремленный народ жил на этой удивительной планете – жил во имя науки, во имя книг, во имя торжества разума.

И Вика невольно задумалась над тем, каких бы высот достигли хонкийцы, если бы не многовековое иго ихмевалтов. Ведь из древних рун, исполненных Ладвапунгом в первый вечер, она узнала, что они всегда были такими, что это не какая-то временная тенденция. И вот у такого народа отняли возможность творить! А если бы он был свободным все эти столетия, и не эти двести десять тысяч, а многие миллионы людей? Тогда, пожалуй, они бы давно освоили свою галактику. Правда, сама она об этом не узнала бы – ведь вряд ли бы у них возникла потребность шарить в параллельных мирах. А может и возникла бы, из чисто научного интереса, кто знает?

После того, как полностью обсудили конский разум, могучий Дьюлеш стал показывать Вике старые приборы для открытия межпространственных порталов. Оказалось, в этой лаборатории их была целая коллекция, полностью сделанная руками именно этого отряда. Самый старый прибор был размером с деревянный лакированный телевизор, переключавшийся вертушкой, который был когда-то в Викином детстве. Были приборы и поменьше – величиною с транзисторный приемник. Но даже такой для коня было бы весьма затруднительно самому подбросить в конюшню. И неизвестно, как развернулись бы события, если бы Вика увидела в стойле чужого человека, пускай даже и такого добродушного на вид, как Сарвет или Дьюлеш.

Наконец, дошла очередь до Регеня, и Вика сама попросила его спеть свои собственные песни. Тот так и просиял, его старческие морщины мгновенно разгладились, Быстро поднявшись на ноги, он сдернул кантеле со стены, ударил по струнам и запел:

Где же ты, о, где ты,
Дева, что из света
Соткана зарею в утренних лучах
Тяжко виснут годы,
Будто бы колоды,
Без твоей улыбки мир совсем зачах

Где ж ты, поляница,
Легкая, как птица,
Быстрая, как ветер, рыщущий в степи,
Где же ты, тигрица,
Что боли не боится,
О, примчись скорее, дух мой укрепи!

Где ж ты, утешенье,
И мечты свершенье,
Сквозь тысячелетья блещущий маяк,
Скоро ли взовьется,
Вихрем пронесется
К нам от горизонта твой рассветный стяг?

Меч твой неустанный
Взор твой долгожданный,
Одухотворенный твой точеный лик
Мрак разгонят вечный
И от бесконечной
Боли нас избавят за единый миг!

Где же ты, шальная,
И для всех родная
Сказка ли, легенда глубины веков?
Поколенья просят –
Помоги нам сбросить
Душу задавивший тяжкий груз оков!

Так легко склониться,
Робко покориться,
Времени лихому, каторжной судьбе
Только не устану,
Ждать не перестану
И последний вздох мой обращен к тебе!

- Здорово! – воскликнула Вика с неподдельным восторгом, стоило только струнам замолчать. – А давно это написано?

- Ну... лет сорок назад, пожалуй, - откликнулся Регень, что-то подсчитывая в уме. Пожалуй, лет через семь после окончания учебы.

Вот как... Эта песня, пронизанная тоской и болью, запечатлела надежду на самое желанное и самое безнадежное в жизни хонкийцев.

- А что ж ты новую-то песню не написал? – усмехнулся Дьюлеш. – Знаешь же давно, что наша Войтто вернулась, сложил бы что-нибудь приветственное. Или исписался уже?

Поразительно – и в этом отряде тоже, по-видимому, физик и лирик постоянно цапались!

А Вика подумала о том, что, видимо, запоздавшая радость просто не может быть настолько сильной, чтобы радовать по-настоящему. Слишком много сил человек вкладывает в ожидание, и поэтому забывает его цель.

Тем временем, Регень запел еще что-то, теперь уже о красотах хонкийской природы, как вдруг раздался неожиданный и резкий звонок телефона. Тылзе подхватила трубку. Руноилья продолжал было петь, но вскоре, увидев, как внезапно изменилось лицо их командира, невольно замолчал.

Тылзе напряженно вслушивалась, лишь изредка вставляя односложные реплики, из которых ничего невозможно было понять. Наконец, она произнесла что-то вроде "есть!" и положила трубку на рычаг. Обернувшись к своим товарищам, старая воительница произнесла:

- В Кутсконской пещере обнаружено колдовство. Полностью заморожено все русло реки на протяжении наземного течения.

- Что это значит? – спросила Вика, хотя уже понимала, что дело очень серьезное.

- Видишь ли, - тут же принялся объяснять Дьюлеш. – Наш город снабжают водой десять источников. Девять из них полностью являются подземными реками. Но самый крупный источник, который по своему значению стоит всех остальных, вытекает через Тутсконскую пещеру на поверхность. Без него половина города останется без воды.

- Ихмевалты давно покушались на него – пытались отравить, облучить, и всё такое, - добавил Регень. – Однако, у нас стоят мощные фильтры, поэтому они, вроде бы, уже давно оставили эту затею.

- Но теперь им удалось заморозить воду, - закончила Тылзе.

- Да ведь сейчас еще совсем тепло, - заметила Вика. – Значит, у них морозильные установки?

- Нет, нет, Войтто! – воскликнул Регень. – Ты забыла, что мы имеем дело не с учеными, а с колдунами. Если бы там смонтировали какие-то установки, мы бы уже давно заметили. А это, скорее всего, горстка ихмевалтов, может даже один-два, спасшихся из крепости.

- Скорее всего, они давно готовили эту диверсию, а созрели только теперь, - добавила Тылзе, опоясываясь мечом.

- Возможно, это довольно сложное колдовство, - заметил могучий Дьюлеш, - а эти несколько ихмевалтов в момент уничтожения крепости находились в разведке, и не могли провести операцию в одиночку. А теперь вот все, как следует, подготовили и взялись за дело.

- Нашему отряду поручено провести экспертную оценку, - пояснила Тылзе, уже направлявшаяся в конюшню. – Возможно, предстоит драка.

- А мне можно с вами? – тут же встрепенулась Вика.

- Разве нейтсут Войтто должна нас о чем-то спрашивать? – ответил вопросом на вопрос Регень, который успел повесить кантеле обратно на стену и тоже вооружиться.

Уже через несколько минут четверо всадников поднялись на поверхность планеты на лифте – возможно, том самом, на котором Вика прибыла сюда. Едва стражники опустили за ними решетку, Тылзе рванула своего коня с места. Вика обратила внимание, что старший отряд, точно так же, как и младший, никогда не прищпоривает лошадей, а управляет ими лишь с помощью слов.

Кони неслись между деревьев со всей возможной прытью. Оно и понятно, такое дело не терпит отлагательств. Сейчас, наверное уже полгорода на ушах, без воды-то. Вике еще не доводилось скакать по лесу так быстро. Несколько раз приходилось срочно прижиматься к

самой шее Луча, чтобы увернуться от внезапно налетавших нижних веток. А вот кусты больно хлестали по ногам, и тут ж было ничего не поделаться.

Но уже минут через пятнадцать бешеная гонка закончилась. Всадники оказались на невысоком берегу довольно широкой реки. До противоположного берега было примерно метров десять. Сперва Вика не заметила никакого льда – вода была абсолютно нормальной, прозрачной. И только потом до нее дошло – река буквально застыла в движении. На ней кое-где виднелись волны, пенные барашки у берега, мелкие водовороты. И все это не двигалось, как будто было запечатлено на удивительно четком фотоснимке. Кое-где были видны даже застывшие рыбы и лягушки.

- Ничего себе, - невольно вырвалось у Вики.

- Да уж... Тут течение было – знаешь какое? – произнес могучий Дьюлеш. – Я пробовал как-то против него грести изо всех сил – так стою на месте и всё!

- А это точно лёд? – спросила Тылзе с сомнением. – Может, это какие-то шутки со временем, или с силовыми полями?

И впрямь – только теперь стало ясно, почему Вика не сразу поняла, что река замерзла. Дело было именно в прозрачности, в том, что лёд был каким-то неестественным, без всякого снега, и даже совсем не напоминал ту ледяную, слегка матовую толщу, что все привыкли видеть на замерзших водоемах.

- Да лёд это, лёд, что ж еще! – уверенно произнес Регень и выскочил прямо на середину реки. Копыта его коня гулко стучали по прозрачному веществу, но не могли отколоть даже мельчайшей крошки.

- Так, а образец-то надо добыть, - задумчиво протянул химик. – А то и впрямь, может, не лёд.

Он соскочил с коня, выхватил из ножен свой меч и принялся ожесточенно рубить им гладкую поверхность реки. Однако, та даже не думала поддаваться.

- Дай-ка, я попробую! – проревел Дьюлеш и тоже выскочил на лёд.

У него, как и у Сарвета, оказалась при себе мощная палица, которой он тут же принялся наносить сокрушительные удары. Наконец, его усилия увенчались успехом – ему удалось отколоть небольшой кусочек с вершины застывшей волны. Регень тут же подхватил было его и отдернул руку.

- Ай, до чего холодная, лурьюс! – выругался он.

Покопавшись в карманах, химик вытащил оттуда большой пинцет и поднял им осколок. Взяв под уздцы своего коня, вернулся на берег и стал пристально рассматривать добычу.

- Ага, кристаллы льда всё-таки есть, - произнес, наконец, Регень. – И здесь, на берегу даже начинают таять.

И в самом деле, кусок льда, зажатый пинцетом уменьшался на глазах, хотя и не так быстро, как обычный. Регень подставил ладонь и попробовал несколько капель.

- Да, на вкус самая обычная вода, примесей, вроде бы не наблюдается. Ну понятное дело – колдовство.

- Тогда может быть, попробовать колоть? – предложила Вика – Собрать побольше народу...

- Так далеко не уедешь, - покачала головой Тылзе. – Всю реку расколоть нам не под силу, да и потом, нужно высвободить, прежде всего, не ее, а источник.

- Что ж, тогда движемся к Кутсконской пещере, - великан Дьюлеш с неожиданным проворством вскочил на коня.

Теперь ехали уже не так быстро – присматривались к ледяной поверхности реки. Та оставалась все такой же гладкой. Но вот, наконец, закончился лес, покрывавший оба берега реки, и впереди показался высокий скальный массив. И на нем резко выделялся темный провал пещеры, из которого и вытекала неподвижная ныне река.

Не долго думая, Вика выскочила на лёд и направила своего скакуна прямо в пещеру, даже не подумав об освещении. Но проскакав всего метров пять, она чуть было не слетела наземь – замерзший поток резко обрывался, и стояла уже непроходимая каменная стена.

Подоспевшие следом старшие осветили ее факелами. Вика увидела, что поток уходит прямо под каменную глыбу, ни подлезть, ни заглянуть под которую невозможно.

- Ну, вот, собственно, и всё – с досадой пробормотал Регень. – Вот и вся экспертиза. Что скажем в городе?

- Н-да, - протянула Тылзе. – Если бы хоть знать, откуда это начинается.

- Наверное, с самого истока, - откликнулся Дьюлеш. – Иначе бы, этот лед давно бы снесло потоком.

- А где исток, неизвестно? – уточнила Вика.

- Где-то там, в глубине этих скал, - вздохнул Регень. – Более точно нам узнать так и не удалось.

- А у вас нет каких-нибудь тепловых пушек? спросила Вика.

- Нет, - покачал головой Регень. – Они нам как-то не понадобились до сих пор. Да и вообще, приборы тут бесполезны.

- Послушай, - обернулся к Вике Дьюлеш. – Ты ведь так ловко расправилась с крепостью. Вот бы и нам сейчас пробудить небольшой вулкан, река бы и согрелась.

- Да я ведь не умею самостоятельно пробуждать вулканы, - покачала головой Вика. – Крепость уничтожили сами ихмевалты. Они ведь собирались уничтожить нас, а я лишь переправила координаты. Это была чистая магия, а я ведь одна из вас, хонкийцев, не из ихмевалтов.

- В городе уже аврал, - задумчиво произнесла Тылзе. – Ресурсы остальных источников наверняка перераспределяются на жилой сектор. А производство, наверняка остановлено.

Вика окинула взглядом темную пещеру. В неровном свете факелов можно было с трудом разглядеть ее свод, увешенный многочисленными сталактитами. А может, и не сталактитами, может просто выступами камня. Она всматривалась все пристальнее, но так и не смогла разглядеть ничего необычного, что могло бы дать ей подсказку.

- Вот так задача, - произнес Регень. – За много веков мы научились кое-как отражать нападения колдунов. Мы смирились с тем, что им удастся заколдовать оружие или разные боевые вещества, вроде пороха, но мы еще не сталкивались с тем, чтобы они лишили нас ресурсов. Конечно, магия тоже не стоит на месте, совершенствуется.

Вика окинула взглядом своих товарищей. Они как будто по команде отвели взгляд. Ну, ясно, не хотят показывать, что полностью надеются лишь на нее одну. А что она может? Они настоящие ученые, отдавшие исследованиям всю жизнь, а она просто сопля, даже школу еще не окончившая. Как же они тут все перенадеялись на пришествие девы Войтто! Причем, больше всего на свете ненавидят магию, а сами ожидают от долгожданной нейтсют совершенно магических результатов. Видимо, в каждом ожидании содержится значительная доля веры в чудеса, так уж устроен человек. А ведь главное, если сказать им такое, то, возможно, навсегда разочаруются в ней.

Вика снова оглядела свод и стены пещеры, напряженно размышляя. Если не нагреванием, то чем же еще можно растопить лед? Вероятно, может помочь химия. Какие-то вещества должны обязательно растворять лед без теплового вмешательства. И тут ее осенило – ну, конечно же – это обыкновенная соль! Ведь это привычное всем вещество состоит из натрия и хлора. Натрий соединяется с водой, вызывая реакцию с выделением теплоты, а хлор, оставшийся без пары выделяется. Значит, решение настолько просто! Выходит, что быть отличницей полезно не только в школе. Честно говоря, она сама об этом раньше как-то не задумывалась. Просто знала, что победитель должен заучивать уроки, какими бы ужасными они не казались. А теперь, оказывается, что за строчками сухих формул скрывается то, что поможет тебе побеждать!

- Сыберад! – воскликнула Вика. – Я знаю, что делать! Нам нужна соль, обыкновенная поваренная соль!

- Ты вспомнила о том, что она растворяет лёд? – тут же откликнулся химик Регень. – Мне это сразу же пришло в голову. Только ничего не выйдет. Ты забываешь, что в нашем мире любое вещество, способное противостоять врагу, давным-давно заколдовано. Реакции не будет, и наука тут бессильна.

- Еще как будет! – воскликнула Вика. – Разве вы не знаете, что соль - не простое вещество?

- В каком смысле? – удивился старый химик.

- В самом прямом, - торжествующе воскликнула Вика. – Если даже соль и не растопит лед с помощью реакции, то уж точно снимет заклятье! Все дело в том, что обычная соль имеет одновременно как химические, так и магические свойства! Или антимагические.

И она принялась рассказывать о том, что на Земле колдуны да и просто осведомленные люди используют соль в самых разных целях – и чтобы навести порчу, и чтобы отвести ее. Как раз этой осенью, во время традиционной поездки на кладбище вместе с родственникам, Вика увидела, что вокруг одной из чужих могил как будто лежит небольшой слой снега. Но какой же снег в сентябре? При ближайшем рассмотрении оказалось, что это мелкая соль, видимо, рассыпанная кем-то из родственников покойного для того, чтобы отогнать злых духов.

- Неужели действует? – изумился Дьюлеш.

- Ну, я конечно, не специалист, - призналась Вика, - но наверное, если бы не действовало, то все эти обычаи не продержались бы на протяжении веков. А вы тут настолько ненавидите магию, что не додумались узнать о ней ровным счетом ничего. Я преклоняюсь перед вашей преданностью науке, но все же оружие врага тоже не мешало бы изучать.

- Так чего же мы стоим? – тут же взвилась старая Тылзе. – Я скачу в город, со мною Дьюлеш. Организуем консоумольцев и привезем столько соли, сколько сможем! Регень, ты остаешься с Войтто.

И они вдвоем выскочили из пещеры с проворством, которого никак нельзя было ожидать в их возрасте.

Когда топот копыт затих вдали, Вика снова подняла факел повыше и принялась осматривать стену, под которой скрывалась ледяная река. Наконец, не найдя ничего нового, спросила:

- Регень, а дальше точно не было никакого прохода?

-Ну, - химик задумался. – кажется, был. – Может, обвалом засыпало, а может...

- Заколдовали, - догадалась Вика. – Ну, последнее легко проверить.

Она выхватил из ножен свой кровный меч и принялась легонько простучивать острием близлежащие участки стены. Камень отзывался глухим, холодным звуком. За несколько минут Вика продвинулась на несколько метров, но так и не нашла прохода. Наконец, она достигла берега реки и без опаски ступила на колдовской лёд. Наклонилась и попробовала простучать мечом в самом низу, где каменная стена касалась застывшей воды. Все безрезультатно.

Вика продвинулась еще на несколько метров по противоположному берегу, потом еще и еще. Она уже было отчаялась, как вдруг клинок ушел прямо в гладкую скалу почти до самой рукояти. Вика чуть не упала от неожиданности, но быстро успела отшатнуться в сторону. Осмотрела стену – никакого отверстия там не было. Попробовала ощупать рукой, нет, и рука не проходила внутрь. Но когда она вновь дотронулась до скалы острием меча, колдовской камень тут же расступился под напором светлой стали.

Вика едва не вскрикнула от радости, но все же сдержалась, понимая, что могут услышать враги. Она повела мечом вправо, и на этот раз в поддельном камне осталась заметная щель. Примерно через полметра клинок уперся во что-то твердое и больше не хотел двигаться. Ага, значит, найден край отверстия. Вика развернула клинок вертикально и повела его

вниз, до земли. Потом повела влево, по самому низу. Вскоре меч снова наткнулся на реальную стену. Тогда Вика потянула его вверх. На этот раз он продвинулся вперед метра на два, а вверх пошел полукругом и, наконец, снова спускаясь вниз, достиг начала разреза. В этот самый момент, когда клинок очертил весь периметр отверстия, псевдо-камень неярко вспыхнул и тут же исчез. Вика невольно отшатнулась, затем вгляделась в образовавшийся провал, посветила туда факелом. Отблески огня заплясали на выступах камня и осветили тоннель, ведущий вглубь скального массива.

Молча, чтобы не привлечь внимания врагов, Вика помахала рукой Регеню. Тот все понял и, быстро миновав ледяную реку, присоединился к ней.

Вика прошла в тоннель первой и осмотрелась. Он оказался довольно узким, и реки здесь не наблюдалось, она оставалась за тонкой каменной стеной. Регень зашел следом, так же держа меч наголо. Через несколько метров они оказались у поворота. Раздумывать не приходилось – Вика нырнула туда резким движением. Но пока что ничего интересного не обнаружила. Пройдя еще метров пять, она таким же резким скачком прыгнула за очередной поворот, и увидела блестящую поверхность реки.

Теперь левая стена тоннеля закончилась, и он увеличился на всю ширину русла. Берег же стал совсем узким, всего в полметра шириной. Вика продолжала ступать по нему осторожно, чтобы не соскользнуть на лед. Все же, шагать по камню куда безопаснее.

Вот впереди показался еще один поворот, на этот раз, вместе с речным руслом. Вика едва сумела перебраться через загораживающий тропу камень, как вдруг...

Перед нею открылась огромная пещера, вдвое больше той, из которой река вытекала на поверхность. Ее освещали какие-то холодные огни на самом верху, по-видимому, колдовские. А внизу весь широкий берег реки был занят толпой ледьферфов. И было совершенно очевидно, что они уже давно ожидают их с обнаженными мечами.

Сразу стало ясно, что остается только одно – пойти в атаку первыми. Бежать бесполезно, да и стыдно для легендарной девы.

- Тьетейскирийаллисуус! – яростно выкрикнула Вика и бросилась прямо на толпу. Регень кинулся за нею.

Вот чего никогда не ожидали ледьферфы, со времен еще той, первой Войтто, что противник станет нападать при их явном численном превосходстве. Вот и на этот раз Вике удалось в первую же минуту срубить несколько чернобородых голов. Рой мушек поднялся к потолку пещеры и заслонил на мгновение свет колдовских светильников, но они тут же вспыхнули с новой силой. И это натолкнуло на мысль о том, что здесь, пожалуй, кроме воинов должен быть как минимум хоть один ихмевалт, а может, и несколько.

Вика поспешно окинула взглядом пространство пещеры и заметила на дальней стене не слишком широкий выступ, поднимавшийся до самого потолка. На самой вершине этого выступа мелькали какие-то смутные тени.

Но дальше рассматривать было некогда – ледьферфы опомнились и двинулись вперед неровным строем.

Вика, не задумываясь, применила свою излюбленную тактику – врубаться в строй противника, разрезая его на отдельные полосы. Она принялась наносить удары направо и налево, двигаясь при этом, не по центру, а отсекая от основной массы полосу в несколько бойцов, тянущуюся у самого берега. Регень, кажется, понял ее замысел, и начал отсекать такую же полосу у самой стены. Теперь единый строй чернобородых распался на три равные части.

Вика орудовала не только мечом, но и факелом. За несколько минут боя ей удалось поджечь несколько длинных бород и кожаных доспехов. Некоторые из воинов пытались броситься в реку, забывая о том, что она заморожена, и продолжали гореть на льду. Но огонь не мог растопить колдовской лёд.

Кстати, Вика отметила про себя, что Регень сражается ничуть не хуже ее самой, хотя ему было, пожалуй, далеко за семьдесят. Может быть, этому способствовали постоянные тренировки, а может, то, что наконец-то сбылась мечта всей его жизни – спеть свою песню для нейтсют Войтто.

Численное преимущество все-таки сказывалось, как и в первом Викином бою. Какой-нибудь вражий клинок нет-нет, да и задевал ей то руку, то ногу, то бок. Хорошо хоть, консоумольская форма спасала ее от большинства ударов, но все же она получила несколько небольших ранений. Не избежал этого и ее старший товарищ.

Вот несколько ледьферфов набросились на Регеня с особой жесточенностью, один даже с разбегу прыгнул на спину. Руноилья было скрылся од их массой, но Вика, вовремя заметив это, совершила дикий скачок и еще на лету срубила чью-то неопрятную голову. В пару секунд расчистив пространство вокруг старика, она хотела протянуть ему руку, но тот уже поднялся сам, и при этом поднял на мече одного из противников.

В этот момент кто-то попытался подрубить Вике ноги, ударив клинком сзади по коленям. Форма выдержала и на этот раз, но на ногах она все-таки не устояла. В падении Вика успела выставить руку, в которой сжимала меч и, не целясь, пронзила грудь кому-то из врагов. Приземлилась на опустевшие доспехи, успев поднять над головой факел, которым отразила атаку еще двоих. Попыталась подняться на ноги, но тут ее вынесло на лёд.

Перекувырнувшись несколько раз на гладкой поверхности, Вика ткнула в нее острием и, опираясь на него, наконец, поднялась на ноги. Несколько врагов вылетели сюда вслед за нею. Кто-то из них не удержался на ногах и выронил свой меч. Он быстро промчался по по ледяной поверхности и оказался у самых Викиных ног. Не долго думая, она подхватила чужое оружие и резким броском вернула владельцу – прямо в лоб.

Его товарищи начали приближаться к Вике, осторожно ступая по льду. Вика, по-прежнему опиравшаяся на свой клинок, взмахнула факелом. Один из нападавших отшатнулся, и пламя не задело его, зато ноги не удержались на льду, и он завалился на своих товарищей. Образовалась свалка. Вика тут же кинулась к ней и принялась рубить головы. Рой мушек чуть было не залепил ей глаза, но она тут же отмахнулась от них факелом. Несколько подоспевших с берега ледьферфов оказались более ловкими и сумели-таки скрестить мечи с Викой. Жесточенная схватка на льду продолжалась несколько минут. "Надо же, - пронеслось у нее в голове, - как будто хоккей. Хоккей с мечом! Не с мячом, а с мечом! Предложить что ли кому-нибудь такой вид спорта, когда вернусь на Землю?"

Впрочем, ей было совсем не до веселья. Подобное "развлечение" требовало огромного напряжения – ведь приходилось и работать обеими руками, а оставшиеся силы тратить на то, чтобы буквально вбить ноги в скользкую поверхность. Попробуй-ка удержаться на ней без коньков. Так что, уже совсем скоро ей пришла в голову легендарная фраза: "Такой хоккей нам не нужен!"

Мельком бросив взгляд на берег, Вика увидела, что Регень держится по-прежнему уверенно. Его меч так и сверкал в воздухе, успевая отбивать все атаки и сокрушать врагов. Кажется, руноилья даже что-то напевал негромким голосом, возможно, сочинял новую песню.

Тем временем, Вика наконец-то покончила с "хоккеем" и сумела-таки выбраться на берег. Ей снова подумалось – как жалко, что ее сейчас не видит приемная комиссия. Может быть взяли бы даже сразу на второй или третий курс. И папа тоже жалко, что не видит – ведь именно таким победителем он мечтал видеть ее всю жизнь, настоящим воином, а не просто отличницей в учебе.

Несколькими резкими ударами Вика расчистила себе дорогу к Регеню. Перебросившись с ним парой слов, поняла, что тот еще полон сил. Тогда она продолжила свою излюбленную тактику. Отрезая по узкой полоске от нестройной толпы ледьферфов, она очень быстро добивала их. Кто-то ухитрился полоснуть ее клинком по ладони, но она была настолько

увлечена битвой, что не только не выпустила меч, а восприняла это, как комариный укус. А может быть, меч просто не мог выпасть из ее руки, поскольку был для нее кровным, почти частью тела.

Внезапно спертый воздух пещеры прорезал громкий свист. Вика еле успела увернуться от какого-то летящего предмета, и прямо рядом с нею в землю врезалась огромная сосулька, длиною около метра и с толстого конца диаметром сантиметров в двадцать. Поскольку лед был колдовским, она не раскололась даже от такого мощного удара.

Вика вспомнила, что осматривая эту пещеру, не заметила в ней сталактитов, в отличие от первой. Значит, эти снаряды летели оттуда, где прятались ихмевалты. Вика продолжала размахивать своим оружием, то надевая кого-то на клинок, то подпаливая факелом. Но вот в воздухе просвистела еще одна сосулька, потом еще и еще. Некоторые приземлялись прямо в толпу ледьферфов, сражая их наповал. Похоже, колдуны нервничали и из-за этого не слишком хорошо целились.

Ах, до чего же жаль, что здесь нет никакого стрелкового оружия, хотя бы простейшего лука! А, впрочем, Вика никогда не училась с ним обращаться, так что, вряд ли попала бы в цель. Тогда ей вспомнилось, что она всего несколько минут назад неплохо метнула во врага меч, и решила повторить этот прием. Ей не пришло в голову подобрать один из множества разбросанных по земле мечей перебитых врагов. Она решила добыть оружие у пока что живого противника и ловким движением отрубила протянутую к ней руку, умудрившись перехватить чужой меч той же рукой, какой сжимала факел. На миг сунула свой собственный меч в ножны и, перехватив чужой в правую руку, как следует размахнулась и метнула в сторону ихмевалтов. Нет, столь искусный маневр оказался напрасным. Силы не хватило, и меч упал наземь, не долетев до скалы метра три. Значит, оставалось лишь уворачиваться от все летевших и летевших сосуллек.

Вот сразу пятеро чернобородых окружило было Вику, но она столь резко взмахнула факелом, что сразу же подпалила одному из них доспехи. Затем сунула меч другому прямо сквозь бороду. Остальные яростно отбивались, но она упорно теснила их к берегу замерзшей реки. В пылу этой схватки Вика настолько увлеклась, что не услышала зловещий свист, лишь заметила краем глаза, как что-то стремительно приближается. Но отскочить в сторону она бы уже не успела. Зловещий конец сосульки был направлен ей прямо в висок. До столкновения оставались считанные мгновения, как вдруг чья-то фигура метнулась прямо к ней и сшибла наземь. А когда Вика опомнилась и снова вскочила на ноги, то увидела Регеня, распростертого на земле. Колдовское оружие пронзило ему грудь.

Вика поняла, что теперь нужно во-что бы то ни стало покончить с ихмевалтами, иначе она ничем не сможет помочь раненому. Вот только как до них добраться? Отбив мечом пару ударов, она быстро осмотрела скальный уступ, с которого продолжали лететь сосульки.

Чем-то не нравился ей этот уступ. Он казался ей каким-то неестественным, вряд ли природа могла создать выступ именно такой формы. Не раздумывая, Вика стала прорубаться к этому выступу. Кажется, ихмевалты разгадали ее замысел и стали метать в нее сосульки одну за другой. Да и строй ледьферфов заметно уплотнился, они встали у подножья скалы, как будто единое целое, ошестинившись мечами. Сейчас бы очень помог такой силач, как Сарвет или Дьюлешь, который смог бы перебросить Вику через этот частокол. Но приходилось действовать в одиночку. А значит, пробраться поверху нечего было и думать. Тогда Вика поднырнула под ближайшие клинки и покатила по земле, сшибая врагов с ног. Конечно, продвинуться таким образом можно было недалеко, но она принялась рубить по ногам, не разбирая куда, и вскоре толпа расступилась. Вика тут же вскочила на ноги и в два прыжка оказалась почти у самой скалы. Трех последних оказавшихся там ледьферфов она быстро прикончила мечом и еще одному, попытавшегося ударить в спину, подохла факелом бороду.

Наконец, стоило ей только приблизиться к зловещему уступу, она налетела прямо на него и принялась ожесточенно рубить ее своим кровным мечом. И впрямь, ее ожидания оправдались – под действием светлой стали, каменная масса, оказавшаяся колдовской, начала исчезать прямо на глазах. Еще несколько ударов – и скала, исчезнувшая снизу на целых два метра, не выдержала собственной тяжести и рухнула вниз.

Вика едва успела отскочить, а летящие обломки уже приземлились на твердый грунт пещеры с оглушительным грохотом, погребая под собою всех тех, кто находился на скале. Не раздумывая, Вика кинулась добивать эти обломки мечом. Но когда последний из них исчез под действием светлой стали, стало видно, что опасаться уже нечего. Две неподвижно лежащих фигуры в плащах с капюшонами истекали кровью – у одной был проломлен череп, у другой – неестественно вывернута шея.

Вика поспешно обернулась к толпе воинов и поняла, что больше не надо отбиваться. Больше не раздавалось лязга мечей – пустеющие на глазах доспехи падали наземь, а в воздух поднялся огромный рой мушек. Такого массового распада ледьферфов Вика еще не видела. Колдовские огни под потолком тоже погасли, так что, теперь светил только ее факел.

Теперь, когда враг, вроде бы был повержен, Вика подбежала к распростертому на земле Регеню. Никто из ледьферфов не тронул поверженного воина, но что толку! Роковая сосулька насквозь прошила его грудную клетку, но он был еще жив. Сама же сосулька таяла на глазах. Услышав шаги, старый поэт открыл глаза и слабо улыбнулся. Вика стала искать глазами, чем бы перевязать рану, но Регень остановил ее:

- Не надо. Дыра слишком огромная, мне уже не поможешь.

Тогда Вика опустилась на колени и положила на них голову умирающего.

- Ты расправилась с ними? – спросил тот.

- Да, - кивнула Вика. – И река начинает оживать. Из глубины массива потек ручеек – видимо открылась ледяная пробка. Но вот эту замороженную массу без соли все равно, пожалуй, не растопить. Видимо, на дне, лежит какой-то артефакт, на который не повлияла смерть этих двух колдунов. Когда растопим лед, надо будет прочесать русло.

- Ах, кугу нейтсут Войтто! – прошептал старик. – Всё, всё ей по плечу!

- Ну, как же всё-то, - невольно всхлипнула Вика. – Тебя же я не сберегла, ты же из-за меня умираешь.

- Вот еще, - возразил Регень. – Умираю я из-за ихмевалтов, а если еще точнее, то из-за того, что так устроен мир.

Но Вика не могла сдержать слезы, и не могла перестать винить себя. Ну вот, Кизили она спасла... даже не она одна, а с помощью ребят, а теперь у нее на руках уже окончательно умирает друг. Да, конечно, друг. Хотя она прошла вместе с Регенем гораздо меньше, чем с младшим отрядом, но поняла, что это близкий друг, сразу же, как только услышала его песню.

- Ну, не плачь, - попросил старый руноилья из последних сил. – Главное, что ты все-таки пришла в наш мир, что я успел пообщаться с тобой, даже спеть для тебя. И я отдал жизнь за тебя. В прошлый раз тебя убили примерно таким же способом, а вот теперь я помешал этому. Разве можно просить у судьбы большего счастья?

Его сухие губы раздвинулись в блаженной улыбке, а взгляд разом погас, и веки опустились навсегда. А Вика продолжала все так же сидеть над ним, глядя по седым волосам, и даже не заметила, как уже подросли ее остальные друзья. Как их много, оказывается, еще в живых, и все-таки без этого друга, которого она и знала-то всего пару часов, разом стало пусто на душе.

Всего за пару часов консоумольцы высыпали на лед десятки мешков соли, и он растаял, как и предполагала Вика. Нырятьщики действительно обнаружили на дне какой-то странный многоугольный знак, который на вид был деревянным, но оказался тяжелее воды и даже не

смачивался ею. Его не потащили в город, а сожгли на месте. Сразу же после этого, растаяли все те остатки льда, на которые не хватило соли, и река потекла с прежней силой. В тот же вечер оба отряда девы Войтто отправились на похороны. Вику никто не уговаривал принять участие в этой церемонии. Старая Тылзе только спросила, почти одними глазами:

- Ты пойдешь?

- Конечно, пойду, как же иначе? – тут же откликнулась Вика.

- Тау, - прошептала старая воительница и кратко прижала ее к себе.

После этого все молча собрались и пустились в путь. Он оказался совсем недалеким – все на ту же центральную площадь. Вика ожидала, что никого не будет, кроме ее друзей. Но оказалось, что хонкийцы, не любящие растрачивать время на празднества, отнюдь не жалеют его на то, чтобы попрощаться с теми, кто оставляет их навек. Прямо перед конной статуей стоял простой помост, на котором лежало тело Регеня. Его лицо было спокойным, и на нем даже сохранилась та самая прощальная улыбка, с которой он обращался к Вике еще там, в пещере. А площадь буквально кишела народом. Некоторые просто подходили к покойнику и кланялись ему, а некоторые брали в руки стоявший неподалеку микрофон и говорили, кто что мог, без всяких заготовок, порою даже не очень складно, но от души. Из динамиков звучал голос самого руноильи, записанный, наверное, еще тогда, когда он был ненамного старше Ладвапунга. Сейчас звучала классическая руна о том, как дева Войтто, узнав о смерти отца, взяла свою первую крепость.

Эта скорбная атмосфера была совершенной непривычной для Вики – ведь на ее долю похорон пока еще не доставалось. А вот папа вспоминал о них довольно часто. У дедушки была большая семья – множество братьев и сестер, поэтому у папы оказалось куча дядей и тетей, и все они умирали почему-то очень рано, не говоря о самом дедушке, так что, папино детство прошло не только в безотцовщине, но и как будто на войне, в бесконечном вихре похоронок. Из его рассказов Вика запомнила лишь то, как больно ощущать свое бессилие перед потерями, и еще – что гроб чисто физически очень тяжелая штука. Папе приходилось таскать гробы, когда слегка подрос – ведь мужа и жены родных дядей и тетей были для него не кровными родственниками, а значит, эта ноша доставалась ему.

Вспомнив об этом, Вика обернулась к друзьям и спросила:

- А когда привезут гроб?

И старики, и молодые, недоуменно переглянулись. И лишь совсем юная Пикшумдо откликнулась:

- А, гроб, это я знаю – такой ящик в который зачем-то кладут мертвецов и зарывают в землю. Я видела этот обычай у ихмевалтов.

- Вот оно что! – удивленно покачал седой головой могучий старец Дьюлеш. – Ну уж нет, это совсем не по-нашему. Земля – это наша мать, это живой организм, а мертвое тело излучает мертвую энергию. Ни к чему земле такие "подарки". наших мертвецов забирает огонь Пану, сын солнечного света. Он и землю не дает заразить, и печаль нашу выжигает, не такая она безутешная, если тело предать огню.

- И этот огонь, Войтто... - старая Тылзе положила свою широкую и крепкую ладонь ей на голову и задумалась. – Словом, Регень был бы очень рад, если бы именно ты предала его во власть Пану.

Вика молча кивнула. Конечно, что же ей еще остается сделать для этого человека, ждавшего ее всю жизнь?

Дьюлеш протянул ей уже заранее заготовленный факел, конечно, не такой импровизированный, какими ребята пользовались в боях, а фигурный, металлический, изготовленный специально для этих случаев. Тылзе щелкнула зажигалкой, и после этого старые воины торжественно протянули факел Вике.

Сам по себе процесс оказался совсем несложным. Для кремации хонкийцы пользовались не дровами, а какой-то бесцветной жидкостью, которой как оказалось, помост с телом покойника был уже облит. Стоило только поднести пылающий факел, как огонь охватил тело настолько быстро, что Вика невольно отпрянула. Стена пламени поднялась настолько стремительно и высоко, что за нею сразу же стало ничего не видно. А Вика все еще продолжала сжимать пылающий факел.

Торжественно застывшая дева с факелом... Невольно вспомнилась богиня победы, стоявшая на папином столе - статуэтка из столь распространенного теперь полистоуна. Папа покупал и дарил ей подобные вещи, надеясь увидеть ее именно такой, вечным победителем. Ох, иштенюмалад, ну какая из нее богиня? Ни воскресить покойного поэта, ни отвезти его в Вальгалу... или, нет, Вальгала это у германцев, а какой там рай полагается воинам у финнов? Короче, ничего этого Вика не могла.

Она, вопреки своему обычаю не боролась больше со слезами, которых все равно никто не видел – так быстро они высыхали у этого огня – а лишь стояла и проклинала про себя законы вселенной, по которым зло во все века остается неистребимым, и победа не бывает окончательной никогда, даже для нее, Виктории. Неужели нельзя было изначально сделать мир лучшим? Нельзя было сделать так, чтобы в нем вообще не было зла? Она не верила в это, не могла поверить...

***

Теперь, когда в старшем отряде остались только двое, он, фактически, прекратил свое существование. И вообще, раз дева Войтто уже найдена, то продолжать эстафету отрядов больше не имело смысла. С нею на всю жизнь останется нынешний младший отряд, если только не повторится история с переброской в будущее. Поэтому Вика решила, что двоим старым воинам лучше присоединиться к молодым, тем более, что они хорошо знали друг друга – старшие помогали младшим освоиться на первых порах. Так что, теперь возник единый отряд из шести человек. И надо ли говорить, что старики были настолько молоды душой, что очень легко вписались в коллектив. Тем более, что Кизили по-прежнему не могла служить практикующим врачом и экспериментатором, и занималась лишь теорией. Словом, беспрерывная работа закипела с новой силой.

А Вика поняла, что вот теперь и вправду может вернуться домой – все здешние дела для нее на ближайшее время и впрямь закончились.

Глава 15

Виссатер... э, нет, теперь уже просто Возвращение

Специальных торжеств по поводу отбытия героини хонкийцы снова устраивать не стали, как и при ее прибытии - настолько были увлечены своей работой. Но все же академик Кахеняога пришел поздравить ее с победой и даже сам приволок на горбу книги, которые заказал для нее Ладвапунг. Кстати, лишь теперь Вика узнала, что тиражи здесь очень даже приличные – около ста тысяч экземпляров. То есть, по одному на двоих жителей подземного города. А это означало, что каждая изданная книга имелась во всех семьях. Более того, как объяснил ей олавуй, хонкийцы очень трепетно относились к печатному слову, и берегли, как зеницу ока не только книги, но и подшивки журналов и газет. Практически, за все время существования Тьедекаупунки, не пропало ни одного печатного листка, а некоторые хонкийцы даже отдали жизнь ради спасения книг от врагов и катастроф.

И хотя переход между мирами должен был занять всего несколько секунд, собираться в дорогу пришлось довольно долго. На спину Лучу нагрузили две больших переметных сумы.

В одной были сложены земные Викины вещи, два меча, а так же огромная куча книг, газет и журналов, которые ей обещал Ладвапунг, в том числе и тот номер "Юуркаупунки", где было напечатано его собственное стихотворение, написанное от имени Киира, и его переводы из Высоцкого по Викиому подстрочнику. А еще Вика нахально выпросила у Нюлтягга все номера журнала, где печатался его роман – уж очень он ее увлек. Надо было видеть, как светилось его лицо, когда он подписывал номера для самой нейтсют Войтто! А Вика подумала о том, что исполнила свою давнюю мечту – хоть и не съездила в Германию, но все же везет из дальних краев полную сумку книг на иностранном языке. В эту же сумку друзья умудрились запихнуть даже ту самую копию памятника, сделанную Лепотауко. Вике стало очень неловко, она, было, начала отказываться, но программист заверил, что формы у него сохранились, и он легко отольет новую статуэтку. Ну а другую сумку до отказа наполни свежими плодами мянтюлакки.

Впрочем, не только приятную тяжесть многочисленных подарков увозила с собою Вика, но и нестерпимую душевную тяжесть потери, которая, как она знала, останется с нею навсегда. Не бывает в жизни хэпиэндов, не терпит их реальность. Всегда, если даже победа и кажется полной, что-нибудь да омрачит ее, что-нибудь заставит помнить о том, что зло во вселенной неизбежно. Что, мол, думала, так изящно переиграла ведьму на ее же территории, так вот запросто, одним махом спасла город и раздавила всех врагов? Ан, нет, так не бывает, что-нибудь все-таки да случится. И над этим законом не властна ни простая отличница Вика Никифорова, ни легендарная дева Войтто, пришествия которой столько веков ждала целая планета. Ничего ты тут не сделаешь, не сунешь никакую палку в жернова вселенских событий. Впрочем, что для вселенной смерть старого поэта? Так, статистическая погрешность. Но этот человек был на свете, и его окружали живые люди, а значит, их плач стоит во вселенной. Ох, зачем же все это придумано, зачем, создано, зачем, зачем?..

Вика думала, что для того, чтобы открыть портал, придется снова отправляться в лесную глушь, в ту самую точку, где она впервые оказалась на Хонке, и что отряд отправится ее провожать. Теперь это было уже вполне возможно – Кизили, хотя еще и ходила на ногах с помощью Пикшумдо, в седле держалась совершенно уверенно.

Однако ехать в лес не пришлось. На этот раз окно перехода открылось прямо из лаборатории. Руководил отправкой Сарвет. И стоило ему только запустить прибор, как в засветившемся луче Вика увидела знакомое стойло! Помахав рукой всем собравшимся, девочка натянула поводья, и уже через пару секунд портал закрылся за ее спиной.

Конечно, Вика пообещала хонкийцам вернуться в любой момент, как только они обратятся к ней за помощью. Для этого ей оставили тот самый прибор, который она когда-то нашла в конюшне. Сарвет научил ее управлять им. Теперь Вика могла сама в любое время открыть портал на Хонку. Прибор был настроен прямо на лабораторию младшего – ах да, теперь уже единственного, отряда. Первоначально же так не стали делать потому, что Киир мог и ошибиться, и принять за Войтто совсем не ту девчонку. В этом случае ей пришлось бы стереть память.

Вика спешила, разгрузила Луча, сняла с него сбрую, перекинула сумы через плечо и, подобрала свой школьный рюкзачок, так никем и не тронутый, вышла из стойла. Направляясь к дверям конюшни, она увидела, что все лошади, вроде бы, на месте.

Вика понимала, что еще одного человека, кроме папы, придется посветить в свою тайну – конечно же, Петра Леонидовича. Оказалось, что на Земле прошло всего два дня, и сегодня только среда все той же недели. Никто не поднял тревоги – мало ли, какие у Вики дела. Правда, тренер был весьма озадачен пропажей Луча, но полностью доверял ученице, понимал, что она обязательно вернет коня. К тому же, без нее Луч все равно не подпускал к себе ребят.

Сейчас был уже вечер, кружковцы давно разошлись. Так что, у Вики нашлось достаточно времени, чтобы всё объяснить есаулу, как следует. Они долго сидели на кухне и пили чай все с тем же рафинадом. Потом Вика показала тренеру несколько газет из своего мешка, почитала вслух по-хонкийски, затем перевела. Угостила его плодами мянтюлакки. И, наконец, подарила ему один из своих мечей – ихмевалтский, добытый в первом сражении (то есть, нет, не подарила – ведь острое не дарят, а продала за символический один рубль). Все равно теперь ей самой может понадобиться только ее древний, кровный меч. Есаулу тут же пришло в голову посмотреть ученицу в деле, но стоило им только скрестить клинки несколько раз, как он опустил шашку, и, едва сдерживая слезы счастья, произнес:

- Ну, Виктория... Ты уже сильно обогнала старика, мне теперь с тобою не тягаться.

- Но вы ведь не бросите со мною заниматься? – порывисто спросила девочка.

- Нет, конечно, - улыбнулся казак. – Только это будут теперь просто разминки. Научить тебя чему-то новому я больше не могу.

Вика крепко обняла старого тренера на прощание и, перекинув через одно плечо седельные сумки, а на другое закинув свой школьный рюкзачок, поспешила домой.

На полпути обернулась и крикнула:

- Да, Петр Леонидыч!..

- Что? – откликнулся есаул.

- Чуть не забыла – купите Лучику горчицы. Оказывается, он ее обожает.

Пока Вика топала домой с тяжелым грузом, ее начали одолевать столь же тяжелые мысли, теперь уже связанные с родным миром. Как оно обернется в школе-то? Ведь точно Риткин папаша от нее не отвяжется. Он способен подкупить и полицию, и судей, и кого угодно, так что, Вике очень даже светит колония или тюрьма. А может быть, он даже начнет по-настоящему охотиться на них с папой. При его деньгах ему будет неслабо нанять киллера или заминировать квартиру, разрушить весь подъезд. Тем более что журналист Никифоров уже не раз разоблачал его махинации... А может быть, обойдется и без взрывов – Воронкин просто отнимет у них квартиру по суду, в качестве компенсации за моральный ущерб, и их выбросят на улицу вместе с книгами... Все это были отнюдь не напрасные страхи. Вика-победитель ничего не боялась, а просто констатировала, что такое вполне возможно.

А может быть, дожждаться, пока папа вернется из командировки, и вместе махнуть на Хонку? Втроем – он, она, и Луч? Чего, собственно, терять в этом мире? Родня у них с папой есть, но, все сильнее и сильнее отдаляется с каждым годом, погрязая в многочисленных внуках и дачах. Теперь доводится их увидеть лишь пару раз в году, когда они вместе посещают могилы предков. Школьные друзья у Вики не то, чтобы не разлей вода, среди них нет ни одного такого, какие появились у нее в боях за Хонку, так что, переживут, надо лишь не исчезать так внезапно, как сейчас, а сказать им, что она уезжает далеко... да вот хотя бы, участвовать в конных спектаклях в Германии. Петр Леонидович... ну, тот уже все знает и поймет, учиться у него теперь нечему, а навещать старика периодически будет можно. А уж что касается вещей – книг и прочего, то Вика не сомневалась, что друзья помогут ей перетащить буквально все до последней бумажки и даже соорудят в подземном городе полную копию земной квартиры. Ведь для девы Войтто хонкийцы готовы на всё. Сама Вика будет жить в отряде, станет разрабатывать планы атаки на оставшиеся крепости ихмевалтов, а для папы, конечно, найдется работа в городской прессе. Пожалуй, там даже издадут его книги, которые он всю жизнь писал в стол, да еще и настоящим, стотысячным тиражом, а не таким мизерным, какие пошли в современной несчастной России. Хонкийцам его романы должны понравиться – ведь их героини очень похожи на Войтто. Правда, папа, в отличие от нее, абсолютный землянин, а значит, не вспомнит хонкийский язык вот так вот разом, как она, но живя среди носителей, любой язык выучить недолго. Так что, терять тут особо нечего. Хотя, остается еще любимый вид за окном, но к нынешнему моменту от него уцелело меньше половины – всё загадили

проклятушие новостройки. Из безумно близких сердцу пятиэтажек, таких же, как их собственная, остались на виду лишь две, так что, тут уже мало о чем остается грустить. Словом, все это надо как следует обдумать...

Когда она переступила порог своей по-прежнему пустовавшей квартиры, телефон так и разрывался. Девочка едва успела обтереть об коврик свои консоумольские сапоги, и подхватив трубку, бухнулась в кресло.

- Вика? Живая! Наконец-то! – раздался в трубке голос ее одноклассника Коли Тургенева. – А мы тут уже все с ума сходим, договорились все пацаны звонить по очереди, а тебя все нет и нет.

- Ну а чего? – вздохнула девочка устало. – Меня же все равно из школы выгнали.

- Вот! – торжествующе воскликнул Коля. – Шастаешь где-то, и не знаешь, что Людмилу тоже выгнали!

- Куинка омети? – ляпнула Вика по привычке на хонкийском языке.

- Что-что? – изумился парень.

- Я говорю, как это? – поправилась Вика.

- Да вот так! – радостно откликнулся Коля. – Воронкина, ну, Маргошкиного папашу, арестовали, у них в хоробах обыски идут. А Людмила, оказывается, тоже как-то там замешена была. Ее брать не стали, но из школы тут же поперли. Теперь у нас новый директор – Татьяна Николаевна Симонова, добрейшей души человек. Мы объяснили ей про тебя, и она просила, чтобы ты срочно вернулась. Хотя... вроде бы, прогулы на этой неделе засчитывать не будут - типа, ты невинно пострадавшая.

- Вот это да! – у Вики от таких новостей голова шла кругом. – Спасибо тебе. И всем ребятам спасибо. Кстати, скажи-ка, что задали на завтра...

Положив трубку, она долго не могла прийти в себя. Что же получается? Победа в чужом мире привела к восстановлению справедливости здесь? Или это просто совпадение? А, впрочем, какая разница? Вика знала, что нужно всегда бороться за правое дело, и не собиралась отступать от своего принципа.

Она пошла переодеться с дороги, а после уткнулась в учебники – ведь Вика-победитель была просто обязана предстать в обновленной школе во всеоружии. За уроками она просидела допоздна, так, что заснула за столом – ведь победа над колдунами не означала, что алгебра станет даваться ей легче - а когда проснулась, то уже пора было вовсю бежать. Поэтому девочка не стала копаться в сумке, отыскивая свою обычную одежду, а вновь натянула форму консоумольцев. Только значок, подумав, отцепила – еще будут соваться с ненужными расспросами.

Когда Вика вошла в свой класс, мальчишки просто устроили ей овацию. А она, как всегда, пожав всем руки, примостилась на своем обычном месте – первой парте у окна. Как вдруг, прямо перед нею выросла делегация девчонок.

- Послушай, Криво... э, то есть, Вика, дай списать домашку... - робко произнесла одна из них.

- А, держите, - кивнула Вика, протянув им тетрадь, и только потом спохватилась. – А что это вы ко мне? Как же ваша "королева"?

- Да ты что, она же вон – вся не в себе! Ревет целыми днями, уроков не делает...

Вика уже не слушая их, выскочила из-за парты. Маргошку она узнала не сразу. Та сидела на своем месте в каком-то старом сереньком платьице до пят - бабушкином, что ли - а ее лицо без всякой косметики, стало совершенно непривычным, даже, пожалуй, человеческим. Вот разве что, глаза покраснели от беспрерывных слез, да губы все еще оставались распухшими после Викиного кулака.

Не обращая внимания на удивленный гул, Вика выхватила свою тетрадь у девчонок, приблизилась к Маргошке и протянула ей.

- А... - та вскинулась ошарашено. – Тебе чего? Торжествуешь победу?

- Вот еще, - сказала Вика без всякой злобы. – Держи, списывай, потом остальным дашь.

- Но...

- Списывай-списывай, - перебила ее Вика. – И не благодари. Учти, что ты мне по-прежнему совсем не нравишься, и я вовсе не простила тебя за те слова. Но ты моя одноклассница, и я никогда не брошу товарища в беде.

- Все равно спасибо, - всхлипнула Маргошка. – Только зачем мне списывать? Все погибло. Я теперь никому не нужна. Я больше не королева, девчонки от меня отвернулись. И никто из парней не пойдет со мной на выпускной, никто не пригласит на танец...

- Ладно, если хочешь, я с тобой потанцую, - усмехнулась Вика. – Прискачу на белом коне и приглашу...

- Да... - протянула Маргошка, окидывая ее взглядом – У тебя и впрямь теперь прикид шикарный, хотя и не вечернее платье. Только... все равно для меня все кончено. Не буду я больше учиться.

- Но ты же шла на золотую медаль, вот и не сдавайся! – воскликнула Вика.

- Да какая медаль! – всхлипнула несчастная. – Теперь мне все учителя твердят, что и аттестата-то не дадут, хотя бы я в лепешку расшиблась.

- Чего-чего? – искренне изумилась Вика. – Ты же отличница по справедливости, тебе оценки не завывшали.

- Ну и что? – вздохнула Маргошка. – Кого это теперь волнует?

Вот оно – всколыхнулось в душе у Вики. То самое, неизбежное зло, которое обязательно да высунется после любой победы. Сейчас бы самое время праздновать – торжествует справедливость, торжествует закон, друзья-мальчишки рады за нее... Но кто-то снова плачет, у кого-то снова беда. И на этот раз Вика приложит все силы, чтобы горя во вселенной стало меньше. Конечно, Маргошка оскорбила ее, и оскорбление это забудется еще неизвестно когда, но теперь уже с ней поступают несправедливо, и так дело оставлять нельзя.

- А ну-ка вставай! – Вика схватила Маргошку за руку и вытащила из-за парты. – Идем к директору!

- Зачем? – не поняла та.

- Ну, как зачем, - покачала головой Вика. – Говорят, она справедливая. А я помогу ей разобраться, если она еще всех тонкостей не знает.

И Вика решительно повлекла бывшую "королеву" в коридор, хотя уже прозвенел звонок.

23 июня - 25 декабря 2018 с перерывом на август-октябрь.